

ВМЕСТЕ С КНИЖКОЙ
КОНАН

КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН И БРОТ ВЫЕ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДА МИТ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРУДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛШИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИ НЕРВА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ АУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВЫЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВА КИММЫ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ИСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗАНЬ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАССВЕТ ИДОЛ 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕ ПРОКЛАД 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЩИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

Великий

КОНАН

КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2001

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)
В18

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использована работа Frank Frazetta.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Варенберг Э., Эмрис Д.

В18 Конан и наследие мертвых: Роман. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 400 с.

ISBN 5-17-007575-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-053-7 («Северо-Запад Пресс»)

Запретная магия процветала на одном из островов Западного Моря и привела островитян к гибели. Проклятые богами, они должны были унести на Серые Равнины свое темное искусство... но одному из творений Мрака удалось избежать гнева Небес. Бесстрашный киммериец вновь встает на пути извечного Зла в романе Энтони Варенберга «Наследие мертвых».

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999

© С. Шикин, оборот, 1998

© «Северо-Запад Пресс»,

составление и подготовка текста, 2001

Пролог

Выше двухсот зим минуло с тех пор, когда существовал крошечный остров Тиар, замыкавший собою Барахский архипелаг в Море Запада. Остров этот славился великими мастерами-художниками, жившими вокруг гигантского вулкана с глубоким кратером, который и снабжал их минеральными красками, пурпурной, алой, желтой, темно-коричневой, лазурной, что казалась светящейся: ее приготавливали, смешивая известняк, кварцевый песок и минералы, содержавшие медь.

Тиарийские мастера писали на беленых стенах, клали краски на влажную штукатурку, пока слой строительного раствора не затвердел. Писать приходилось сразу начисто, ведь краска тут же приставала к грунтовке, и поправить что-либо было уже нельзя. Выручали только многочисленные эскизы, выполненные прежде начала работ. Художники расписывали стены

своих жилищ, и, обитая на смертоносном вулкане, меньше всего думали о смерти, воспевая жизнь, забавы и празднества. Время от времени остров сотрясали подземные толчки, гудел и курился вулкан, к соседству с которым все привыкли, ибо жили так более тысячи зим.

Но однажды катастрофа произошла.

Гул больше не умолкал, а нарастал, словно неведомый великан, державший на себе остров, проснулся и стал пробивать и расшатывать нависший над ним свод. Недра дрожавшего вулкана выплюнули раскаленную, огнистую пемзу. Она покрыла пылающий Тиар плотным, высотой в локоть, пластом. Потом, с монотонностью струек земли, сбрасываемых на гроб, на выгоревший, оплавленный остров полился пепел. Эта морось уравнивала поля и дворцы, причалы и ямы, скрывавшиеся под насыпью мельчайших пылинок, опускавшихся неторопливо и медленно, как во сне. Она всё росла и росла, кратер же, погубивший жизнь, провалился почти на полкилометра. Остров художников был разом уничтожен. Из его обитателей, как считалось, не спасся никто.

Ибо корабли, на которых они пытались покинуть свою уединённую родину — если успевали до таковых добраться — были разбиты гигантской приливной волной.

Так сбылось древнее пророчество о проклятии чудесного острова. Ибо на нем существовала

особая каста живописцев-магов, чьи творения, создаваемые ими на особым образом пропитанных и обработанных дощечках-таволах, казались живыми. Подобное не удавалось больше никому! Эта странная, ни на что не похожая жизнь существовала только на ирсунке и была очень, как бы точнее выразиться, замедленной. Но если смотреть на картину долго, то становилось видно, как персонажи перемещаются, меняются их позы и выражения лиц. Диковинные таволы были предметом вожделения богатейших людей Хайбории, жаждавших во что бы то ни стало заполучить хотя бы одну для себя, но тиарийские мастера свои работы не продавали ни за какие деньги и охраняли их столь тщательно, что многочисленные попытки похищения оказывались неизбежно обречёнными на неудачу. Считалось, что чудесные картины ни в коем случае не должны покидать пределов острова. В противном случае, они могли сделаться источником бесчисленных бед, а на головы тиарийцев пало бы проклятие богов. Что, в конце концов, и случилось.

Один из живописцев-магов, именем Ролло, родился безумным. Нет, внешне он ничем не отличался от обычных людей, но из-под его кисти выходили исключительно чудовища, одно безобразней другого. Целые клубки тварей, длинных и скользких, как змеи, но с человеческими или звериными головами, и непременно алчу-

щие крови. Сии мрачные фантазии несчастного Ролло, копошащиеся в его воспаленном мозгу, переползали оттуда на таволы, извергаясь из своего создателя одна за другой. Ролло был плодовит чрезвычайно. Он работал сутками напролет, до полного изнеможения, и сделался похожим на ходячую тень. Он говорил, что не может иначе, и если прекратит писать своих тварей, то они сожрут его изнутри. Так что, давая им жизнь, он отчаянно искал для себя спасения, но не нашел. В один далеко не прекрасный день безумца нашли мертвым. Ролло покончил с собой — такого не совершал прежде ни один из магов-живописцев. А одно из его полотен пропало. Наверное, то, что он не смог за ним уследить и допустил похищение, и заставило Ролло в отчаянии наложить на себя руки. Так или иначе, некий чрезвычайно удачливый и ловким аргосский купец тайно вывез таволу на одном из своих торговых кораблей.

Через три дня после этого проснулся вулкан, и Тиара не стало. А чудовище, змееподобная черная гадина с маленькой кошачьей головой, раздвоенным языком и одною парой когтистых лап, изображенная на похищенной таволе, наоборот, вполне ожила, заставив своего нового владельца и весь его род служить себе вечно.

Глава первая

Конан прибыл в Бельверус еще утром, но только к вечеру, покончив с некоторыми неотложными делами и, главное, устроив Райбера на постоянном дворе, понял, что теперь можно расслабиться и оглядеться.

— Если я задержусь, — предупредил он, — не волнуйся, я все равно за тобой приду. Ложись спать. Захочешь есть — припасов у нас хватает, с голоду до утра не умрешь. Дверь я на всякий случай запру снаружи. Все понял? Эй, Райбер, подай голос!

— Понял, — ответил мальчик. — Конан?

— Ну, что? — обернулся киммериец, уже стоявший у двери.

— Ты не бросишь меня? Не умрешь?

— Конечно, нет. — Северянину пришлось вернуться. — Я обещал твоей матери позаботиться о тебе, а если я даю кому-то слово, то не для того,

чтобы послушать, красиво ли звучит мой голос. Ты же знаешь.

Тонкие детские руки обвилились вокруг его шеи.

— Ну, парень, брось эти нежности,— проворчал Конан, не собираясь признаваться даже самому себе, что тронут этим доверчивым жестом.— Они мужчине не к лицу.

— Моего лица все равно никто не видит,— возразил Райбер.

— Не важно,— произнес Конан.— Главное не то, что кто-то увидит или узнает, а лишь то, что ты сам знаешь о себе. Ясно?

— Нет,— сказал мальчик.— Объясни.

— Ладно, как-нибудь попозже объясню.— Киммериец не купился на простенькую попытку заставить его еще чуть-чуть задержаться, и решительно захлопнул дверь снаружи.

Оставшись в одиночестве, он направился к ближайшей таверне, оказаться внутри которой, однако, варвару сегодня оказалось не суждено. Из дверей заведения с шумом вывалилась вдребезги пьяная компания во главе с богато одетым мужчиной с длинными до плеч волосами, причем он был еще пьянее своих собутыльников и едва держался на ногах. Кое-как добравшись до коновязи, он отвязал свою лошадь и попытался усестись верхом, но с первым попытке из этой затаи ничего не вышло — он упал животом на седло и тут же съехал обратно. Конан наблюдал

за происходящим, молча и забавляясь довольно-таки уморительным зрелищем. Мужчина, ругаясь по-черному, все-таки влез на лошадь, тут же вонзив ей шпоры в бока, отчего животное рванулось с места в галоп, дико заржав, встало на дыбы, затем понесло, лихо перемахнув через коновязь. Пьяный седок несколько мгновений каким-то чудом держался в седле, хватаясь за гриву лошади, но в конце концов все-таки перелетел через ее голову и шлепнулся в лужу, перемежая вопли боли с отчаянными ругательствами. Конан теперь уже откровенно хохотал — картина, в самом деле, к этому вполне располагала. Лошадь ускакала, задрав хвост. Ее хозяин неловко ворочался в жидкой грязи, поднявшись на четвереньки.

Движимый непонятно каким порывом, Конан подошел к нему, взял за шиворот, рывком поднял и поставил на ноги. Мужчина посмотрел на него ничего не выражающими глазами и попробовал изречь нечто вроде слов благодарности.

Киммериец хотел было произнести в ответ язвительную тираду, и тут попристальнее взгляделся в лицо длинноволосого... Он мог бы поклясться, что прежде уже видел его! Это лицо было северянину знакомо, и знакомо давно. Зеленые глаза, высокий чистый лоб и правая бровь, рассеченная маленьким шрамом...

— Тариэль,— растерянно сказал Конан.— Это ты, что ли?

— Н-ну,— утвердительно кивнул мужчина.— А-а откуда ты меня...

Он не договорил, потому что в это время во двор, причитая, выбежал хозяин таверны.

— Кто, ну кто мне заплатит за этот погром? — фальцетом вопил он, хватаясь за голову.— Где проклятый мерзавец, который его учинил?!

Мгновенно оценив ситуацию, Конан приложил палец к губам.

— Тихо,— произнес он.— Сматываемся.

Это было проще сказать, чем осуществить. Тот, кого киммериец назвал Тариэлем, был явно не способен передвигаться без посторонней помощи и все время норовил снова упасть. Между тем хозяин таверны приближался быстро и с видом весьма решительным. Несмотря на высокий голос, это был крупный детина, ростом равный Конану, и явно не из слабаков.

— Не лезь,— крикнул ему Тариэль.— Не лезь, собака, ноги выдерну, к Нергалу!

— Я сам тебе сейчас кое-что выдерну,— пригрозил тот, ничуть не испугавшись.— Или плати, или немедленно позову стражу, посидишь в камере, разом мозги на место встанут!

— Ну, все,— заявил Тариэль, отталкивая Конана, который являлся его живой опорой, и, естественно, тут же не удержал равновесия и оказался на земле.

— Сколько он должен? — спросил киммериец, рассчитывая избежать драки — он был нынче не в настроении кого-то калечить.

— Больше, чем ты думаешь,— огрызнулся хозяин таверны, хотя и по-прежнему грозно, но все же с чуть изменившейся интонацией, видимо, решая для себя непростой вопрос, то ли пустить в ход кулаки, то ли миром добиться возмещения ущерба.

— Этого хватит? — Конан бросил ему несколько золотых монет, и пока тот их подбирал и пересчитывал, взвалил слабо сопротивляющегося Тариэля на плечо и пошагал прочь.

— Пусти,— сказал Тариэль,— я сам могу идти...

— Заткнись,— бросил варвар.— Видел я, что ты можешь. Куда тебя «проводить»?

Вероятно, весьма неудобное положение вниз головой способствовало тому, что переполненный вином желудок Тариэля взбунтовался, возжелав немедленно возратить все выпитое и съеденное обратно,— Конан едва успел сбросить старого знакомого с себя и поставить на зесью, как того мучительно вырвало. После чего Тариэль стал соображать чуть яснее.

— Я тут рядом...— Он неопределенно махнул рукой.— Поможешь? Ты хороший парень, я тебя люблю. Пошли, с женой познакомлю... с Д-да-рой...

Конан вспомнил об оставленном в одиночестве Райбере и заколебался, впрочем ненадолго. Мальчик, должно быть, давно спит, измотанный долгим переходом, он сыт, в тепле и в безопасности, из запертой комнаты никуда не денется, и туда вряд ли войдет кто-либо посторонний. Поэтому ему ничто не мешает принять приглашение. Кроме того, Тариэль без него просто никуда не доберется.

— Пошли,— решительно согласился варвар, закидывая руку Тариэля себе на плечо,— давай, перебирай ногами. Я же не знаю, куда идти.

Довольно быстро они добрались до нужного места — богатого особняка с высокой чугунной оградой, в которой, по счастью, имелись незапертые ворота — в них Конан и вошел, направляясь к дверям. Словно заметив его или услышав шаги, навстречу выбежала женщина; в густых вечерних сумерках Конан поначалу не разглядел ее черт, определив только, что она небольшого роста и очень стройная. Ни слова не говоря, она подхватила Тариэля с другой стороны и вдвоем с Конаном препроводила его в дом.

— Ты — Дара? — полуутвердительно сказал киммериец, переступив порог и освободившись от своего полуживого груза, передавая Тариэля на попечение подросших слуг.

— Да, я,— женщина подняла голову и изучающе посмотрела на него.— Спасибо тебе.

Конан на миг замер, когда ее невозможные, огромные, глубокие глаза цвета дикого меда встретились с его собственными. В них была вся любовь и вся мудрость мира, словно этой женщине уже очень много лет; и в то же время она показалась ему совсем молодой, почти девочкой, хрупкой и тоненькой, хотя он только что имел возможность убедиться, что она довольно-таки сильная.

— Спасибо,— повторила она, прерывая затянувшееся молчание.— Я рада видеть тебя, Конан. Тариэль столько рассказывал о тебе! Идем, я распоряжусь, чтобы тебя накормили и показали, где ты сможешь отдохнуть — ты видно, голоден и устал после дороги.

— Так он помнит меня? — удивился варвар, хотя ничего особенного в этом не было: он и сам сразу узнал Тариэля.

— Конечно. Черноволосый киммерийский медведь с сапфировыми глазами.— Дара улыбнулась, и эта доверчивая улыбка осветила ее лицо, словно луч солнца; у Конана замерло сердце.— Перепутать невозможно. А теперь извини, я на время тебя оставляю, присоединюсь к трапезе позже. Конгур! — позвала она.

На зов явился мальчик лет четырнадцати. В том, что это сын Дары и Тариэля, сомнений не было — он был очень похож на обоих родителей.

— Конгур, дитя,— ласково сказала Дара,— займись нашим гостем, мне надо подняться и посмотреть, как там отец.

— Буду рад сделать это,— серьезно кивнул мальчик.— Пойдем, господин. Как мне тебя называть?

— Это Конан из Киммерии,— представила гостя Дара.— Очень достойны человек и давний друг твоего отца. А где Джахель?

— С Элаем,— отозвался Конгур,— я только что видел ее, когда зашел показать свои эскизы.

— Хорошо,— кивнула Дара,— так я ненадолго оставлю вас.

Стол был накрыт на четверых, видно, здесь ожидали непутевого главы семейства, и Конгур охотно составил компанию Конану, который лишь сейчас почувствовал, до какой степени голоден. Он обратил внимание на то, что в доме Тариэля в основном питаются дарами моря — всевозможной прекрасно приготовленной рыбой и прочими, с его точки зрения, сомнительными вещами, однако киммериец не привык воротить нос от какой угодно еды и принялся за нее с нескрываемым удовольствием.

— Отцу нравятся все эти морские твари,— сообщил Конгур с чуть заметным налетом осуждения.

— А тебе нет.

— Почему. Мне тоже. Мне не нравится только, что он опять сегодня... — мальчик не стал продолжать, и так было ясно, что он имеет в виду.— А вы давно с ним знакомы?

— Зим двадцать назад, парень; мы вместе сражались в Халогге,— объяснил Конан.— Ты знаешь, что твой отец был гладиатором? Он был тогда примерно твоего возраста, разве что чуть постарше, а бился славно, ничего не скажу. Наверное, и тебя научил кое-чему?

— Немного,— сказал мальчик.— Я не люблю драться. Я художник.

— О,— неопределенно произнес киммериец.— И как, получается?

— Да, наверное. Если мне доверено расписывать купол храма богини Нат, значит, учитель верит в мои силы. Я ученик мастера Тарса,— с гордостью добавил Конгур.

— Извини, не слышал,— признался Конан, весьма разочаровав его своим вопиющим невежеством, хотя Конгур постарался из вежливости этого не показывать.— Ну, я вообще далек от этих дел,— продолжал северянин,— видишь ли, искусство совсем не моя стезя. Мне, конечно, не все равно, красиво или безобразно то, что я вижу, но мне как-то больше по душе вещи, от которых есть польза. Например, хорошо иметь клинок с красивой рукоятью, но если он не закален по всем правилам, какой в нем прок? Богатая инкрустация не влияет на победу или поражение и поможет спасти свою жизнь.

— Она сама по себе может быть победой или поражением,— отозвался Конгур.— Ты ценишь силу мастерски нанесенного удара, но поверь,

что прекрасное тоже может обладать своею силой.

— Кто тебя научил этому? Мастер Тарс? — поинтересовался Конан, подивившись быстроте и уверенности ответа.

— Нет. Мой отец, — твердо сказал мальчик. — Он умеет ценить очень разные вещи.

— О да, — подтвердила подошедшая Дара. — Тариэль способен на многое. Вижу, вы уже познакомились поближе? Что же, Конгур, я знаю, что ты спешишь; можешь идти.

— Мне надо закончить эскиз, — проговорил мальчик, срываясь с места.

— Только не изнурай себя, работая над ним до рассвета, дорогой, — вслед ему попросила Дара.

— Наверное, я пойду, — сказал Конан, тоже поднимаясь. — Меня ждут. Благодарю тебя.

— Подожди, — остановила его Дара. — Где ты остановился?

— В «Золотом соколе», а что?

— Ужасное место! — заметала она. — Возможно, ты согласишься провести ночь здесь? У нас огромный дом, места хватит.

— Я не один, — объяснил северянин.

— Твой спутник, кем бы он ни был, нас тоже не стеснит.

— Он... э-э... ребенок, — сказал Конан. — Десять зим.

— Тем более, — оживилась женщина, — ребенку просто нельзя оставаться в «Золотом соколе», здесь ему будет куда как лучше. Приводи его!

Конан задумался. Предложение Дары было разумным и весьма кстати. Он не видел причин отказываться от столь искреннего гостеприимства, но...

— Как там Тариэль? — спросил он, выигрывая время, чтобы принять решение.

— Спит, — сказала Дара. — Все хорошо. Послушай, твоя одежда нуждается в основательной стирке.

— Не сейчас. Я, наверное, приду завтра, — решил Конан.

— И мальчика приводи, — напомнила Дара, — обязательно.

— Да. Приведу. Привет от меня малышу, когда проспится.

— Кому? — переспросила она.

Конан спохватился, сообразив, что назвал Тариэля так, как нередко обращался к нему в Халогге. Неудивительно, что Даре показалось, будто она ошиблась.

— Тариэлю, — исправил Конан свою ошибку. — Мы... я так его называл когда-то. Он был самым младшим среди нас, а казался и вовсе ребенком. Правда, только до тех пор, пока не выходил на арену. Там ему немного находилось равных.

— Он рассказывал, — подтвердила Дара. — И о том, что ты спас ему жизнь тоже.

— Было и так, когда он выручил меня, в свой черед. В некотором смысле, я должник ма... Тариэля. Такое не забывается, сколько бы зим ни прошло.

Дара продолжала взирать на него с серьезным и сосредоточенным выражением, а Конан испытывал необыкновенные ощущения, почти утопая в ее глазах, так поразивших его с первого мгновения. Дару, пожалуй, нельзя было назвать образцом женской красоты, ни одна из черт ее лица не казалась совершенством, однако в целом облик ее производил завораживающее впечатление. «Милая,— с неожиданной нежностью подумал Конан,— какая же ты милая, Дара!»

— Так мы будем ждать тебя и мальчика,— сказала она.— Надеюсь, ты не станешь пренебрегать приглашением. Тариэль будет счастлив, если ты придешь.

— Да,— голос вдруг отказался повиноваться ему и прозвучал хрипло, словно что-то мешало киммерийцу говорить.— Жди меня.

...Он вернулся в «Золотой сокол», окликнул Райбера:

— Эй, я пришел. Ты здесь? Все в порядке?

— В порядке,— ответил мальчик.

Конан перевел дух. Кром, он, наверное, никогда не привыкнет к тому, что не может определить местонахождение Райбера иначе, чем по голосу.

— Ну и отлично. Слушай, утром я снова ненадолго отлучусь. Ты взрослый парень, надеюсь, давно не боишься оставаться дин.

— Возьми меня с собой,— умоляюще проговорил Райбер.— Я тебе никак не помешаю. Я буду молчать, как рыба! И меня никто не заметит.

— Возьму обязательно, только чуть позже. Я тут встретил одного человека, которого когда-то неплохо знал. Может быть, мы переберемся из «Сокола» в его дом. Нас уже пригласили.

— Нас? — переспросил Райбер.— Ты рассказал ему обо мне? Думаю, он вряд ли поверил. И потом, здесь вовсе не плохо. Не хочу я никуда уходить! Зачем нам это? Разве мы не можем оставаться вдвоем. Конан, если я тебе надоел, то ведь теперь не так долго осталось. Ты сам говорил, что Атайя где-то в Бельверусе. Мы найдем его, и...

— Я пока его не нашел,— сказал киммериец, не сообщив, разумеется, что к поискам даже не приступал, и подивившись обиженным, испуганным ноткам в голосе Райбера. Да парень ревнует! — Послушай-ка, приятель, давай сразу договоримся. Ты мне не надоел. Ты — очень важная часть моей нынешней жизни, также как и я — твоей. Но часть — это еще не вся жизнь. Понял меня? Мы не в пустыне. Вокруг нас много других людей. И мы общаемся с ними, иногда это радует, иногда совсем наоборот. Однако мы не

можем и не должны принадлежать только друг другу. Я не твоя вещь, и ты — не моя.

Никакого ответа.

— Ты меня слышишь?

— Да.

«Нергал,— подумал Конан,— может быть, я разговариваю с ним слишком резко? В конце концов, у него никого нет, кроме меня. Райбер — всего лишь одинокий ребенок. Но как бы то ни было, ребенок вырастает и станет мужчиной. Никто и никогда не будет с ним церемониться и подтирать сопли, в том числе и кровавые. Так что пусть сразу привыкнет к тому, что жизнь достаточно сурова». К сожалению, он не мог видеть ни глаз, ни выражения лица Райбера, и ему оставалось только догадываться о его реакции на свои слова. Но брать их назад Конан в любом случае не собирался.

— Спи,— сказал северянин,— до утра еще далеко.

Райбер не ответил. Наверное, действительно заснул. Конан сбросил сапоги и как был, в одежде, лег с ним рядом, закинув руки за голову. Воспоминания нахлынули сразу — он не ожидал, что они будут такими яркими. Воспоминания о Халогге и о другом очень юном тогда существе, с которым его столкнула судьба.

...Когда Конан впервые увидел этого худого мальчишку, забившегося в угол, точно дикий волчонок, то подумал — какой там гладиатор!

Это была, определенно, типичная жертва, предназначенная быть убитой в первую же минуту своего первого и единственного боя. Он молча и с некоторой тревогой смотрел на своих будущих возможных противников... Впрочем, и при более близком знакомстве Таризель не стал заметно многословнее, парень, как выяснилось позже, заикался столь сильно, что дослушать до конца начатую им фразу не у всех хватало терпения, и мучительно стыдился своего порока. Положительно, язык ему ни в какую не повиновался, и Таризель предпочитал молчать. Обратив внимание на эту живую насмешку судьбы, Конан подошел к нему и спросил, глядя на Таризеля с недостижимой высоты своего немалого роста:

— А ты-то как сюда попал, приятель? Ты и меча в руках, пожалуй, не удержишь.

Парнишка вскинул на него настороженные глаза, еще не зная, кто перед ним — друг или враг, но они осветились невозможной надеждой: в голосе гиганта не было насмешки, открытого издеательства, только сочувственное недоумение.

— Не то что не удержит, даже не поднимет,— заржал Даур, еще один из бойцов.— А на арену его придется выносить, сам он ног не дотащит. Хотя чего стараться, можно и пинком — тогда долетит.

Мальчик и тут ничего не сказал и не попытался заставить Доура замолкнуть, но взгляд его

из бойниц век, ошетилившихся длинными жесткими стрелами ресниц, отчего-то заставил Конана подумать, что юное создание вполне может оказаться не таким простым, как вероятно было предположить, сообразуясь с первым впечатлением. Киммериец взял его за руку выше локтя и укрепился в своем мнении, обнаружив что под тонкой кожей — далеко не кисель.

— Эй, Конан,— продолжал изощряться Даур,— с каких это пор ты стал интересоваться мальчиками? Конечно, этот скорее похож на девочку, может, нам его специально привели, чтобы было, чем развлечься?!

И тут парень поднялся. Признаться, даже выпрямившись во весь рост, он не стал значительно выше, однако то, что он сделал, было странным и, уж точно, безрассудным. Он скинул с плеч рубашку, оставшись обнаженным по пояс, в одних лишь затертых кожаных штанах, и сделал шаг в сторону Даура с непередаваемым выражением обледеневшей ярости на лице. Его жест бесспорно указывал на то, что мальчик намерен драться, и драться насмерть, как смертник-воин.

В бесстрашном развороте отчетливо выступивших тонких ключиц, в двух крошечных темных факелах сосков на лишенной даже намека на растительность груди, во всей его позе была отчаянная решимость идти до конца, до предела, если понадобится, за предел, разделяющий

жизнь и смерть. Гибкое юное тело было словно изваяно гениальным скульптором — совершенное, сплошь состоящее из тугих сухожилий. Даур криво усмехнулся и сплюнул себе под ноги.

— Тебе конец, щенок.

Бойцы замерли в молчании — слышно было только напряженное дыхание множества людей. Даур с ревом ринулся на мальчишку, готовый прикончить его одним ударом, но тот в последнюю долю мгновения отступил чуть в сторону, и его противник пролетел мимо, врезавшись в стену.

Пелена бешенства ослепила Даура, он бросался на Таризля снова и снова, а тот продолжал кружить, уворачиваться, стараясь поначалу только не дать противнику задеть себя, а потом, подпустив Даура предельно близко, поймал его на молниеносно выхваченный из-за короткого голенища сапога нож.

Удар был точным и страшным, лезвие по рукоять вошло в сердце врага, и тот тяжело рухнул на каменный пол... уже мертвым. Кровь не хлынула даже тогда, когда юноша, склонившись над поверженным противником, выдернул нож — и затем снова вернулся в свой угол, сел и замер, полуприкрыв глаза.

— Он убил его,— выдохнул кто-то.— Нергал, мальчишка сделал это!

— Молодец,— сдержанно похвалил Конан, набрасывая на плечи Таризля рубашку.— Правиль-

но. Никогда, никому не позволяй себя унижать. Как твое имя?

Юноша открыл было рот, чтобы ответить, но из этого ничего не получилось. Его лицо исказилось в мучительном напряжении, однако кроме нечленораздельного мычания он не мог произнести ничего.

— Ты не умеешь говорить? — сочувственно спросил киммерец.

— Т-Таризель, — с трудом выдавил тот и облегченно улыбнулся, доказав, что варвар не совсем прав относительно него.

— Таризель? Так тебя зовут? Я правильно понял?

Юноша с готовностью кивнул.

Он много и жадно ел, столь же много и с тою же ненасытной жадностью учился искусству боя и на глазах становился все более крепким и сильным. После случая с Дауром, да еще учитывая, что мальчишка находится под негласным, но очевидным покровительством Конана, с Таризелем немного находилось охотников связываться. Он пережил и первый серьезный бой, и все последующие, одерживая одну победу за другой, хотя это и требовало от него немалых усилий. И только с собственной неспособностью говорить справиться не мог, как ни старался. очевидно, это обстоятельство весьма удручало и тяготило Таризеля. Он, как мог, пытался справиться со своим отказывающимся подчиняться языком, но,

увы, почти безуспешно. Мало того, что Таризель заикался, он, к тому же, не владел нормальной дикцией, и во рту у него была такая каша, что легче было догадаться о смысле его слов, нежели их понять. Однако постепенно Конан узнал историю его появления в Халогe. Таризель был из семьи бродячих танцовщиков и с детства в совершенстве владел своим телом, являясь заодно акробатом и мимом, каких поискать, да и умение метать ножи у него можно было поучиться. Он был настолько пластичен, что подчас казалось, будто у него вообще нет костей. Многие из своих навыков он перенял у своего друга Ган Шена, наполовину китайца, принадлежавшего к той же труппе. Конечно, в физической силе ему было не сравниться с Конаном, однако тот, например, только диву давался, наблюдая, как Таризель поочередно вынимает из суставов собственные кости и затем ставит их на место, или с какой скоростью крутит головокружительные сальто, что невозможно за ним уследить. Прирожденный акробат, он искренне любил свое искусство, которое совершенствовал всю свою пока еще недолгую жизнь, и полагал, что навсегда посвятит себя ему по примеру отца и матери, коих боготворил. Однако его планам не суждено было осуществиться: родителей Таризеля унесла Черная Смерть. Он и сам был заражен, но почему-то не умер. Оставалось загадкой, отчего Черная Смерть пощадила его. Может быть, она и

так была к тому времени пресыщена своей кровавой жатвой. Но поскольку в такие времена никто не станет разбираться, испустил человек последний вздох или еще нет, мечущегося в агонии Таризля вместе с его умершими родителями и друзьями швырнули в похоронную телегу, вывезли за городскую черту и сбросили в один из наспех выкопанных рвов, ставших огромной общей могилой для сотен жителей того самого аквилонского городка, в котором произошла трагедия. Как он оттуда выбрался, оставалось загадкой...

Таризль остался совершенно один. Единственное, чем он мог зарабатывать на жизнь, было его искусство, но он был так слаб после пережитого, что оказался просто не в состоянии выступать со своей обычной программой, превратившись в нищего. В конце концов, он примкнул к шайке уличных воришек, и некоторое время весьма успешно промышлял грабежами — его кошачья ловкость и худоба помогали беспрепятственно проникать в любые дома, для Таризля преград не существовало. Большую часть добычи ему приходилось отдавать Гальду — парню, стоявшему во главе шайки, и сам он от голода еле ноги передвигал, так как боялся оставить себе хоть что-то, ежедневно наблюдая, как Гальд зверски избивает тех его товарищей по несчастью, которые приносят меньше, чем тому бы хотелось. Правда, Таризлем он был доволен — ведь тот

был достаточно удачлив, и до поры до времени не поднимал на него руку. Когда же однажды это все-таки произошло, реакция Таризля оказалась совершенно неожиданной. Кто бы мог подумать, что в казавшемся тщедушным теле этого заморыша обитает такой гордый дух и такая готовность никому и ни при каких обстоятельствах не позволять сломить себя! Одной-единственной затрещины хватило, чтобы мальчишка совершенно вышел из себя. Таризль убил Гальда, метнув нож, вонзившийся негодяю в глаз...

С тех пор Таризль больше никогда не промышлял воровством. Некоторое время он служил при какой-то таверне, обслуживая вечно пьяных завсегдатаев, а когда заведение закрывалось, ползая на коленях с тряпкой в руках и отмывая заплеванный досчатый пол до темноты в глазах. И все это только за еду, которой опять было совсем недостаточно, так что Таризль не брезговал и объедками. Но постепенно силы его восстановились, к тому же за время такой безумной жизни он неплохо научился себя защищать. В противном случае, его бы давно убили. Жестокие драки вспыхивали почти ежедневно... С какой стати Таризль решился испытать свои силы в качестве гладиатора, он и сам не смог бы толком объяснить. Скорее всего, попросту гибель на арене показалась ему предпочтительнее, нежели прежнее унижительное существование. Так или иначе, ему был представлен шанс, и Та-

риэль им воспользовался. Эта история вызвала у Конана немалое сочувствие: судьба Тариэля чем-то напоминала его собственный путь, и он отлично понимал этого юношу. Конан и сам был тогда еще очень молод, однако успел усвоить простую истину: хочешь выжить — не доверяй никому. Он не позволял душевному расположению и симпатии перерасти в нечто большее, и понятия «друг» для него не существовало.

Этот принцип распространялся на всех, и Тариэль вовсе не был исключением, так что не имел оснований питать иллюзии относительно некоей особенной «приближенности» к киммерийцу. Однако позже, уже покинув Халогу, Конан нередко вспоминал его и представлял себе, как сложилась дальнейшая судьба мальчишки. Почему-то ему не хотелось верить, будто она могла нелепо оборваться в одном из боев. Тариэль был из той же породы упрямых, безрассудных и отчаянно мужественных людей, что и он сам, а таких не просто прикончить. Видно, даже богам слишком занятно наблюдать за ними, чтобы быстро лишить себя развлечения...

Глава вторая

Конану так и не удалось сомкнуть глаз до рассвета. Рассудив, что ни к чему и дальше пытаться заснуть, он поднялся и снова направился к дому Тариэля. Ему еще предстояло объяснить Даре кое-что относительно Райбера, прежде чем приводить его. Признаваться же себе в том, что именно желание увидеть ее движет им сейчас в первую очередь, Конану совершенно не хотелось. Что он, красивых женщин не знал? Да сколько угодно. И всегда умел сохранять голову на плечах, не очень-то поддаваясь их чарам. А уж какие были у него красотки, передать невозможно... и еще будут, стоит только свиснуть. Так что Дару следует выбросить из головы. Он вовсе не затем пришел в Бельверус, чтобы затеять интрижку с чужой женой.

Правда, при виде Дары все эти благие рассуждения как-то разом улетучились. Тем не менее,

Конан взял себя в руки и спросил, может ли он прямо сейчас видеть Тариэля.

— Вообще-то, он еще спит,— улыбнулась в ответ женщина.— Но если он тебе очень нужен, так пойди и попробуй его разбудить.

Некоторое время Конан созерцал своего прежнего знакомого, растянувшегося на постели в чем мать родила и не подававшего признаков жизни. Потом подошел и тряхнул его за плечо.

— Эй, хватит дрыхнуть. У меня к тебе дело.

Тариэль недовольно замычал, но глаза все-таки приоткрыл, не сразу сообразив, что происходит. Наверное, он решил, что сон продолжается, и потому воззрился на киммерийца в полном недоумении.

— Ко-онан? — недоверчиво протянул он затем.— Это... как? Откуда ты взялся? — Тариэль пару раз моргнул, силясь прогнать наваждение, но северянин никуда не исчез и не растворился в воздухе, так что постепенно он начал осознавать, что, в самом деле, это не мираж и не галлюцинация, а самая что ни на есть реальность.— Как ты меня нашел?

— Возле таверны,— невозмутимо сообщил варвар.— Нашел, подобрал и доставил сюда. Что, совсем ничего не помнишь?

— Смутно,— вздохнул тот.

Вид у Тариэля был такой, словно он с утра еще никого не убил и пребывает из-за такого досадного недоразумения в самом мрачном распо-

ложении духа. Глаза, воспаленные, с красноватыми прожилками белков, заплаыли после многолетних обильных возлияний, лицо, заросшее рыжеватой щетиной, выглядело так, что и можно было страшнее, да некуда.

— Хорошо, ничего не скажешь,— изрек он, разглядывая свое отражение в медном зеркале и словно не вполне веря, что видит, действительно, самое себя.— Как же это я так... и что я теперь скажу Даре, а?

— Дара, сдается мне, тебя еще и не таким видела,— заметил Конан, с ухмылкой наблюдая за этими проявлениями запоздалого раскаяния.— Сейчас ты, по крайней мере, не покрыт тремя слоями грязи.

— А что, был? О-ох,— простонал Тариэль,— вот это и называется «здравствуй, ужас». Представляю, что ты обо мне подумал. Наверное, решил, что, как мы с тобой двадцать зим назад расстались, так я с тех самых пор и не просыхал.

— Ну, примерно так.

— А... это... мы с тобой разве вчера не вместе были в той таверне? — ко всему прочему, с лошади Тариэль упал весьма неудачно, повредил колено, и теперь едва заметно хромотал по комнате, пытаясь одеться.

— Не совсем. Я подошел несколько позже. Как раз чтобы застать твой торжественный выход оттуда.

— Ничего не помню,— пожаловался Тариэль.

Конану самому не раз доводилась переживать подобные пробуждения, так что осуждать его он особых причин не видел.

— Ты не знаешь, Морус вернулся?

— Кто? — не понял северянин.

— Морус, мой жеребец. Я вроде был верхом.

— Не знаю. Видел только, как он из-под тебя выпрыгнул и ускакал.

— Вернется,— уверенно сказал Таризель.— Он умный. Дорогу домой всегда находит. Кстати, ему кто-то наверняка подsunул колючку под седло! Люди такие мерзавцы... у меня столько врагов, и каждый норовит подстроить какую-нибудь пакость, видно, хотели, чтобы я себе шею свернул, да не тут-то было! Ты ведь, конечно, понимаешь, что сам-то я в седле всегда удержусь,— он с некоторым подозрением посмотрел на Конана, ожидая незамедлительного подтверждения тому факту, что никак не мог быть виноват в подобном конфузе, не дождался и спросил: — Слушай, у тебя с собой нет... это...

Конан снял с пояса флягу и без слов протянул ему. Таризель жадно сделал пару внушительных глотков и почувствовал себя значительно лучше.

— Спасибо, брат,— искренне произнес он, возвращая оставшуюся спасительную жидкость киммерийцу,— выручил. Как я рад видеть тебя, Конан! Вот ведь, не думал даже, что доведется еще

раз когда-нибудь встретиться! Ты, действительно, откуда взялся-то?

— У меня дело в Бельверусе,— сказал северянин, не распространяясь о подробностях.— А ты стал богатым человеком, Таризель. Чем ты занимаешься? Твой дом стоит целого состояния.

— И не один только дом,— добавил тот.— Еще бы. Ведь я граф,— он как-то совсем помальчишески смущенно хмыкнул, словно не до конца веря произнесенному, и тут же гордо, даже надменно вскинул голову.— Представь себе только, я, сын нищих бродячих танцовщиков, и вдруг граф!

— Бывает и такое,— сказал Конан.— Значит, тебе повезло.

— Да-а,— протянул Таризель,— уж это точно,— впрочем, в его голосе было не так много уверенности.

— И говоришь ты вполне понятно,— продолжал северянин.— Я-то помню, как это тебе нелегко давалось.

— Неспособность двух слов связать долго была моим проклятием,— согласился Таризель.— Помнишь, значит?.. А я ведь тоже ничего не забыл. Ты уже познакомился с Дарой?

— Еще вчера, когда тебя привел. И с сыном твоим, Конгуром, тоже.

— Ты еще моих младших не видел,— Таризель кликнул слугу, велел принести воды и принялся

ожесточенно соскребать с лица щетину.— Подожди, я тебе их представляю. Джахель и Элая.

— У тебя, значит, трое детей...

— Да, как видишь. А ты так семьей и не обзавелся?

— Не довелось,— Конан подумал о том, что Таризель — далеко не первый из его прежних знакомых, которых он встречал по прошествии длительного времени, и киммериец много раз наблюдал, как прежние отчаянно отважные парни, обзаведясь семьей и остепенясь, превращались в бессловесных домашних животных, державшихся мертвой хваткой за юбки своих женушек и в окружении кучи сопливых детишек мал мала меньше. Похоже на то, что Таризель не избежал той же участи. А естественную тоску по свободе и здоровому риску топит в вине, чему и является наглядным подтверждением вчерашняя сцена. Если так пойдет и дальше, добра не жди. Недаром говорят, не заставляй скакуна ходить шагом — загонишь. Бабы большие мастерицы по этой части. А потом удивляются, с чего это жирные каплуны, когда-то бывший орлами, не летают. В общем, невелика радость надевать себе на шею хомут. Вслух он, однако, произнес совсем другое: — Вряд ли в Хайбории есть вторая такая, как твоя Дара. А на меньшее я не согласен.

— Второй такой нигде нет,— совершенно серьезно отозвался Таризель.— Она удивительная женщина. Быстро ты это понял.

— Где же тебе повезло отыскать ее?

— Хочешь знать? Расскажу как-нибудь, не сомневайся.

В этот момент Таризель бросил взгляд в окно и впал в задумчивость.

— Ну, что там? — спросил Конан, подходя к нему и наблюдая, как к дому приближаются двое вооруженных мужчин.

— Да как тебе сказать,— протянул Таризель,— не нравится мне эта пара.

— Ты их знаешь?

— У-гм. Да. Но самое печальное, что я им тоже не очень-то нравлюсь. Это, знаешь ли, городская стража. И похоже, что по мою душу. Вот что, ты бы не мог спуститься вниз и послушать, зачем они явились?

— А ты? Пошел бы и сам разобрался.

— Куда ж я денусь? Мне бы только одеться сначала,— он развел руками.— И я тут же разберусь. Просто интересно, что им на сей раз от меня надо. Сам знаешь, кто предупрежден...

— Тот вооружен. Ладно, сделаю.

Конан, стараясь не создавать ненужного шума, спустился на первый этаж по застланной ковром мраморной лестнице. Возле самых дверей Дара беседовала с неожиданными гостями. Один из них, постарше и покрупнее, возмущен-

но говорил, хотя и стараясь держаться в рамках приличий:

— Да, мы понимаем, что граф Таризель — особа знатная, но всему есть пределы. Вчера от его руки пострадало с десятков человек...

— Одиннадцать, — уточнил второй, более молодой и похожий на зайца из-за двух сильно выступающих вперед верхних зубов. — Двоим его сиятельство, извини, госпожа, свернул челюсти, кое-кому переломал руки и ребра, а саму «Утеху путника» разгромил начисто...

Конан едва удержался, чтобы не присвиснуть. Да, малыш, похоже, задает жару немедийской столице.

— Мне, право, очень жаль, — тихо проговорила Дара, — Таризель, в самом деле, порой бывает несколько несдержан.

Она держалась с поразительным достоинством, и лишь по тому, как вспыхнули ее высокие скулы, можно было понять, насколько она была потрясена и огорчена услышанным.

— Несколько несдержан? — переспросил тот, что был похож на зайца. — По-моему, это иначе называется. Искалеченные им люди ждут возмездия и справедливости. Графу придется заплатить за свои бесчинства. И для начала, мы бы хотели поговорит с ним. Он дома?

— Подождите. Я полагаю, что праведный гнев, конечно, небезоснователен, однако мне не кажется, что Таризель был единственным участ-

ником драки, а все остальные ни при чем и просто попались под горячую руку. Так или иначе, его могли спровоцировать на скандал, а теперь хотят выкачать побольше денег и вдобавок унижить, — тон Дары резко изменился, сделавшись властным и жестким, сузившиеся глаза метали молнии. — Оставьте Таризеля в покое. И извольте немедленно покинуть наш дом.

Ее верхняя губа угрожающе дрогнула — сейчас Дара напоминала волчицу, защищающую свое логово.

— Но, госпожа... — начал было старший из стражников.

— Не испытывайте мое терпение, — произнесла Дара. — Вон отсюда. Я не допущу ареста Таризеля. Моему мужу не о чем с вами говорить. Вы забываетесь! Граф Таризель не какой-то простолюдин, чтобы его можно было привязать к позорному столбу на городской площади и плевать ему в лицо!

— Да ради всего святого, кто говорит о позорном столбе?! — возопил зайцеобразный, поспешно пятясь к выходу. — Речь шла только о деньгах, хозяин «Утехи путника»...

— А хозяину «Утехи путника» было заплачено сполна, — вмешался Конан, — и я тому свидетель. Поэтому, если он до сих пор чем-то недоволен, я лично готов обсудить с ним эту проблему.

При его появлении стражники предпочли окончательно ретироваться, даже не полюбопыт-

ствовав, с кем имеют дело. Дара стояла, прижав руки к груди и тяжело дыша.

— Кажется, эти парни теперь оставят Тариэля в покое,— сказал Конан.— У них просто духу не хватит связываться с тобой еще раз. Я восхищен.

Вместо ответа Дара горестно всхлипнула и, повернувшись к северянину, вскинула на него влажные глаза. Есть женщины, которых слезы украшают, но к Даре это никак не относилось, что, впрочем не имело никакого значения. Конан обнял ее и неуверенно провел рукой по ее волосам.

— Успокойся,— пробормотал он, дивясь мгновенной метаморфозе: из разъяренной волчицы Дара вдруг превратилась в растерянную и испуганную женщину.— Ну, что с тобой? Брось плакать.

— Это из-за меня,— судорожно вздохнула она, отстраняясь.— Я так виновата перед Тариэлем. О, если бы я знала... хорошо, хоть дети не видели...

— Чего не видели? — спросил Конан.

Но момент ее слабости уже миновал.

— Извини,— произнесла Дара.— Глупо получилось! Я... я должна посмотреть, как там дети...

И тут появился Тариэль. Он почти бежал, перепрыгивая через несколько ступеней.

— Дара? Милая, что здесь...

— Ничего,— гневно произнес Конан,— если не считать, что ты предоставил ей прекрасную возможность отдуваться за тебя, и твоя жена с этим прекрасно справилась. Виден богатый опыт! Поздравляю. Имея такую защиту, хорошо быть храбрецом!

Он и сам не понимал, почему все случившееся вызвало у него такое раздражение, но уже не мог остановиться.

— Я знал тебя иным, Тариэль. И никогда не предполагал, что ты станешь прятаться за спину женщины... граф!

— Конан, не надо,— предостерегающе произнесла Дара.

— Да, я уже понял, что ты с радостью выпарапaeшь глаза любому, кто осмелится косо взглянуть в сторону твоего мужа, но сомневаюсь, что в нем самом осталась хоть капля достоинства, Дара! — вырвалось у киммерийца.

— Ты ничего не понимаешь,— сказала она устало.

Тариэль стоял, побледнев как смерть от нанесенного оскорбления.

— Я докажу, на что способен, Конан,— глухо проговорил он.— Если хочешь драться, сделай одолжение. Я готов.

— Я тоже.

— Вы оба с ума сошли! — выкрикнула Дара.— Вы ведь были друзьями! Избавьте меня от своих

мужских истерик. Честное слово, только этого мне как раз не хватало. Прекратите немедленно!

Конан бросил на Тариэля многообещающий взгляд, яснее ясного говоривший о том, что бой переносится, но не отменяется; бывший приятель ответил ему точно таким же.

— Отлично, парень, — язвительно сказал ким-мериец. — Я, конечно, на чужой территории и не стану вносить раздор в вашу семейную идиллию, так что лучше мне просто уйти. Может, еще увидимся. Лет через двадцать. Если ты к тому времени по пьяному делу не захлебнешься в луже. И не забывай почаще проверять, не подсунули ли твоему коню колючку под седло! Неровен час, враги тебя доконают.

Он решительно переступил порог. Тариэль выскочил следом.

— Нынче вечером приходи на то же место, что и вчера, — прошипел он. — Пришло время тебе усвоить, что еще в Халогe я был самым лучшим.

На такое заявление было даже нечего возразить. Возвращаясь в «Золотой сокол», Конан внутренне продолжил спор. Лучшим?! В Халогe?! Кто — Тариэль?! Спору нет, бойцом он был неплохим, но находились и посильнее. Взять того же Рыжего Пса, например, или казавшегося вечно печальным стигийца Кора, или высоченного гиперборейца, которого звали, кажется, Асваром... У Конана руки чесались вернуться и на-

дирать Тариэлю задницу за его наглое хвастовство. Однако, когда он подошел к двери своей с Райбером комнаты, эти мысли разом вылетели у него из головы. Ему стало совсем не до Тариэля. Дверь оказалась незапертой, а помещение безнадежно пустым.

Райбер исчез.

И найти его теперь было задачей совершенно невыполнимой. Ибо что можно предпринять для поисков того, кого нельзя даже увидеть?!..

Глава третья

Вместо того, чтобы впасть в совершенно бесполезную панику, Конан решил взвесить возможные варианты. Райбер мог либо уйти сам, по своей воле, в таком случае, он справился с замком и осуществил замысел. Или был похищен, что маловероятно — кому бы он понадобился, да и кто мог вообще знать, что он здесь? Оставалось принять первое предположение. А если так, то, скорее всего, Райбер решился на собственные поиски Аттайи, за этим ведь они и явились в Бельверус, и доказать, что может обойтись своими силами, без помощи Конана. Понятно, что о последствиях своего безрассудства мальчишка в запальчивости не подумал. Вероятно, то, что северянин сказал ему прошедшей ночью, не на шутку обидело и уязвило Райбера, он укрепился в мысли, что никому не нужен, вот и... Так или иначе, все сходится на том, что его следует опередить и выйти на

Аттайю самому, раньше, нежели это удастся Райберу.

Ирьола,— мысленно воззвал северянин к покойной матери мальчика, если ты где-то здесь и слышишь меня, помоги мне и своему недоумку-сыну!

С Ирьолой он познакомился чуть больше зимы назад в одном их аргосских рыбацких поселков. Остановился там, рассчитывая провести одну ночь, а задержался куда дольше. Вообще-то жители поселка сторонились этой женщины, о ней ходили разнообразные слухи. Ведьмой Ирьолу никто открыто не решался назвать, но... Говорили, что она появилась в поселке зим десять назад, и не одна — с нею вместе пришел красивый молодой парень, именем Элих, и эти двое жили, как муж и жена. Элих построил маленькую хижину и стал вместе с остальными мужчинами ходить в море. Был он силен, отважен, надежен, не боялся никакой работы и никогда не отказывал в помощи тем, кто в таковой нуждался. Вся стать его, и гордая посадка головы, и манера держаться выдавала в Элихе знатное происхождение, но ни он, ни Ирьола не распространялись о своей прежней жизни. Никто толком не знал, кто они, откуда пришли и куда направляются. Ирьола была так юна, что скорее могла бы сойти за младшую сестру, но никак не жену Элиха. Ей не было даже пятнадцати зим от роду.

Они не прожили вместе и года, когда Элих погиб в море. Внезапно налетевший шторм перевернул его лодку совсем недалеко от берега, но выплыть парень не сумел. Трое других рыбаков, что были с ним, спаслись, а он нет.

Три дня и три ночи Ирьола исходила криком, убиваясь над бездыханным телом Элиха, рвала на себе волосы, ногтями в кровь расцарапала свое лицо — шрамы так и остались, обезобразив ее, словно не сама она, а неведомый дикий зверь терзал эту женщину. Она совершенно обезумела от горя своей потери. Жители поселка, сочувствуя Ирьоле, приносили ей еду, зачастую остававшуюся нетронутой.

Похоже было, что она решила уморить себя голодом, чтобы поскорее уйти за черту миров и соединиться с Элихом навеки. Но Ирьола не умерла. Вскоре женщины, более наблюдательные, чем их мужья, начали перешептываться, будто она носит под сердцем дитя. Но по всему выходило, что понесла Ирьола уже после того, как ее муж погиб. И это при том, что она никого из мужчин к себе близко не подпускала, живя совершеннейшей затворницей! Разве у кого-то поднялась рука овладеть ею силой, другого объяснения не было. Холодной осенней ночью она родила, без всякой помощи, совершенно одна. Но ребенка так никто никогда и не видел. Ирьола сказала, что он сразу умер.

В течение следующих лет она жила тем, что плела на продажу сети. Тихая, молчаливая, по-прежнему в полном одиночестве и всем чужая.

Вот у нее-то Конан и нашел временное пристанище. При этом взгляде на Ирьюлу он понял, что этой женщине недолго осталось. Очень уж она была худа и бледна, только на щеках изредка вспыхивали пятна лихорадочного румянца. По ночам она заходилась разрывающим грудью кашлем, оставляя на простынях кровавые следы, и почти не могла работать, потому впервые за долгое время и пустила к себе постояльца, который мог заплатить ей за приют. И Конан платил, даже больше, чем Ирьюла запросила, жалея ее и стараясь как-то помочь. Признаться, он весьма неуютно чувствовал себя в ее жилище. И дело тут было не в самой Ирьюле, а в том, что киммериец никак не мог избавиться от ощущения чье-то постороннего присутствия, словно рядом обитал призрак. То он слышал чей-то голос, то иные, непонятно откуда — из пустоты — доносившиеся звуки, а то и вовсе замечал на песке возле дома следы босых ног, которые никуда не вели! Или же до его слуха доносился тихий плач, Конан мог поклясться, что — детский. Он начал было опасаться за собственный рассудок, ибо Ирьюла держалась так, словно ничего особенного не происходит.

Но по мере того, как она все заметнее теряла силы, Ирьюла вдруг начала оказывать варвару

весьма откровенные знаки расположения. Он не знал, как на них реагировать. Как женщина, она его совершенно не привлекала, в ней и женского-то почти ничего не осталось, тоже скорее бесплотный дух, чем человек.

— Не нравлюсь я тебе,— сказала она однажды.— Не удивительно! А когда-то красивая была... давно...

— Сколько тебе лет? — спросил киммериец.

— Двадцать пять.

Боги, да он был уверен, что не меньше сорока!

— Беды людей не красят,— пожала плечами Ирьюла.— Ничего странного. И зачем мне краснота? Я только для одного человека хотела бы быть прекрасной.

— Для Элиха,— понял Конан.— Я прав?

— Да. Для Элиха,— подтвердила Ирьюла.— Конан, я что-то хочу сказать тебе. Это очень важно. У меня есть сын...

Киммериец решил, что все-таки имеет дело с безнадежно безумной. Он знал случаи, когда матери, теряя детей, не смиряются с утратой и продолжают верить, что умершие чада все еще с ними. Качают пустые колыбели и подносят руки, на которых якобы лежит младенец, к иссохшей груди.

— Я не могу это доказать,— продолжала Ирьюла.— Он здесь. Только он, Райбер, не виден людям.

Конан ощутил, как неприятный холодок ползет между лопаток.

— Он призрак?

— Не говори так! Райбер не чуждый дух и не дитя инкуба, чтобы быть призраком! Но он незримый, да, так будет правильно его назвать. Я попробую объяснить.

И вот что северянин услышал. Ирьола была дочерью богатого немедийского вельможи, и с детства считалась обрученной со своим двоюродным братом Элихом. Они вместе выросли, почти не расставались и были как две части одного целого. Но руки Ирьолы попросил у отца ее человек по имени Аттайя, о котором говорили, будто он очень сильный маг. Боясь его гнева в случае отказа, отец своею властью разорвал помолвку Ирьолы с Элихом и пообещал отдать девушку за Аттайю. Молодые люди были вынуждены решиться на побег. Лишившись состояния, они сохранили себя друг для друга.

— Аттайя отомстил, — продолжала Ирьола. — Это он послал тот шторм, который убил Элиха, я знаю!

От скорби она, действительно, слегка помещалась и мечтала тоже умереть. И тогда Элих явился ей.

— Он пришел, хотя я его не видела, и был со мною одну ночь. Я знала, что это он... боги позволили нам еще немного, в последний раз, побыть вместе. Он, Элих, даже оставил мне посла-

ние, — Ирьола протянула Конану лист пергамента.

Убей меня и верь моей мольбе.
Я жажду смерти, чтоб ожить в тебе.
Я знаю, как целительна тоска,
Блаженна рана и как смерть сладка,
Та смерть, что, грань меж нами разрубя,
разрушит «я», чтоб влить меня в тебя.
Бояться смерти? Только жизнь страшна,
Когда разлуку нашу длит она,
Когда не хочет слить двоих в одно,
В один сосуд — в единое вино.
И я с тобой, покуда дух живой,
Он пленный дух. Не ты моя, я твой.
Мои желанья — это западня,
Не я тебя, а ты возьми меня
В свою безмерность, в глубину и высь,
Где ты и я в единое слились.

Человек, перу которого принадлежали эти строки, очень спешил. Неровные, они напозлали друг на друга, и Конану не сразу удалось их разобрать.

— Это Элих написал? — осторожно уточнил он, закончив чтение.

— Да, но моей рукой. Его голос звучал у меня в голове так отчетливо... я записывала, боясь что-то пропустить, не успеть... а после той ночи я обнаружила, что жду ребенка. Его можно ус-

лышать, увидеть его следы. Однако сам Райдер родился незримым.

У Конана уже имелись веские подтверждения словам Ирьюлы, и он кивнул, показывая, что верит ей.

— Я слышал. И видел.

— Я знаю,— улыбнулась она.— И еще, он отражается в зеркалах.

— Но в твоём доме нет зеркал.

— Я убрала их, когда ты стал жить здесь. Хотела, чтобы ты постепенно понял, привык и поверил прежде, чем убедишься. Потому что, Конан, мне уже немного осталось. Я не успею ничего сделать, чтобы возвратить Райберу облик, а у тебя ещё есть время.

— У меня? — северянин вздрогнул.— А я-то здесь при чём? Нет, Ирьюла, я не...

— Умоляю, помоги нам. Мне не преодолеть пути до Бельверуса. Возьми Райбера с собой. Найди того мага, Аттайю, который так страшно проклинал нашу с Элихом любовь... когда он умрет, Райбер станет обычным человеком. Сделай это, Конан, отомсти за нас!

— Нет,— решительно повторил он, стараясь не смотреть на Ирьюлу.

— Я заплачу тебе за это,— продолжала настаивать женщина.— Вот, возьми,— с этими словами Ирьюла взяла в руки глиняную статуэтку какого-то божества и разбила ее. Статуэтка оказалась полой внутри, но отнюдь не пустой —

изумленному взору Конана явились несколько горстей чистейших и очень крупных изумрудов.— Это мое приданое. Признаться, когда мы с Элихом задумали бежать, я их попросту украла, но ведь они все равно предназначались для меня. Я не прикасалась к ним даже в самые отчаянные времена. Продавая их по одному, ты сможешь безбедно жить несколько лет.

— Ирьюла, я не могу взять это!

— Конечно, можешь,— возразила она,— камни твои. Только не оставляй Райбера...

— Ну, так ты мне его, может быть, хотя бы покажешь? — угрюмо спросил северянин, и Ирьюла поняла, что победила.

— Райбер! — позвала она, доставая из-под кровати узкое овальное зеркало...

Судя по отражению, мальчишка был самым обычным, с соломенно-светлыми волосами, широко расставленными любопытными голубыми глазами и слегка вздернутым носом. Вот только, обернувшись, Конан не увидел ничего. Этот эффект был до того неправдоподобным, что он не смог сдержать изумленного возгласа.

— Ты привыкнешь,— сказал Райбер.— Ты ведь теперь будешь жить с нами, правда?

...Ирьюла умерла спустя еще половину луны. Похоронив ее, Конан направился в Бельверус. Вместе с Райдером.

К изумрудам он решил не прикасаться, полагая, что это законное наследство его маленького

спутника. До сих пор все шло хорошо. И вот теперь, пожалуйста, новое потрясение.

— Ну, паршивец,— вслух проговорил Конан,— на что он только рассчитывает? Ведь поймаю — уши оторву!

Глава четвертая

Впрочем, чтобы осуществить вторую часть угрозы, сначала хорошо было бы сообразить, как быть с первой. Конан не привык медлить, если от него требовалось действовать, и поэтому прибег к самому простому способу поисков — прошелся по Бельверусу, время от времени расспрашивая людей, где можно найти колдуна Аттайю. Судя по тому, как случайные собеседники относились к его вопросу, каждый третий отлично понимал, о ком речь, но тут же старался отойти от Конана подальше, как от зачумленного. Тот решил, что это маг нагнал на людей такого страха, что при одном звуке его имени они готовы сорваться с места и бежать, куда глаза глядят. И ошибся. К середине дня, когда киммериец уже порядком устал и был раздражен до крайности бесполезностью всех своих усилий, некая бойкая девица из тех, что торгуют собой, выслушав его, прищелкнула пальцами и сказала:

— Ты, красавчик, шел бы прямиком к Доналу Огу. Он тебя за твое любопытство отправит на славенький такой костерок, а пока ты станешь поджариваться живьем, объяснит, где следовало искать хоть Аттайю, хоть еще какого прорицателя.

— Донал Ог? Это еще кто такой? — спросил варвар.

— Как, ты не знаешь? Да ты, похоже, давненько не бывал в Бельверусе. Донал Ог, глава тайной охраны, — она понизила голос до шепота. — Он который год беспощадно расправляется с разными колдунами, гадалками, а недавно распорядился, чтобы по закону отлавливали и всех, кто к ним обращается. Так-то!

Вообще-то неизвестный киммерийцу Донал Ог показался Конану личностью весьма симпатичной. Доведись ему самому получить достаточно власти, варвар поступил бы, пожалуй, так же.

— И прямо сразу, значит, на костер? — уточнил он.

— Ну, если повезет, для первого раза можно отделаться пару сотней плетей, а вот если снова попадешься, тогда пощады не жди, — сказала красотка, недвусмысленно и весьма соблазнительно облизывая сочные полные губы. — Давай-ка ты лучше со мной развлечешься, и приятнее, и безопаснее, а то сдались тебе какие-то

колдуны. За наше ремесло ничего плохого не бывает, Доналу Огу до нас дела нет.

В другое время киммериец, что скрывать, весьма даже охотно принял бы это предложение, отложив прочие заботы на потом, но сейчас тревога за Райбера пересилила желание тут же подхватить аппетитную красотку и затащить в какой-нибудь укромный уголок.

— Не могу, — с откровенным сожалением сказал он, — занят.

— Напрасно ты так, — огорчилась девушка, успев оценить, что черноволосый незнакомец и собой недурен, и при деньгах: стремление заполучить некоторую их часть боролось в ней с опасением сказать лишнее, но жадность победила. — Слушай-ка, коли тебе так надо отыскать Аттайю, я бы могла тебя выручить. То есть не я сама, а вот есть у меня подружка, которая все про всех знает, и если ей немного заплатить...

— Что-то мудришь ты, мне сдается, — усмехнулся варвар. — Где эта подружка?

— Попозже придет, — оживилась девица. — Пойдем пока со мной, как раз вместе ее иждемся. Да не вру я! Не такая ненормальная! Ты вон какой здоровый, если разозлишься, чего доброго, и прибить можешь. Меня Агуэдой зовут, — представилась она, — а подругу — Дилорой. Если захочешь, так мы с нею вместе вообще чудеса творим! Не пожалеешь.

Агуэда не переоценила своих способностей, Конан вскоре был вынужден признать, что она весьма искусна в любви, и ожидание отнюдь не показалось ему утомительным. Он даже не заметил, как прошло время, когда в ту же крошечную комнату, куда Агуэда привела его и в которой, кроме постели, почти ничего не было, вошла вторая девушка.

— Иди сюда, Дилора! — весело позвала Агуэда. — Посмотри только, какой мужчина нынче к нам пожаловал!

Дилора воззрилась на Конана с некоторым подозрением, а он некстати вспомнил о настоящей цели своего визита и с неохотой отстранил Агуэду.

— Вы обе, конечно, восхитительны, но у меня все-таки есть дело, — напомнил он ей.

— Я поговорю с Дилорой, — пообещала она, — объясню, что к чему. Подожди!

Наспех набросив на себя какую-то прозрачную тряпицу, Агуэда поманила Дилору за собой, и обе девушки вышли. Из-за неплотно запертой двери доносились их приглушенные голоса. Конан не мог разобрать слов, пока не раздался вопль Дилоры.

— Ну ты и попалась, безмозглая! Да он же самый и есть соглядатай Донала Ога! Я случайно видела его нынче утром, теперь-то я точно вспомнила, знаешь, откуда он выходил?!

Интересно, подумал Конан, что она имеет в виду? «Золотой сокол»? А при чем тут Донал Ог?

— Откуда же? — голос Агуэды задрожал.

— От графа Таризля, — сообщила Дилора. — Поняла теперь, курица?

Конан вообще перестал что-то понимать. Дилора, причитая, ворвалась к нему и принялась умолять не губить ее невинную молодую жизнь, клясться, что с колдунами отродясь не зналась и если и является жрицей, то только и исключительно любви, и готова это доказать совершенно бесплатно и столько раз подряд, сколько господин пожелает!

— Перестань орать, — велел ей северянин. — В ушах звенит от твоего визга. Ничего я тебе не сделаю!

Он сообразил, что его ошибочно приняли за человека, принадлежащего к тайной охране, а значит, от девушек, скорее всего, ничего больше не добьешься. Агуэда оказалась если не умнее то смелее Дилоры. Она презрительно процедила:

— Где только не нарвешься на соглядатаев. А я еще с тобой, как с порядочным человеком!..

— Думай что хочешь, — сказал киммериец, — смотри-ка, какие нынче шлюхи пошли разборчивые.

Оказавшись на улице, он вспомнил слова Дилоры о Таризле, произнесенные явно в связи с именем Донала Ога. Похоже, эти двое имеют друг к другу определенное отношение. В таком

случае, Тариэль может оказаться весьма полезным в поисках. Хорошо бы с ним поговорить! Конан испытал некоторую досаду от того, что утром был куда ближе к цели, чем сейчас, хотя и не подозревал тогда об этом, а теперь зря теряет время, развлекаясь со шлюхами. Он прикинул, каким образом возвратиться и поговорить с Тариэлем. Сейчас ему уже не казалось, что он был безупречно прав, набросившись на старого приятеля. Тут Конан кстати вспомнил, что у них с Тариэлем назначена встреча, хотя и по не самому приятному поводу. Ничего, они сначала разрешат свой спор, а потом уже можно будет задать Тариэлю несколько вопросов... Не особенно торопясь — солнце стояло еще высоко, и до вечера времени имелось хоть отбавляй — Конан направился в сторону «Утехи путника», по дороге остановившись, чтобы посмотреть на строящийся в самом центре Бельверуса новый храм в честь богини плодородия Нат. Накануне он сказал Конгуру чистую правду относительно того, что в целом довольно равнодушен ко всякого рода бесполезным «красивостям», однако этот храм представлял собою нечто, и в самом деле чудесное. Он не был непомерно огромен и впечатлял не размерами, а оригинальным архитектурным решением, изяществом и устремленностью в небеса, отсутствием даже намека на мрачную, перегруженную изобилием роскоши тяжеловесность, свойственную подобным соору-

жениям. Внешние работы были завершены почти полностью, но Конану захотелось увидеть, что происходит внутри, тем более что двери оказались открытыми. Он переступил порог. Изнутри храм казался больше, чем снаружи. Одна из его стен оставалась еще нетронутой, ничего, кроме кирпичной кладки, а на другой северянин увидел фрески, изображающие сцены земной жизни богини. Чем-то они отдаленно напоминали стигийские, но это ощущение быстро проходило, стоило внимательно всмотреться в лица изображенных людей и богов. Странные лица, чуть удлиненные по сравнению с обычными человеческими, но от этого кажущиеся особенно прекрасными, как и фигуры, облаченные и развешиваемые, словно от ветра, одежды. На эти фрески хотелось смотреть бесконечно! Видимо, поскольку храм был посвящен богине изобилия и плодородия, здесь же в изрядном количестве присутствовали множество тварей, населяющих землю, море и небеса, а то и вовсе таких, с какими Конану в жизни сталкиваться не приходилось, но все они вполне мирно и гармонично соседствовали на стене, за исключением разве что ягуара — северянин заметил его не сразу, золотистый зверь был изображен припавшим к земле перед прыжком, его желтые глаза светились каким-то совсем не звериным умом и холодной расчетливой жестокостью. Он совершенно не соответствовал общему настроению праздника жиз-

ни, как грозное, точно неумолимый рок, напоминание о бренности всего сущего! И самое пугающее заключалось в том, что как раз этот-то ягуар и выглядел наиболее реальным, в отличие от прочих персонажей фресок, словно явившихся из прекрасных ярких снов детства, и был как олицетворение разрушенных иллюзий, мечтаний и надежд, коим никогда не суждено сбыться.

— Тебе нравится?

Конан обернулся. Перед ним стоял сын Тариэля Конгур, и киммериец вспомнил, как юноша рассказывал ему о том, что удостоен чести расписывать этот храм.

— Привет,— сказал варвар.— Я не знаю, нравится мне или нет, но ради каких проклятых демонов здесь этот ягуар? Он вроде как все дело портит. Может, его лучше замазать и нарисовать что-нибудь повеселее?

— Зачем? — спросил Конгур.— Он хорошо получился.— Так и мастер Тарс говорит.

— Да? Ну, тогда надо вон там, справа, нарисовать такого же настоящего воина с мечом. Как будто он видит ягуара и готов его тут же убить, если тот прыгнет,— продолжал настаивать Конан, не замечая, что принялся спорить о предмете, который, по его же собственному убеждению, всегда был ему совершенно безразличен.

— Зачем? — повторил Конгур, с любопытством глядя на варвара.

— Потому что должен ведь кто-то защитить всех остальных! — горячо пояснил тот... и осекся.— А вообще, какое мне дело. Картинка и есть картинка. Не все ли равно.

— Нет, не все равно,— покачал головой Конгур.— Этого ягуара писал я. Мне приснилось, что он должен здесь быть, и я ничего не мог сделать.

— А где ты ягуаров в Бельверусе видел? — удивился Конан.— Они здесь не водятся, а Черные Королевства далековато...

— В зверинце, который проезжал через город,— сказал Конгур.— Все бегали смотреть, и я тоже. Правда. Тот был такой тощий и облезлый, вот-вот сдохнет, но я представил, что на свободе он бы выглядел иначе. Он посмотрел прямо на меня,— юноша даже вздрогнул от воспоминания.— И глаза у него были пустые и жуткие. Он стал мне сниться, пока не появился здесь. Мне достаточно один раз увидеть что-то или кого-то, и я потом легко могу это вспомнить и написать. У меня хорошая память на лица, а еще мастер Тарс говорит, что я вижу не внешнее, а главное.

— Наверное, так и есть,— произнес Конан, подумав, что надо и вправду обладать особыми качествами, чтобы разглядеть силу, опасность и мощь в полуживом облезлом звере с вырванными клыками.

— После этого мастер Тарс разрешил мне расписывать купол,— продолжал Конгур.— Пока я

рисую эскизы, а потом меня ждет тяжелая работа: надо будет писать, лежа на лесах. Но я надеюсь, что справлюсь и не разочарую мастера.

— Думаю, не разочаруешь,— Конан заставил себя перестать смотреть на ягуара и перевел разговор совсем на другую тему.— Слушай-ка, парень, ты слыхал про Донала Ога?

— Конечно,— Конгур улыбнулся.— Кто же, как не я. Донал Ог — мой дедушка, отец мамы.

Если бы у Конгура на голове внезапно выросли рога, Конан был бы удивлен меньше. Это называется — на ловца и зверь бежит.

— А... — киммериец не сразу сообразил, что бы еще спросить.— Он начальник тайной стражи, верно?

— Верно, но мы об этом с ним не говорим. Мой дед — замечательный. Он очень любит меня, Джахель и даже Элая.

— Почему «даже»? Естественно, что человек любит своих внуков.

— Элай ему не внук. Он не сын нашей мамы.

Это новое откровение тоже надо было сначала переварить.

— То есть как?

Конан мог бы предположить, что Таризель с Дарой взяли на воспитание чужого ребенка, скорее всего, сироту, если бы у них не было своих детей, но Элай, кажется, был в семье младшим.

— Его мать умерла,— сказал Конгур.— Ее сожгли на костре, потому что она была ведьмой, и

Элай теперь живет с нами,— кажется, он уже пожалел о своем длинном языке.— Об этом тоже не принято говорить... — Конгур переступил с ноги на ногу.— И ты не рассказывай, что я проболтался. Ладно? — он с беспокойством взглянул на Конана.— Ну... в любом случае, Элай ведь наш брат.

— Его отец — Таризель? — прямо спросил Конан.— Не бойся, никто не узнает о нашем разговоре. Слово чести.

— Да,— тихо отозвался Конгур.

Ну и узел здесь, похоже, завязался! Сын Таризеля, рожденный казненной ведьмой и принятый Дарой, точно собственное дитя? По всему выходит, что так. И Донал Ог, беспощадно сражающийся с колдунами, знает, что его дочь растет отродье ведьмы, с которой ей изменил ее собственный муж! Можно себе представить, как он должен относиться к своему зятю, и если Таризель до сих пор сохранил голову на плечах, то ему просто крупно повезло. Интересно послушать его собственную версию событий, конечно, не выдавая Конгура, раз уж обещал молчать.

— Мне надо работать,— произнес парень.

— Беги, и я тоже пойду,— Конан взъерошил ему волосы.— А ты действительно неплохо рисуешь, точно говорю.

Бросив еще один взгляд на желтого ягуара, киммериец вышел из храма. Ускорил шаг — теперь ему еще сильнее захотелось встретиться с

Таризлем. От избытка новых сведений мысли в голове слегка путались и по местам расставляться не желали, не говоря уж о чувствах, главным из которых оставалась тревога. Образ ягуара не давал Конану покоя, равно как и тяжелые размышления о Райбере. В таком-то крайне неприятном для него состоянии Конан добрался до «Утехи путника» с твердым намерением дожидаться Таризля — в чем бы другом, а в том, что тот непременно явится, он не сомневался. Но пока прежний его приятель не почтил заведение своим присутствием, Конан рассудил, что вполне может выпить и закусить.

Хозяин, сразу признавший его, предпочел не вспоминать о вчерашней стычке вслух, но смотрел угрюмо и цепко. Следы учиненных Таризлем накануне бесчинств почти отсутствовали, видно здесь очень постарались побыстрее все восстановить, только выбитые окна были наспех заколочены досками, не допускавшими никакого внешнего обзора.

Граф не заставил себя долго дожидаться. При его появлении головы всех присутствующих повернулись в его сторону, болтовня смолкла, а хозяин весь подобрался — похоже, не ожидал нынче же снова увидеть здесь вчерашнего беспокойного гостя. При этом сам Таризль отыскивал глазами Конана и решительно направился в его сторону, словно не замечая ничего вокруг. Отодвинул тяжелый деревянный стул напротив и

сел, подперев руками подбородок, молча, его волнение выдавали только непрерывно двигающиеся желваки — будто там бились два маленьких сердца.

— Что скажешь? — вместо приветствия спросил киммериец. — Драться пришел со мной?

— Ты этого вправду хочешь? — вопросом на вопрос ответил Таризль.

Он был совершенно трезв, мрачен и заметно подавлен. Конан пытался найти в его лице черты того, прежнего, парнишки-гладиатора, и не мог. Таризль казался старше своих нынешних лет. Волнистые волосы на висках уже тронула седина, возле губ залегли глубокие складки, а главное — в глазах Таризля не было прежнего огня. И не было света в его усталой улыбке.

Конан сделал то, чего ну никак не собирался еще секунду назад. Он протянул руку и взъерошил Таризлю волосы, как совсем недавно его сыну. Как двадцать зим назад, случалось, проделывал и с ним самим.

— Честно? Нет, малыш.

От этого жеста и почти забытого обращения Таризль замер. И — Конан мог поклясться — его глаза предательски блеснули.

— Я тоже, Медведь. Не с тобой и не сейчас, — хрипло произнес он.

— Но ты все же здесь.

— Я хотел тебя увидеть. Сказать, что был, наконец, не совсем прав нынче утром. Ну, с Да-

рой. Только ты тоже зря сказал, будто я вроде как прячусь за женщину. Хотя, может, так оно со стороны и выглядело.

— Это не мое дело, верно?

— Мне не наплевать, как ты думаешь обо мне. За эти годы много чего произошло. А за последнее время особенно. Долго рассказывать.

— А ты попробуй.

— Конан? Почему ты, когда сбежал из Халаги, не взял меня с собой?

Киммериец повернулся к хозяину таверны, крикнул:

— Эй, распорядись-ка там принести нам побольше пива, приятель!

Потом вновь взглянул на Таризля. На языке вертелось почти те же слова, которые он совсем недавно обращал к Райберу. Ты был частью моей жизни в Халаге, но не всей жизнью. Я тебе ничего не должен был ни тогда, ни сейчас. Ты не имеешь права осуждать меня за то, что я не счел нужным сделать, какие решения принимал. Все это он облек в более короткий ответ.

— Я сам по себе, Таризль. Всегда. Я такой человек.

— Ты думал, что я буду тебе вроде как обузой?

— Да нет же! Кром! Что тебе взбрело в голову ворсшить все это? Что я думал, чего не думал... С тех пор столько воды утекло.

— Просто я давно хотел задать этот вопрос. Знаешь, я тоже сбежал почти сразу после тебя. И какое-то время искал тебя, чтобы узнать... Мне казалось, что мы были друзьями. Если бы не ты, я бы там не выжил. Я смотрел на тебя, такого сильного, уверенного, и переставал сомневаться в том, что у меня тоже все получится.

— А разве ты сомневался?

— Я подыхал от страха перед каждым боем, Конан. Теперь-то можно в этом признаться. Но ты — ты не знал, что такое страх. И я учился у тебя мужеству, а не только тому, как управлять с мечом. Ты был для меня богом. А когда человек узнает, что боги к нему благосклонны, он на все способен.

Конан в сомнении покачал головой.

— Но боги неуязвимы, как я понимаю. А ты видел, что я человек из плоти и крови, которую, кстати, и проливал при тебе не раз.

— Неуязвимым можно поклоняться, но как же их любить. Да, я видел, что тебя могли ранить в бою, но ты только улыбался, и на смерть тебе было наплевать. Ты все равно побеждал. И был сильнее жизни, не только смерти — я иногда не знаю, что из этого хуже. Ты падал на кровавый песок арены и снова вставал. Всегда. Трибуны ревели, приветствуя тебя как победителя, а твоих противников уносили мертвыми. Мне хотелось во всем походить на тебя, — это прозвучало как-то очень по-детски, на пределе откры-

венности.— Ты помнишь тот бой, когда мы сражались против четверых пиктских воинов?

— Помню.— Конан был тогда серьезно ранен, стремительно мелькнувший пиктский меч едва не перерубил ему плечо, и если бы не Таризель, исход боя был бы для Конана весьма печален.

— Ты перебросил свой меч в левую руку и продолжал биться, не обращая внимания на то, что истекал кровью. А я старался отвлечь их на себя, потому что видел, что ты теряешь силы. Я чувствовал, что нужен тебе. Когда речь идет о богах, такое невозможно. Мы ничего не можем сделать для них, понимаешь?

Вообще-то Конану такой ход мыслей был совершенно чужд. Ему как-то и в голову не приходило, что он должен делать нечто для богов. Он о них редко задумывался, разве что был особенно разгневан и принимался их проклинать. В остальное время Конан считал, что они не имеют к нему никакого отношения, равно как и он к ним. Поэтому он не поддержал Таризеля и не стал распространяться на эту тему, предпочитая неопределенно промолчать.

— Ты почти не слышишь меня,— сказал тот.— Конан? О чем ты думаешь?

Вот это был хороший вопрос. Он давал возможность немедленно завести разговор не о прошлом, а о весьма животрепещущем настоящем.

— Мне надо найти одного человека, вот о чем,— объяснил Конан.— И мне сдается, ты

здесь можешь помочь. Ты, возможно, его знаешь. Мне нужен колдун Аттайя, и чем скорее, тем лучше.

Лицо Таризеля окаменело.

— Ты ведь имеешь отношение к тайной охране через отца Дары, Донала Ога,— продолжал Конан как о чем-то само собой разумеющемся.

— Откуда тебе это известно, если ты в Бельверусе чуть больше суток?

— Э, слухами земля полнится. Мне много чего уже известно. Донал Ог — личность здесь не из последних.

— Ты как-то связан с магами?

— Терпеть их не могу,— признался Конан.— Но так вышло, что от Аттайя зависит судьба одного человека, которому я обещал помочь. А этот человек, похоже, решил действовать в одиночку, и это ему может дорого обойтись. У меня сейчас нет времени на объяснения, но если ты мне веришь и согласен помочь, просто сделай это. Скажи, Аттайя, хотя бы, жив еще, или Донал Ог успел с ним расправиться?

— Жив и пока на свободе,— ответил Таризель,— но ты не знаешь, о чем просишь. Я не участвую в делах тайной охраны. И с Доналом Огом у меня сложные отношения. Не очень-то он меня жалует. Но мне многое известно обо всех представлениях магических орденов, которых в Бельверусе немало, и Аттайя среди них один из

первых. Нам бы лучше поговорить об этом не в таком месте, где слишком много ушей и глаз.

— Хорошо. Ты скажешь, где я могу его увидеть.

— Конан, за такими, как Аттайя, все время наблюдают, и к нему лучше не соваться ни тебе, ни тому человеку, о котором ты упоминал, иначе вас тоже могут заподозрить.

Райбер мог не опасаться никакой тайной охраны, никакого наблюдения. Хотя бы в этом смысле ему ничто не угрожало.

— Те из магов, кто остался на свободе, не казнен и не изгнан, служат Доналу Огу, как живые капканы,— значительно понизив голос, продолжал Таризель.— Некоторые сами доносят ему обо всех, кто к ним обращается. За другими следят днем и ночью. Аттайя относится к их числу. Бельверус сейчас далеко не лучшее на земле место для тех, кто занимается колдовством.

— Это я уже понял,— с откровенным одобрением заметил Конан.— Не знаю, что за человек твой родственник, но здесь он поступает совершенно правильно, а то проходу не стало от всякой мрази.

— Но он не щадит и тех, кто занимается целительством, а это не справедливо,— возразил Таризель.— Прежде, когда мое слово что-то значило для Донала Ога, и он прислушивался ко мне, я мог его сдерживать, а сейчас дошло до

того, что в Бельверусе скоро даже ни одной повитухи не останется.

— Война есть война,— пожал плечами Конан.— В целом Донал Ог прав. В таких делах нужна твердая рука! Лучше пережать, чем бросить дело незавершенным.

— Он тоже так считает. А теперь представь, что ты пойдешь к Аттайе, и тебя схватят. Понравится тебе это?

— Я легко докажу, что ни в чем не виноват. Раз я действительно невиновен, меня отпустят, а нет, так сумею сбежать.

— Ошибаешься. Ты окажешься на костре раньше, чем что-то кому-то сумеешь втолковать, вот и все. Никто тебя и слушать не станет. Публичные казни совершаются почти каждый день, и...

— Ладно! Будет пытаться меня запугать, Таризель! Скажи лучше, как я могу быстро найти Аттайю, а остальное я сам решу.

— Ты никогда не отступаешься.

— Ты знаешь, что нет.

— Что ж. Думаю, ты сможешь пробраться к Аттайе вместе со мной. Этот человек и сам по себе очень опасен...

— Чем именно?

— Конан,— твердо произнес Таризель,— здесь не самое лучшее место для подобных разговоров, и я больше ни слова не скажу, пока мы не уйдем.

Варвар был вынужден с ним согласиться. Однако спокойно покинуть «Утеху путника» им оказалось не суждено.

Стоило Конану и Тариэлю переступить порог, к ним тут же подошли несколько человек, которых киммериец видел впервые, а вот его приятель, похоже, сразу узнал.

— Граф Тариэль? — полувопросительно обратился к нему один из них, изображая подобие любезной улыбки.

— Допустим, — холодно отозвался тот, — чем могу служить?

— О, какие изысканные манеры и учтивая речь, — засмеялся его собеседник, внешность и стать которого недвусмысленно свидетельствовала о принадлежности к знати. — Удивительно для выскочки-голодранца, которого во что ни ряди, все равно останется тем, кем родился. Или ты просто недостаточно пьян?

— Оставь меня в покое, Эйвон, — предупредил Тариэль, изо всех сил сдерживая стремительно закипающий гнев. — Лучше не начинай. Дай пройти.

— Разумеется, на все четыре стороны. Но только после того, как преподадим тебе урок. Вчера ты изувечил моего брата. Понятно, что городская стража пока не нашла на тебя управы, но в этом случае придется самому заняться тобой...

— Что, хочешь поединка? Знаешь, твоему брату, в самом деле, вчера сложновато было собирать выбитые зубы сломанными руками, но он, вроде тебя, принялся задевать меня первым, за что и поплатился. Не терпится разделить его участь, Эйвон? Тогда изволь...

— Я об тебя рук марать не стану, — возразил тот. — Эй, парни, взять его!

Конан мгновенно оценил ситуацию. Кем бы он ни был, этот Эйвон привел с собою с десяток слуг, и все они были достаточно крепкие парни. На драку не было времени, хотя в другой момент он был бы не прочь слегка поразмяться. Только не сейчас. Поэтому Конан поступил проще. Он шагнул к Эйвону со спины и молниеносно зажал горло противника локтем так, что тот мог только хрипеть и слабо подергиваться. Впрочем, если бы Конан чуть-чуть усилил давление, Эйвон не смог бы и этого, но пока его конвульсии были необходимы как подтверждение того, что этот тип жив.

— Пошли прочь, псы, — рявкнул Конан. — Один шаг в нашу сторону, и я удавлю вашего хозяина не задумываясь.

Те замялись в нерешительности, хотя и не пытались ничего предпринять.

— Чего ждете? — удивился Конан. — Приказа хозяина? Извольте, — он слегка ослабил хватку. — Скажи им, Эйвон, незачем людям понапрасну маяться.

— Уйдите,— прохрипел тот.

Слуги подчинились, немедленно отступив на почтительное расстояние.

— А теперь бежим,— бросил Конан Таризэлю, отталкивая Эйвона подальше.

Но уйти не получилось. Откуда ни возьмись, явились пятеро конных стражников, и драться все-таки пришлось. Причем, что с Конаном случилось крайне редко, удача оказалась не на его стороне. Он почувствовал удар по голове такой силы, что, имея варвар не столь крепкий череп, это было бы последним ощущением в его жизни... а затем на некоторое время наступила полная темнота.

...Очнулся киммериец не в самом гостеприимном месте. Попробовал пошевелиться, и, к своему неудовольствию, обнаружил, что связан. Голова гудела, перед глазами все расплывалось.

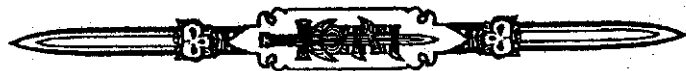
— Ничего себе,— зло проворчал он,— кажется, дело плохо.

— Кажется,— подтвердил Таризэль,— но лучше, чем я думал.

— А что ты думал? — киммериец скосил глаза в сторону приятеля, связанного так же, как и он сам.

— Например, что они тебя прикончили.

— Богатое у тебя воображение. Не дожدهшься,— Конан повертел руками, пробуя освободиться.

— Лучше не пытайся. Это вязка такая, чем больше дергаешься, тем туже затягивается,— объяснил Таризэль.— Конан? Я все возьму на себя. Скажу, что ты мой телохранитель и ни в чем не виноват. Тебя отпустят, только не опровергай мои слова, хорошо?

— А тебя?

— Выкручусь. Первый раз, что ли.

Почему-то Конан в это не поверил.

— На самом деле не так-то все просто, точно? — спросил он.— Если уж тебя, графа, сюда затащили, значит дело не особенно веселое,— судя по обстановке, они оказались в одной из камер городской тюрьмы.

— Мне нельзя было позволять втянуть себя в драку. У этих ребят из городской стражи на меня зуб. Ладно, Конан, я сейчас освобожу тебя,— Таризэль поднялся, сбросив с себя веревки так запросто, словно они только что не обвивали его по рукам и ногам, и, насколько понял Конан, даже не развязывая узлов, и тут же занялся киммерийцем.— Они бы с тобой ни за что не справились, если бы ты не был без сознания,— заметил он.— Правда, перед этим ты успел уложить двоих или больше, я точно не помню. А эти типы не прощают, когда им оказывают сопротивление — власть, все-таки — вот они и озверели. Им был нужен только я. Впрочем, скорее всего, нас быстро отпустят.

— Что тебе теперь грозит? — спросил Конан, вставая и с хрустом потягиваясь, чтобы привести в порядок затекшие мышцы. — Только не ври.

— Лишение титула, прав состояния и изгнание из Бельверуса, если не вообще из Немедии, — сообщил Тариэль.

— Ого, — протянул Конан. — И все это из-за вчерашней и нынешней драк? Не слишком ли сурово?

— Не слишком, если учесть, что вчерашняя была десятой по счету, и это учитывая только те, в которых пострадали равные мне по положению. Меня предупреждали, что мне не следует больше ни во что ввязываться, но меня словно демоны на это толкают. Хотя дело, конечно, не в демонах. В Бельверусе у меня полно недоброжелателей, они сознательно создают такие ситуации, когда сдержаться просто невозможно. Вчера брат Эйвона принялся цепляться ко мне, я вышел из себя и ответил... а сегодня ты сам свидетель, как все было.

— Ты, что же, не можешь не драться? — спросил Конан.

— А ты можешь? — усмехнулся Тариэль. — Что ты делаешь в ответ на оскорбления, хотел бы я знать? Утираешься и уходишь, как ни в чем не бывало?

Возразить на это было совершенно нечего. Конан со злостью пнул ногой наглухо запертую железную дверь камеры, в душе думая, что по

милости Тариэля теряет массу времени, так необходимого на поиски Райбера и Аттайи.

— Они тут долго нас собираются держать?

— Откуда я знаю, — пожал плечами Тариэль. — Может быть, до следующего утра, пока судья не возьмется разбирать мое дело.

Конан разразился длительной витиеватой тирадой, состоящей из самых изощренных ругательств.

— Ты понимаешь, что я не могу позволить себе задерживаться в этой распроклятой дыре так надолго? — обрушился он на Тариэля.

— А что я могу сделать? — резонно возразил тот. — Дверь высадить? Это вряд ли, она слишком прочная. Стены по кирпичику разобрать? Тоже не выход. Так что лучше сядь и успокойся. Остается только ждать. Заодно, поскольку у нас времени теперь сколько угодно, можешь рассказать мне, зачем тебе все-таки понадобился Аттайя и почему ты его разыскиваешь.

Конан решил, что идея Тариэля вполне разумна, и поведал ему об Ирьоле и Райбере. Тот слушал молча и со все возрастающим интересом, ни разу не перебив повествование киммерийца, потом сказал:

— Просто невероятно.

— Что именно?

— То, что невидимый человек может желать стать таким, как все остальные, — ответил Тариэль. — Этого я не могу понять. Твой Райбер не

понимает своего счастья. Я бы хотел оказаться на его месте, хотя бы ненадолго.

— Ненадолго, пожалуй, я бы тоже не отказался,— сказал Конан.— Но его это тяготит. В конце концов, его право решать, каким он хочет жить дальше. А я обещал Ирьюле помочь ее сыну, и должен исполнить клятву, данную умирающей. Вместо этого я умудрился упустить и потерять мальчишку. Что вовсе не делает мне чести. Как-никак, я же за него отвечаю.

— Ты терпеть не можешь за кого-то отвечать,— заметил Таризель.— Вот он и сбежал. Человеку, даже такому юному, вовсе не приятно все время сознавать, что с ним имеют дело только из чувства долга.

— А чего еще он мог от меня ждать, скажи на милость? Что я его объявляю своим сыном? Ну, знаешь ли, я такой, какой есть, и вовсе не намерен меняться ради кого бы то ни было,— проворчал варвар.

— Послушай, Конан, ты кого-нибудь хоть раз любил в своей жизни? — спросил Таризель.— Я имею в виду, так, чтобы не бояться пожертвовать ради этого человека всем... в том числе и своим гонсром?

— Я не такой дурак,— возразил тот.— О какой любви ты тут толкуешь? Мне кажется, именно так тебя любит Дара. До того, чтобы растить твоего сына, прижитого неизвестно от кого.

И не заметно, что ты способен оценить ее жертву.

— Не говори о том, что тебя совершенно не касается,— угрожающе прорычал Таризель.— Ты мне не судья.

— И ты мне тоже,— с удовольствием заявил Конан, удовлетворенный тем, что удалось чувствительно задеть Таризеля.— Мои отношения с другими людьми и со всем миром — не твое дело.

Таризель надолго замолчал, похоже, чувствуя себя оскорбленным.

Конан подумал, что, в общем-то, грызться между собой сейчас не самый подходящий момент, перед лицом опасности лучше держаться вместе, а как обернутся дальнейшие события, кто знает.

— Эй,— позвал он,— будет тебе беситься, граф.

— Откуда ты узнал об Элае?

— Слышал кое-что, пока бродил по городу. Какая разница, откуда, главное, я ведь прав.

— Мне дорого приходится платить за свои ошибки,— сказал Таризель.— Слишком дорого, чтобы так запросто трепать о них языком. Ты действительно хочешь знать, что со мной произошло?

— Сам говорил, времени у нас в избытке, почему бы не использовать его с толком,— кивнул Конан.

Для него теперь стало очевидным, что Тариэлю самому почему-то очень хочется выложить ему свою историю. Киммериец, впрочем, и не возражал ее выслушать.

Глава пятая

Всю свою жизнь Донал Ог служил защите немедийской власти. И дело тут было не в рабской преданности таковой — для этого он обладал слишком незаурядным умом и гордостью; но он полагал, и не без оснований, что поддержание порядка обеспечивает возможность его согражданам жить в относительном покое и безопасности, что совершенно невозможно без разумной, твердой и незыблемой власти.

Донал Ог сосредоточивал свои усилия на всем том, что было так или иначе, прямо или опосредованно, связано с разнообразными колдовскими культами и орденами. По его разумению, именно они представляли самую серьезную угрозу упорядоченному существованию как Немедии, так и иных хайборийских держав. Считалось, что человек этот отличается непримиримой и беспощадной жестокостью по отношению

к магам. Но Донал Ог, в очередной раз отдавая распоряжение об аресте или казни кого-то из своих заклятых врагов, твердо знал, что поступает справедливо. У него имелся суровый неоплаченный личный счет к колдунам. Когда-то — Дара была тогда еще совсем ребенком — у Донала Ога были жена и сын.

Мальчик, в котором отец души не чаял, имел несчастье тяжело заболеть. Начались отчаянные поиски спасения, превратившие жену Донала Ога в безумную фанатичку, молящуюся на всевозможные эликсиры, снадобья, заклинания, дававшие ложные надежды. Он метался вместе с нею по Вендии, Кхитаю, Стигии в поисках чудесного исцеления, но все было тщетно. В ту ночь, когда мальчик все-таки умер, Донал Ог не смог вырвать маленькое остывающее тельце из рук жены.

Тогда он принялся метаться по всему их дому, собирая бутылочки, пузырьки, кувшинчики, и, конечно же, книги, черные книги, с описаниями этих демонических и оказавшихся совершенно бесполезными снадобий. Он опустошил полки, ящики и шкафы, а потом сжег все что обнаружил, на заднем дворе, поливая огонь слезами, пока верная служанка пыталась уговорить его жену отдать ей окоченевшее тело ребенка.

Женщина так и не оправилась от потери и вскоре тихо угасла, безумная, на глазах превратившаяся из цветущей молодой женщины в не-

опрытную старуху с трясущейся головой. И знали боги, Донал Ог был убежден, что за каждый оплот демонов, разрушенный здесь, на земле, его умершее дитя радуется где-то в немыслимой дали, куда забрала его слепая и жестокая судьба.

Дару он вырастил один, так никогда больше и не женившись. Дороже дочери у Донала Ога не осталось ничего в жизни. Но страшная, кровавая слава, бегущая впереди этого сурового человека с холодными стальными глазами и плотно сжатыми узкими губами, с детства обрекала Дару на одиночество. Дети боялись играть с ней, почти все, кроме Араминты, единственной верной подруги, дочери дальнего родственника Донала Ога.

Увы, и эту дружбу он не приветствовал, ибо в его глазах Араминта воплощала все самое ненавистное, что только он мог себе представить, а именно, она увлекалась всякого рода гаданиями, предсказаниями, и исповедовала культ какой-то вендийской богини. В жилах Араминты тоже текла вендийская кровь, хотя и разбавленная немедийской — ее отец, страстный путешественник, когда-то женился на вендийке и привез ее в Бельверус.

Мать Араминты так и осталась настоящей дикаркой и едва овладела принятыми в Хайбории наречиями; она и из дома-то редко выходила, зато старалась воспитать дочь по своему образу и подобию. От нее Араминта унаследовала

необыкновенные черты лица, высокие скулы, экзотический разрез индигово-черных глаз и смуглую матовую кожу, а задно и все свои способности и умения целительницы, в чем весьма преуспела. Эта девочка обыкновенно тоже бывала обречена на одиночество, слишком уж она отличалась от своих сверстников, и только доброе сердце Дары оказалось достаточно большим, чтобы предложить ей свою дружбу, даже если таковая вынуждена идти против воли отца. Две девочки сделались неразлучны и впоследствии сохранили искреннее расположение друг к другу, даже когда Арамента, еще совсем молодой, вышла замуж, составив себе неплохую партию: ее супругом стал человек много старше красавицы Минты, весьма состоятельный торговец жемчугом, совершенно очарованный загадочной полукровкой. Дара же, в отличие от подруги, вовсе не спешила связать себя брачными узами, хотя предложений руки и сердца была у нее больше чем достаточно, едва лишь Донал Ог начал вывозить дочь в свет. Но Дара всем отвечала отказом, как в свои восемнадцать, так и в двадцать, так и в двадцать пять зим, рискуя в конце концов превратиться в старую деву и нисколько об этом не тревожась. Ни один юноша не был ей настолько по сердцу, чтобы согласиться провести рядом с ним всю жизнь, да и мужчины постарше Дару совершенно не привлекали, словно она вообще оставалась равнодушной к противо-

положному полу. Нельзя сказать, что Донала Ога это обстоятельство так уж сильно удручало, он в глубине души был даже доволен, что дочь продолжает оставаться с ним рядом, хотя и тревожился об ее дальнейшей судьбе, однако не собирался ни к чему принуждать. О, если бы только упорное нежелание Дары сделать свой выбор было ее единственной странностью! Но прелестная головка этого создания была занята совершенно иными страстями, вернее, страстью. Больше всего на свете Дара любила танцевать.

Причем, ей отчего-то нравилось делать это не на светских балах при королевском дворе, хотя там ей не сыскать было равных среди девушек. Но этого Даре было недостаточно. Ее влекла судьба бродячей танцовщицы. Она в совершенстве владела искусством двигаться и готова была являть его миру повсюду, на площадях и улицах, в забытых богами нищих селениях и шумных городах, отказавшись ради этого от своего древнего рода, дома, состояния, надежды когда-либо сделать достойную партию и счастливо выйти замуж, от любви своего отца, наконец! Точно дикая птица, Дара никогда не расставалась с мечтой о свободе! Она разбивала сердце Донала Ога своим непостижимым умом стремлением сделаться уличной актрисой, что в его глазах было равносильно тому, как если бы дочь возжелала податься в портовые шлюхи. Во всем остальном вполне сговорчивая, спокойная и не-

глупая девушка, Дара делалась совершенно безумной, когда вопрос казался ее страсти танцевать. Когда ей было пятнадцать, это еще могло сойти за детскую блажь, но в двадцать пять вызывало подозрения в том, что Дара все-таки несколько не в себе. Кончилось это тем, что она убежала из дома вслед за проходившей через Бульверус труппой танцовщиков и мимов.

— Я найду ее! — в бешенстве и отчаянии поклялся Донал Ог. — Я верну ее домой, а мерзавцев, с которыми она ушла, отправлю на виселицу всех до единого.

В том, что он незамедлительно и в точности исполнит свою угрозу, сомневаться не приходилось. Да и какой безумец взялся бы спорить с Доналом Огом, тем более в час его гнева?

Но неожиданно к разъяренному господину приблизился его молодой слуга Таризель. Он был принят на службу относительно недавно в качестве одного из личных телохранителей Донала Ога, но пока ему не представилась возможность проявить себя. Кажется, Донал Ог даже не помнил его имени. И вот, в решительную минуту именно Таризель набрался достаточно смелости, чтобы обратиться к нему.

— Господин, — начал он, странно растягивая слова, тихо и медленно, — если ты хочешь, в самом деле, жестоко расправиться с людьми, о которых говоришь, начни с меня. Можешь послать меня на виселицу, на дыбу, под кнут палача, ес-

ли тебе это принесет удовлетворение. Ибо я один из них — мои родители жили тем же ремеслом, и я начал танцевать тогда же, когда и ходить, и уже в три года выступал на улицах. Те, с кем ушла твоя дочь, мои сестры и братья. К тому же они ни в чем не виноваты — это не было похищением, Дара пошла с ними по своей воле, разве не так?

По мере того, как Таризель говорил, лицо Донала Ога и так мрачнее тучи, становилось все чернее. Казалось, он только никак не может выбрать, какому способу казни предпочтительнее подвергнуть наглеца, и сожалеет, что того нельзя убивать, воскрешать и убивать снова. Но Таризель словно ничего не желал замечать.

— Если же ты хочешь вернуть Дару в свой дом, никому не причиняя бессмысленного вреда и не ожесточив ее сердце против тебя, разреши мне отправиться за нею. Я смогу убедить ее возвратиться, — продолжал он. — Дай мне одну седмицу сроку для этого. И если я не оправдаю твоего доверия, вели поступить со мной сколь угодно жестоко.

Донал Ог задумался. В словах молодого слуги был здравый смысл. В любом случае, на поиски беглянки пришлось бы кого-то посылать, так почему не Таризеля? Много времени на размышления не потребовалось.

— Что ж, иди за ней, коль скоро сам вызвался, — проговорил Донал Ог таким тоном, словно

провозглашал приговор.— Но если окажется, что ты не хозяин своему слову — берегись.

...Ровно седмицу спустя блудная дочь-беглянка предстала пред любящие очи своего родителя. Но ее собственные очи неотрывно взирали на Таризля. Донал Ог, счастливый благополучным возвращением Дары в лоно семьи, не сразу обратил на это внимание. Его устраивало уже то, что у девушки как-то разом прекратились всяческие бредни об уличных танцах, и на какое-то время Дара сделалась ходячим эталоном примерной, кроткой и покорной родительской воле дочери.

Природная проницательность Донала Ога не простиралась далее пределов его же безоглядной любви к Даре, а потому он не замечал, что в ее сердце одна страсть оказалась совершенно вытеснена другой — к молодому отцовскому телохранителю.

Доналу Огу и в голову не приходил подобный оборот. Таризль был Даре совсем не парой, к тому же, она никогда прежде не проявляла интереса к мужчинам, и плюс ко всему, была старше него более чем на четыре зимы... Таризль продолжал служить Доналу Огу, и дела шли своим чередом; когда неожиданное событие открыло главе тайной охраны то, что до сих пор не было ему очевидно. Молодому человеку, всюду сопровождавшему своего господина, представился случай проявить себя в полной мере. На

Донала Ога было совершено дерзкое нападение — как выяснилось позже, сын одного из недавно казненных решился отомстить за отца и бросился на своего заклятого врага с ножом в руке. Все произошло мгновенно. Таризль заметил метнувшуюся к Доналу Огу фигуру и успел закрыть его собой. Удар, предназначенный хозяину, пришелся ему в грудь, однако и это было не все — Таризль сумел на пределе сил мертвой хваткой вцепиться в нападавшего и удерживать его до тех пор, пока тот не был схвачен подоспевшей стражей. Только после этого Таризль потерял сознание. Донал Ог был искренне поражен его преданностью, мужеством и быстротой реакции. Он распорядился отнести раненого к себе в дом. Таризль истекал кровью, лезвие клинка вошло достаточно глубоко, и жизнь покидала его с каждым мгновением. На шум прибежала Дара. И тут Донала Ога ждало потрясение. Его дочь горестно, отчаянно воскликнула, склоняясь над Таризлем.

— Не умирай,— умоляюще произнесла она,— о, мой любимый, не оставляй меня!

Ее ужас и горе были столь искренни и велики, что Доналу Огу ничего не оставалось, как признать — Дара наконец обрела настоящую любовь. Она не просто убивалась по молодому слуге, но сделала все возможное ради его спасения, лично взявшись ухаживать за ним, и рассказала

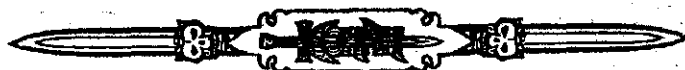

отцу, что они с Таризлем давно любят друг друга, но вынуждены были это скрывать.

— Если он погибнет,— заявила она,— то и мне незачем станет жить!

— Что ж,— со вздохом заметил Донал Ог,— постарайся, в таком случае, этого не допустить. А там посмотрим.

В конце концов, верность и мужество заслуживали того, чтобы быть по достоинству вознагражденными. Разбивать сердце дочери Донал Ог не хотел и не собирался. Он дал согласие на ее брак с Таризлем, и чтобы этот брак не выглядел скандальным мезальянсом, купил для будущего зятя графский титул. А кроме того, предложил молодому человеку принять участие в деятельности тайной охраны. И в течение долгого времени у Донала Ога ни разу не возникло повода пожалеть ни о чем из содеянного. Таризль получил все, о чем прежде мог только мечтать — титул, положение в обществе и обожающую его красавицу-жену. А Донал Ог обрел в его лице не просто зятя, но соратника и, что еще важнее, почти сына, словно взамен того самого когда-то умершего и до сих пор наполнявшего отцовское сердце глубокой скорбью мальчика. Чем лучше он узнавал Таризля, тем выше ценил его, хотя и редко выражал свои чувства в словах похвал. Что касается Дары, она была полностью поглощена своим супругом, сделавшись идеальной женой, а чуть позже и матерью. Кон-

гур появился на свет **через** полгода после свадьбы. Нетрудно было **догадаться**, что молодые люди стали близки, не дожидаясь ни чьего соизволения, но это обстоятельство Донала Ога не смутило. В своем внуке он души не чаял. И когда вслед за Конгуром появилась Джახель, подумал, что это, наверное, и есть то, что принято называть счастьем. Донал Ог любил говорить, что настоящий мужчина — это мозги и мускулы. Тем и другим Таризль обделен не был. Донал Ог имел все основания считать, что его дочь сделала прекрасный, достойный выбор, и даже гордился тем, что ее не остановили никакие предрассудки. Пусть безродный и почти нищий, Таризль оказался **стократ** предпочтительнее отпрысков знатных семейств, прежде увивавшихся за Дарой и отвергнутых ею.

Разумеется, идеальных людей не бывает. Время от времени за Таризлем водились кое-какие грешки, но на это Донал Ог, сам будучи мужчиной в полном смысле слова, смотрел сквозь пальцы: Таризль знал, как замести следы своих походов и ни чем не оскорбить и не ранить чувства Дары. Если же та все же о чем-то и догадывалась, то, в свою очередь, и виду не подавала, им для этого достаточно сил и мудрости. Трудно было бы разумной женщине в здравом уме требовать от этого образца мужского совершенства, способного как щедро дарить, так и внушать любовь к себе, абсолютной верности, и

Дара была к нему снисходительна, ибо не сомневалась: душа Таризеля принадлежит ей одной. С ним она, кроме всего прочего, обрела воплощение своих мечтаний. Он стал ей не только мужем и отцом ее детям, хотя и этого казалось вполне достаточно. Но их с самого начала связывало то, что столь неудержимо влекло Дару прежде. Ибо в течение той самой седмицы, затраченной им когда-то на ее поиски, Таризель... танцевал с нею! О да! Он очень быстро догнал ее тогда, но не потребовал немедленного возвращения, не угрожал и не применял силу. Наоборот, он сам на время вернулся к прежнему ремеслу, раскрыв Даре множество доселе неизвестных ей секретов. Он выступал вместе с нею, и эта чудесная пара неизменно собирала толпы желающих полюбоваться их искусством и щедро вознаграждать за него.

Потом, уже вступив в брак, Таризель и Дара одну-две седмицы в течение года посвящали тому, чтобы, покинув свой дом и налаженную жизнь, вдвоем отправиться в свое маленькое захватывающее путешествие, по городам и селениям, превращаясь в бродяг-артистов. Это было их секретом. Никем не узнанные, ибо кому могло бы прийти на ум, что две знатные титулованные особы предаются подобным развлечениям, они давали одно-два представления в день и чувствовали себя при этом совершенно счастливыми, при том что все это время жили только на то,

что удавалось таким образом заработать, ночевали где придется, а о еде порой и вовсе забывали. В двух бедно одетых танцовщиках и не определить было графа и графиню, которые в остальное время были украшением бальверусского высшего света...

И сам Таризель очень высоко ценил свою жену, в его отношении к ней было все — и бесконечно нежная любовь, и восхищение, и глубокое уважение. Пожалуй более идеальной пары было не сыскать, они без слов понимали друг друга, и случалось, когда один начинал какую-то фразу, другая продолжала ее, как свою собственную. При появлении Таризеля глаза Дары вспыхивали и сияли, как звездочки, а он обожал носить свою маленькую и казавшуюся такой хрупкой жену на руках. И не время, ни сила привычки, казалось, не имели никакой власти над их чувствами — годы шли, а эти двое не могли до конца насладиться друг другом, точно в первый день после свадьбы. Это был во всех отношениях счастливый союз.

Дара приложила немало усилий, чтобы помочь Таризелю преодолеть казавшееся непобедимым косноязычие. Она терпеливо учила его, взрослого человека, говорить нормально. Таризель и сам никогда не прекращал бороться со своим досадным недостатком — по сравнению с тем, что прежде слышал Конан, его речь стала значительно более внятной, однако Дара сотво-

рила почти чудо. Он перестал бояться открывать рот в ожидании неизбежной неудачи и делать долгие паузы перед каждым последующим словом, даже если приходилось говорить при большом скоплении людей или вести непринужденную светскую беседу.

Если между ним и Дарой и были какие-то секреты, то они касались исключительно сотрудничества Таризеля с тайной охраной. Но ведь и Донал Ог не посвящал дочь в свою деятельность. Дара всегда знала, что отец никогда не превращает свои планы в предмет досужей болтовни и обсуждения в кругу семьи, и так же поступал Таризель. Если бы она могла хотя бы смутно догадываться, какие поручения отца доверено выполнять ее мужу, это стало бы для Дары источником непрекращающейся тревоги за него. Но о том, что в действительности совершает Таризель, знали только два человека: он сам и Донал Ог, который пристально пригляделся к своему зятю и обнаружил у него немало бесценных способностей. Чтобы не потерять форму, Таризель ни на день не давал покоя своему гибкому телу. Новоявленный родственник не раз видел, как тот отрабатывает удары мечом, бросает ножи или просто ходит на руках.

— Неплохо, Таризель,— одобрил Донал Ог.— А что еще ты умеешь?

— О, многое,— воодушевился тот.— Мое прежнее ремесло танцовщика требует владения мно-

жеством навыков и немалой выносливости. Но, может, ты полагаешь, что теперь мне как графу не пристало изображать из себя обезьяну? Но когда я у себя дома, меня никто не видит, и...

— Вот и пусть не видят,— сказал Донал Ог.— Нет, я тебя не осуждаю, наоборот, восхищен и думаю, что это самое прежнее ремесло может тебе весьма пригодиться. Тебе и мне. Хотя я, пожалуй, не вправе рисковать тобой. Если с тобой что-то случится по моей вине, это будет подло по отношению к Даре.

— Прошу тебя,— воскликнул Таризель,— не отказывайся испытать меня! Я могу меняться, как того требует ситуация, при желании становиться кем угодно, чем угодно, принимать любой облик, усвоить чужие манеры, быть незримым, оставаясь у всех на виду, проникать в самые узкие щели. На любой высоте я чувствую себя не хуже кошки, и запертых дверей для меня не существует. Я был канатоходцем, жонглером, человеком-змеей...

— И гладиатором,— добавил Донал Ог.— Мне как воздух нужен такой, как ты, сынок. Дай мне подумать. Я не должен принимать поспешных решений.

Но Таризель уже знал, что в конце концов добьется желаемого.

Действительно, Донал Ог, поразмыслив, начал вводить его в курс дела. Таризель с его незаурядным живым умом и способностью легко

обучаться всему новому, вникая в суть его деятельности очень быстро.

В то время Бельверус напоминал гигантский котел, в котором беспорядочно смешивались самые разнообразные культы. Кхитайские, вендийские, стигийские боги и демоны овладевали душами и умами тысяч людей. Прорицателей, ясновидящих, целителей и магов было едва ли не больше, чем тех, кто не владел таковыми искусствами. Можно было воткнуть в землю обычную оглоблю и превратить ее в предмет поклонения, основав новый культ. Чуть ли не на каждом углу шла бойкая торговля амулетами и талисманами, дающими готовому расщедриться на их приобретение вечную жизнь, богатство, нестигаемое здоровье и завидную мужскую силу, а заодно и удачу во всех делах сразу. Многие люди боялись сделать шаг, не сверившись с предсказаниями звезд и не обследовав свое тело в поисках примет, указывающих на нечто особенное. Жрецы издревле почитаемых в Немедии божеств пытались втолковать «отступникам» губительность легковерия в новомодные изыски, но увы, привычный Митра не выдерживал сравнения с си-нелицей вендийской богиней или каким-нибудь песьеголовым стигийским чудищем, изображение которого у дверей дома наверняка охраняло от воров, грабителей, пожара, наводнения, землетрясения и градобития. И это было невинной детской игрой по сравнению, например, с уве-

ренностью последователей культа мертвых в том, что раз в году просто необходимо выкапывать из могил умерших родственников и сажать их вместе с собою за общий семейный стол. Или с безумствами тех, кто взялся приносить в жертву собственных первенцев ради того, чтобы удостоиться особого расположения богов. Иные же предпочитали ходить по улицам совершенно обнаженными, при этом разукрасив себя с ног до головы ритуальными татуировками и отчего-то непременно с отрезанным левым ухом. От всего этого у Тариэля поначалу голова шла кругом! Он ощущал полнейшую растерянность и беспомощность, не в состоянии вообразить, как можно обуздать жуткое всеобщее безумие, о масштабах которого прежде даже не подозревал. Хуже всего было, по словам Донала Ога, то, что влияние чародеев сделалось чрезвычайно сильно при дворе.

— Без советов астролога и прорицателя Дайнара король не принимает никаких сколько-нибудь важных решений,— сетовал он.— За последнее время ни один закон не был утвержден без его согласия. И тот благосклонен исключительно к тем решениям, которые так или иначе выгодны лично ему. Дайнар хитер, как лис, коварен и далеко не дурак. Он держит под контролем всю больверусскую нечисть, взимая дань со всех гадателей и магов, как со своих верных вассалов, и обеспечивая их безопасность взамен. У меня свя-

заны руки, я ничего не могу поделать с его «подданными», пока Дайнар пользуется таким доверием со стороны короля. Если я решусь действовать, то немедленно окажусь в опале. Король не потерпит, чтобы кто-то перечил его любимцу, а уж Дайнар сумеет настроить его должным образом. Иного пути, кроме как уничтожить Дайнара, у меня нет. Но сделать это нужно так, чтобы его смерть произошла как бы от естественных причин. Хорош будет пророк, не сумевший предсказать даже собственную гибель, хороша магия, бессильная перед опасностью. Смерть Дайнара заставит короля многое понять.

...Не прошло и одной луны, как астролог Дайнар был обнаружен мертвым в постели, которую делил с двумя шлюхами, о чем немедленно стало известно всему Бельверусу. Девушки клялись, будто он так утомил их обеих своими неумными ласками, что они заснули в полном изнеможении и даже не слышали, как великий человек умирал... вернее сказать, подыхал, захлебнувшись собственной блевотиной, ибо был, ко всему прочему, пьян, как свинья. Очевидно, что и девушки были не в лучшем состоянии, и мудрено было бы им, в самом деле, хоть что-то услышать и запомнить. Разумеется, их обеих на всякий случай казнили без лишнего шума, на том дело и завершилось, а Донал Ог с наибольшей пользой для дела распорядился столь удачным стече-

нием обстоятельств. Оставшиеся без своего казавшегося неуязвимым покровителя, мистики всех мастей оказались не в силах что-либо противопоставить молниеносной и безжалостной атаке тайной охраны. Донал Ог спешил, опасаясь, как бы что-нибудь не воспрепятствовало его планам, да только, похоже, удача начала улыбаться ему во всем. Правда, кое-кому эта улыбка могла показаться, скорее, смертельным оскалом, ибо на всю «верхушку» магов и глав орденов словно мор напал. Один за другим они делили незавидную участь Дайнара. Врагов Донала Ога находили утонувшими, затоптанными копытами их же собственных вдруг словно взбесившихся коней, свернувшими себе шею при неудачном падении, сторовшими заживо... Словно ему самому ворожили неведомые демоны! Всякий раз, с какой точки зрения ни взгляни, смерть оказывалась совершенно естественной, так что заподозрить причастность Донала Ога к этой зловещей череде представлялось крайне затруднительным.

Но настал день, когда он призвал Тариэля к себе и сказал:

— Довольно, мой мальчик. Ты сделал больше, чем под силу кому бы то ни было. Даже я не знаю, каким образом тебе это удалось, и могу только восхищаться твоей решительностью, мужеством и ловкостью. Теперь же я полагаю, что

нельзя до бесконечности испытывать судьбу, и дальше буду действовать сам.

— Ты хочешь отстранить меня от дел? — Тариэль был не в силах поверить услышанному. — Но это невозможно! Неужели я где-то допустил ошибку, которая разочаровала тебя и заставила усомниться во мне?

— Ни одной, — возразил Донал Ог. — Ни разу я не пожалел о том, что доверился тебе.

— Тогда в чем же дело?

— В том, что у меня есть дочь и внуки, и это единственное уязвимое место, куда мне можно нанести смертельный удар. Пока я знаю, что они в безопасности, я непобедим. Береги свою семью, Тариэль, и себя самого, вот все, что мне нужно. Это мое последнее слово.

Тариэль понял, что спорить бесполезно. Он подчинился приказу Донала Ога, но в глубине души затаил жестокую обиду. Неужели он не годен больше ни на что, кроме как состоять на должности цепного пса при Даре? Он, который в одиночку уничтожил практически всю «верхушку» бельверусских предсказателей, не остановившись перед каким угодно риском? Он чувствовал себя несправедливо оскорбленным и словно выброшенным из настоящей, полной опасностей жизни. Праздная жизнь безмерно угнетала Тариэля, он был оглушен и страшно разочарован. Главное же, ему казалось, что Дона Ог предал его. Ведь Тариэль не требовал от него ни награ-

ды, ни какой-либо платы, довольствуясь тем, что ощущал себя нужным человеку, ставшему для него родным. Если же от него никакого толку, то чем он лучше бродячего пса в горах или наемника, служащего ради денег?.. Тариэль не знал, куда себя деть. Горькая несправедливая обида жгла его душу, отравляя существование. Он стал подозрительным и нервным. Если прежде Тариэль не задумывался о таких вещах, как неожиданно полученный им, а вернее купленный для него Доналом Огом графский титул, то теперь ему начало казаться, что у Дары, аристократки по крови, есть все основания считать себя выше него. И что многие знатные господа на балах и приемах смотрят на него со скрытым презрением. Дара видела, что ему не по себе, но не знала, чем может помочь. Чем внимательнее и нежнее она относилась к Тариэлю, тем чаще он платил ей отчуждением и холодностью. В их отношениях возникла трещина, поначалу еле заметная, но грозящая превратиться в настоящую пропасть. Вдруг выяснилось, что Тариэль безумно ревнив, беспочвенно и болезненно. Стоило кому-то из мужчин приблизиться к Даре, он приходил в настоящую ярость, готовый ненавидеть весь мир. Устав от его бесконечных придирок и капризов, Дара однажды воскликнула:

— Что же тебе нужно?! Иногда я просто не знаю, что с тобой делать!

Перед этим Таризель позволил себе намеки на то, будто бы она как-то по-особенному смотрела на одного из королевских вельмож.

— А что делать таким как Загран, ты лучше знаешь? — язвительно спросил Таризель. — Я не твоего полета птица, верно?

— Боги, это просто смешно, — возмутилась Дара, — ты забываешься. Неужели ты позволишь давно забытым предрассудкам встать между нами? Я не виновата, что не родилась под забором, дорогой. Тебе лучше успокоиться и перестать гордить всякую чепуху. И главное, Таризель, мне никогда, никто, кроме тебя, не будет нужен. Ты мой муж, отец наших детей, я люблю тебя, никаких иных мужчин для меня не существует.

В тот раз ей удалось погасить готовую вот-вот вспыхнуть ссору. Таризель опомнился и устыдился своих несправедливых слов. Он ведь тоже любил Дару и не хотел тягостных семейных сцен. Но прошло совсем немного времени, и скандал все-таки разразился. Его невольным виновником стал Конгур.

Таризель души не чаял в своих детях и сам, играя с ними, превращался в мальчишку, втроем они весь дом переворачивали с ног на голову. Дара в этих случаях только смеялась, с удовольствием присоединяясь к ним и радуясь подобной идиллии. Таризель был безупречным отцом, Конгур и Джакель его обожали не меньше, чем мать. Но в тот день... Дети затеяли возню за сто-

лом, придумав обстреливать друг друга оливками и не обращая внимания на попытки Дары прекратить эти неуместные шалости. Неожиданно Таризель вмешался, остановив на сыне тяжелый взгляд.

— Что ты делаешь?!

— Извини, па, — хихикнул мальчик, — она первая начала! — и с этими словами запихнул сестрице за шиворот кусок холодной дыни. Джакель пронзительно взвизгнула.

— Дрянь! — Таризель вскочил и, словно обезумев, наотмашь ударил Конгура по лицу, разбив ребенку нос и губы. — Как ты смеешь так обращаться с едой?! Да я не всегда имел возможность вдоволь есть даже простого хлеба, а ты, щенок, которому все достается даром...

От ужаса и потрясения Конгур не мог даже плакать. Кровь крупными каплями падала на белоснежную скатерть, расплываясь сплошным пятном.

— О боги, — Дара бросилась к сыну, подхватив его на руки. — Таризель, как ты мог?!

Тот уже и сам понял, что совершил, в отчаянии переводя взгляд с собственной руки, впервые поднявшейся на ребенка, на Конгура. Дара бегом унесла ребенка, и Джакель бросилась за ними.

Таризель закрыл лицо руками, не в силах сдержать глухие рыдания. Раскаяние рвало душу на части, но в то же время он подумал —

они, они все никогда его не поймут. Он взбесился из-за ничего не значащего пустяка, глупой детской шалости, дошел до такой низости, как ударить шестилетнее дитя, и теперь они видят в нем сумасшедшего мерзавца, которому нет ни прощения, ни оправдания.

Поздно вечером Дара нашла его стоящим перед камином. Тариэль, глубоко задумавшись, поставив ногу в высоком сапоге на решетку, мрачно глядел в огонь.

— Что на тебя нашло? — спросила Дара.— Мне едва удалось успокоить Конгура. Ты напугал его едва ли не до судорог. Как ты...

— Как я мог, да? — он резко обернулся.— Пришла сказать, какой я подонок? Ну давай, говори, выскажи мне все! Чего стесняться бывшего слуги? — Тариэль рванул на себе словно вдруг ставший тесным ворот рубашки и направился к двери.

— Куда ты? — тихо сказала Дара, впрочем не делая попыток удержать и остановить его.

— К Баграту,— бросил Тариэль.— Надоело все.

С Багратором, мужем Араминты, он приятельствовал уже давно. Их семьи дружили, и Тариэль не в первый раз в одиночестве отправлялся к своему знакомому слегка выпить и поиграть в кости. Иногда мужчины вместе охотились, в то время как Дара проводила время в обществе подруги детства, Минты. Так что ничего стран-

ного в словах и действиях Тариэля не было, и однако Дара ощутила неясный укол тревоги.

Вечер явно не задался. Решительно все на свете было нынче настроено против Тариэля, вплоть до погоды. На улице хлестал такой ливень, словно хляби небесные разверзлись, и Тариэль промок до последней нитки. Он окончательно упал духом, узнав, что Баграт лишь вчера отправился за жемчугом в Зимору, и собрался было сразу уйти, но Араминта, улыбаясь, взяла его за руку.

— Зайди в дом,— предложила она.— Пережди дождь, да и обсушиться тебе не помешает.

Тариэль сбросил тяжелый от воды плащ.

— Пожалуй,— согласился он.— Принеси чего-нибудь выпить, Минта, пожалуйста.

— С радостью,— отозвалась она.— Да раздевайся же, Тариэль, с тебя течет.

Он опустил глаза под ноги, на мокрые следы сапог, а затем перевел взгляд на Араминту, так, словно видел ее впервые. Если Дару скорее можно было назвать интересной, чем красивой, подруга выгодно внешне отличалась от нее. Глаза цвета вишня и прихотливо изогнутый рот, яркое платье, собранное на одном плече, оставлявшее другое обнаженным и ниспадавшее с ее величавой фигуры, достойной богини... Тариэль не мог отвести от нее взор. Дара была миниатюрной истройной, но с развитыми руками, говорившими о привычке проводить время на свежем воздухе,

предаваясь таким неженским занятиям, как соколиная охота и стрельба из лука. Араминта же, одного роста с Таризлем, выглядела настоящей госпожой, к тому же весьма чувственной, судя по алым огонькам, пляшущим в миндалевидных очах.

— Я скоро вернусь, Таризль,— проговорила она и, в самом деле, через пару минут возвратилась с хрустальным бокалом вина, который изящно протянула своему позднему гостю.

— Это тебя согреет, успокоит,— сказала Минта.— Мне, право, очень жаль, что ты не застал Баграта, но все-таки, что случилось? Неужели ты поссорился с Дарой? Поверить не могу, вы такие два голубка.

— Видишь ли,— начал Таризль,— мы все-таки не одного круга с нею, иногда это встает между нами. Некоторые мои привычки ее раздражают, наверное.

— Понимаю,— сочувственно кивнула Араминта.— У меня с Багратом то же самое. Хотя я и ровня ему по положению, но зато полукровка, «дикарка», и у меня есть свои особенности, которые ему совершенно чужды. Я чувствую себя порой очень одинокой в Бельверусе. Это не одно и то же с тем, что испытывала моя мать, однако неприятных моментов хватает с избытком. Мы остаемся слишком разными. Наверное, поэтому с тобой я чувствую себя даже свободнее, чем с собственным мужем.

Таризль рассеянно вертел в руках бокал, задумавшись о своем и слушая Араминту как бы между прочим.

— Пей,— сказала она и удовлетворенно проследила, как Таризль одним глотком осушил бокал.— Тебе станет легче.

— Сегодня я ударил Конгура,— признался Таризль.— Это было так... отвратительно и несправедливо. Он еще совсем маленький. Я никогда не думал, что способен на такое,— он судорожно вздохнул.— Мой собственный отец в жизни меня и пальцем не тронул. Он терзался бы до конца своих дней, если бы хоть раз поступил иначе.

— Ты тоже намерен терзаться? — спросила Араминта.— А стоит ли? Дети иногда бывают совершенно несносны. Что произошло?

— Мне когда-то приходилось подолгу голодать,— проговорил Таризль.— И я до сих пор отношусь к еде как-то по особенному. Когда я увидел, как Конгур кидается оливками... он и Джэхель... я просто потерял самообладание. Им все так легко достается. Нет, я бы вовсе не хотел, чтобы мои дети страдали от голода или лишились чего-то из того, что имеют сейчас, но... Я не могу объяснить! Глупо, правда? Дара вряд ли сможет мне простить такое.

— Нет,— сказала Минта.— Я не думаю, что это глупо. И еще я не думаю, что Дара будет долго злиться на тебя.

— Почему?

— Потому что ты самый потрясающий мужчина на свете, Таризель. Ты равно красив, смел и великодушен. И Дара не настолько неумна, чтобы не видеть и не ценить этого. Надо быть слепой и глухой в придачу, чтобы по собственной воле отказаться от тебя. В Бельверусе тебе нет равных! Ни одна женщина в здравом уме не упустила бы возможности провести хотя бы одну ночь с тобой. Например, я просто теряю голову, когда вижу тебя рядом. Что, тебя смущает и удивляет моя откровенность? А я не испытываю ни капли стыда из-за того, что говорю сейчас. Представь себе, ни капли.

Крепкое ли вино явилось тому причиной, или поразительная откровенность Минты, или близость ее жаркого совершенного тела, Таризель не знал — но желание обладать этой женщиной, немедленно, здесь и сейчас, первозданное, не подчиняющееся никаким доводам рассудка, было сильным и всепоглощающим, что затопило его с головой. Таризель содрогнулся от возбуждения, чувствуя, как, пульсируя, мгновенно и мощно напряглась его плоть.

— Иди ко мне. Спи со мной. Возьми меня,— Араминта сделала какое-то неуловимое движение, и платье с легким шуршанием упало к ее ногам. Минта, совершенно обнаженная и ослепительно прекрасная, предстала перед Таризелем, протягивая к нему руки.

— Утоли свой голод,— хрипло произнесла она.— Сделай это...

Наутро Таризель со стыдом думал о своей измене. Араминта вела себя так, словно ничего не случилось, а он, не глядя на нее, бегом бросился к Даре, терзаемый чувством вины и раскаянием. За время его недолгого отсутствия та тоже не находила себе места.

Их примирение было бурным, Таризель сжимал Дару в объятиях и едва сдерживал слезы, и она отвечала ему со всей возможной страстью, отгоняя невыносимую мысль о слабом чужом запахе, исходившем от его сильного тела, запахе, который Дара сразу узнала. Вендийские благовония Араминты... Дара ни словом, ни намеком не упрекнула Таризеля и сделала вид, что ничего не заметила. В кольцо его сильных рук, твердых как сталь под тонкой тканью рубашки, она чувствовала себя счастливой... Но затем, едва оставшись одна, ощутила, как ужас, подобно крылатому чудовищу, бьется и трепещет где-то у сердца, комкая мысли.

— Я никому не отдам тебя, Таризель,— произнесла Дара вслух, сжимая в кулаки тонкие изящные пальцы.— Ты только мой!

А он предложил ей бросить все и отправиться в очередное маленькое путешествие, которые Дара так любила. Супруги на две седмицы покинули Бельверус. За это время, когда они не расставались ни на миг, Дара почти совсем успо-

коилась, отбросив терзающие душу подозрения, а Тариэль выглядел прежним счастливым, добрым и надежным человеком, каким она знала его всегда.

Но по возвращении в столицу выяснилось, что приключение с Араминтой чревато продолжением. Та не собиралась отступаться от Тариэля и постоянно искала с ним встречи, а он вдруг словно сошел с ума, сам не понимая, что с ним творится. Он желал Манту все время. Стоило ему подумать о ней, и чресла Тариэля едва не разрывались от напряжения. Это превратилось в настоящее наваждение. Тариэль и Араминта не упускали случая остаться наедине где и когда угодно, презрев всяческую осторожность и почти не скрываясь. Ему казалось тогда, что Манта — именно та женщина, которую он искал всю жизнь, а Дара — лишь ее слабое подобие; и что прежде он ничего не знал о настоящей любви, которая, как штормовое море, способно поглотить человека без остатка и смести на своем пути любые преграды. Он бредил Араминтой, ее горячими сладкими губами, прикосновениями, неповторимым запахом ее волос, словно хранивших жар далекого вендийского солнца, и мечтал умереть в ее объятиях, точно обезумевший от страсти подросток, готовый всему миру объявить о своей любви.

Среди терпкого, дурманящего запаха вендийских ароматических палочек, загадочно мерцаю-

щих в темноте, Тариэль и Минта сплетались в единое целое на смятых, влажных от пота простынях, не размыкая рук до полного изнеможения. Он проводил в ее доме куда больше времени, чем в своем собственном.

Длилось это счастье, впрочем, недолго.

Араминта была весьма искусна отнюдь не только в любви. От своей матери она унаследовала немалые способности по части целительства и подчас не отказывала в помощи людям, которые к ней обращались, хотя и не любила выставлять свои умения напоказ, чтобы не навлечь на себя обвинений в колдовстве. Случилось так, что дальняя родственница Минты со стороны отца, именем Роуэна, попросила у нее настойку, облегчающую мигрень, и Араминта как это уже не раз бывало, вручила ей маленький пузырек.

Но наутро Роуэну нашли мертвой, с дико выкаченными глазами и посиневшим лицом. Злополучный пузырек валялся на полу рядом с постелью. Выяснить, что Роуэна отравлена, было проще простого. Немного времени заняло и узнать, от кого она получила роковое снадобье. Хуже всего оказалось то, что кроме Араминты у богатой старухи близких не было, и все ее состояние должно было теперь перейти к предполагаемой коварной и алчной убийце.

Даре тяжелую весть сообщил Донал Ог.

— Твоя подруга убила Роузну,— хмуро сказал он.— Я всегда говорил, что она исчадие преисподней, и не одобрял твою непонятную привязанность.

Дара ахнула и побледнела как смерть.

— Но ведь... Минта... и так достаточно обеспечена,— пролепетала она — зачем бы ей понадобилось совершать такое?

— Денег никогда не бывает слишком много,— возразил Донал Ог.— А она уже давно незаконно занималась целительством. В ее доме при обыске нашли еще несколько посуды, наполненных сильнейшими ядами под видом безобидных снадобий. Просто чудо, что пострадала только Роуэна! И, Дара, не вздумай меня просить о смягчении наказания для этого исчадия преисподней. Я знаю, что она была дорога тебе, но даже не думай, будто твои слезы в этом случае смогут ей помочь.

— Да, отец,— смиренно проговорила Дара, нервно комкая мокрый платок.— Я понимаю... но позволь мне только хотя бы раз навестить ее в заключении! Это мой долг. Что бы Минта ни совершила, я никогда не прощу себе, если не увижу ее. Даже самый страшный преступник имеет право на чье-то милосердие.

— У тебя очень доброе и справедливое сердце, девочка моя,— проговорил Донал Ог.— Не мешало бы тебе быть хотя бы чуть-чуть пожест-

че. Ну да ладно, я думаю, вашу встречу можно устроить.

Дара, судорожно всхлипнув, поблагодарила его и снова прижала платок к глазам.

Но когда спустя несколько минут Конгур подошел к матери, то испугался куда больше, чем в тот раз, когда Таризель ударил его. Он едва узнал Дару. Его нежная, спокойная мать не могла иметь такого лица — разом осунувшегося, безжизненного, точно маска, со сжатыми в серую нить губами и дышащего ненавистью. Страшнее всего были сузившиеся сухие глаза, неподвижно глядящие в одну точку, отчаянные и яростные.

Конгур попятился от нее, не в силах издать ни звука, и опрометью бросился прочь с дико колотящимся сердцем, по дороге с разбегу налетев на отца.

— Что такое, малыш, куда ты так несешься? — спросил Таризель, подхватив его на руки.

— Там... там... мама... — Конгур не мог объяснить увиденное, но по его потрясенному виду Таризель понял, что произошло нечто по-настоящему жуткое.

Он поспешно вошел к жене.

— Дара? Что случилось?

— Сядь, Таризель. Нам надо поговорить.

— О чем? — нарочито беспечно спросил он.

— Арамину сегодня арестовали, обвинив в воровстве и убийстве Роузны.

— Нет! — вскрикнул он неожиданно высоко, словно от невыносимой боли.— Дара, скажи, что это неправда!

— Это правда, Таризель. Я только что сама узнала от отца. Манта в тюрьме и ждет приговора.

— Спаси ее,— лихорадочно произнес от, чувствуя, как ужас тисками сжимает сердце.— Дара, Дара, умоляю тебя, Араминта не может, не должна умереть, она не убийца, неужели ты поверила, будто она способна совершить такое? Тебе... нам... надо поговорить с Доналом Огом, объяснить ему... он поймет, он разберется...

— Доказательства против нее, Таризель. Я уже просила. Отец не стал меня слушать. А тебе вообще ни в коем случае нельзя вмешиваться. Если отец узнает о твоей... ошибке, у Араминты не останется никакой надежды спастись. Ты окончательно погубишь ее. Если же нет, я сделаю для нее все, что смогу. Она ведь моя подруга, я не брошу ее в беде.

— Так ты знала?.. Знаешь?..— от потрясения речь Таризеля стала почти невнятной.

— Да, мой любимый,— Дара подошла к нему, обвила руками шею мужа.— Знаю и могу понять... и какой невыносимой бывает душевная боль, мне тоже хорошо известно.

Перед глазами у Таризеля все поплыло, голос Дары доносился словно откуда-то издалека. Он был близок к обмороку, совершенно недостойному мужчины, и едва держался на ногах.

— Пойдем, тебе надо прилечь,— Дара поддерживала его, уверенно и с неожиданной силой обхватив за талию.— Сейчас все пройдет. Здесь ужасно душно...

Нервное потрясение привело к тому, что в течение нескольких последних дней Таризель был почти невменяем. Дара отпаивала его каким-то особым настоем трав, который заставлял Таризеля почти все время спать. Изредка приоткрывая мутные глаза, он неизменно видел склоненное над собою лицо жены, полное участия и любви. Почему-то совсем не было сил даже приподнять голову, не то что встать. Дара подносила к его пересохшим губам кружку с какой-то сладковатой жидкостью, Таризель делал несколько глотков и снова проваливался не то в сон, не то в забытие.

— Спи, любимый,— говорила Дара, целуя его, как ребенка, в покрытый испариной лоб.— Так ты не сможешь помешать мне сделать то, что я должна.

Пока он пребывал в таком непонятном состоянии, Дара успела навестить «дорогую подругу». Увидев ее, Араминта на миг застыла, а потом бросилась к решетке, до боли вцепилась в толстые железные прутья побелевшими пальцами.

— Дара?

— Здравствуй,— холодно сказала та, оглядывая ее.— Тюрьма тебя что-то не красит.

— Я никого не убивала... твой отец...

— Ты убивала лишь меня, Манта, я знаю. И никак не пойму, за что,— на застывшем лице Дары двигались только губы.— Имея все, ты захотела еще и его. Зря, моя дорогая. Не стоило тебе идти на такую подлость.

Араминта все поняла.

— Так это твоих рук дело? Неужели ты решилась...

— Ты этого никогда никому не докажешь.

— Дара, если я скажу о своей связи с Тариэлем, то потяну его за собой... ты должна мне помочь, иначе...

— Не докажешь,— Дара усмехнулась.— Раньше ты себе язык вырвешь. Потому что ты беременна, и мне это известно. Так вот, до родов тебя не казнят и даже не подвергнут обязательным в таких случаях пыткам. А потом я обещаю, что позабочусь о ребенке Тариэля как о наших с ним детях. Но стоит тебе хоть раз, в бреду или во сне, упомянуть имя моего мужа, клянусь, твоя смерть будет настолько чудовищной, что все демоны преисподней содрогнутся. Ты поняла меня, Араминта?

— Дара, мы были как сестры...

— И ты расплатилась за это со мною сполна. Но только напрасно полагала, что я не сумею защитить свою семью. Ты не оставила мне выбора, Минта.

...Араминта провела пять лун в заключении, до тех пор, пока на свет не появился ее с Тариэлем сын. Дара сдержала слово, немедленно взяв его к себе в дом и наняв лучшую кормилицу. Она никогда не делала различия между ним и собственными детьми, не только не выказывая малейшей неприязни к Элаю, но, напротив, готовая так же безоглядно любить его, как Конгура и Джакель. Доналу Огу она объяснила, что это ее долг перед Араминтой.

— Мы были подругами. А дитя вообще ни в чем не виновато и не заслуживает страданий.

Тариэль, оправившись от своей «болезни», стал ценить Дору еще больше, чем прежде. И самому себе не смел признаться в том, что мертвая Араминта унесла с собою частицу его души. Только вспышки непонятного гнева сменялись у него, как погода, столь же неясной тоской и унынием. Тогда Тариэль шел и напивался до скотского состояния, чтобы ни о чем не думать и ничего не чувствовать.

Трудно поверить, будто Донал Ог оставался в неведении относительно связи Тариэля с Араминтой.

Тем более что маленький Элай был похож на своего отца даже больше, чем Конгур и Джакель. Он не унаследовал от вендийки ни единой внешней черточки, оставаясь точной уменьшенной копией Тариэля. Но Донал Ог предпочитал не вмешиваться в семейные дела дочери. Дара с са-

мого начала дала ему понять, что не допустит этого. Здесь власть всесильного Донала Ога заканчивалась.

Жизнь входила в обычную колею, если сбросить со счетов то прискорбное обстоятельство, что Таризель подчас делался невероятно агрессивным и устраивал безобразные драки, пуская в ход кулаки по поводу и без повода.

Высокий титул тут вряд ли мог служить достаточной защитой от закона, равно как и наличие влиятельного родственника.

Несколько раз городская стража вынуждена была унимать впавшего в буйство графа и препровождать его в камеру, что отнюдь не улучшало характер Таризеля. Обычно все благополучно заканчивалось выплатой суммы в казну, но Таризель знал и о возможности куда более неприятных последствий, которых справедливо опасался, однако все равно не мог умерить свой пыл.

Донал Ог пытался образумить его, даже угрожал, предупреждал, что не станет вмешиваться и пытаться как-то исправить положение.

— Ты позоришь меня,— сказал он.— Становишься притчей во языцех у всего Бельверуса, и это приводит в отчаяние Дару. Если тебя вышвырнут из города...

— Если меня вышвырнут, Дара пойдет со мной,— уверенно заявил в ответ Таризель,— и

разделит мое изгнание. Или ты в этом сомневался?

Донал Ог не сомневался. Как ни прискорбно, слова Таризеля были чистой правдой. Дара слишком сильно, безоглядно и беззаветно его любила.

— Хорошо,— Донал Ог вздохнул.— Наверное, тут есть и моя вина. Праздные руки — оружие демонов. Не стоило мне отстранять тебя от службы. Но эту ошибку еще не поздно исправить. Я предлагаю тебе вернуться и найти своим силам более достойное применение. Что скажешь?

Ах, если бы эти слова прозвучали раньше!..

— Нет,— твердо возразил Таризель.— Я не вернусь и не стану служить в тайной охране. Прежде всего, я не собака, которую в любую секунду можно прогнать прочь, а потом стоит только свистнуть, и она прибежит назад, радостно виляя хвостом и готовая на все ради хозяина. Но главное, то, что ты делаешь, способно кого угодно заставить содрогнуться. Я понимаю, насколько опасны маги, но ты караешь всех подряд, правых так же, как и виноватых, не желая ни в чем разбираться. Дурную траву с поля вон, и все! Ты не служишь никому из известных божеств, но жертвы приносишь, многочисленные и страшные, настоящие человеческие гекатомбы... жертвы собственной одержимости, Донал Ог. Раньше я этого не понимал и не видел, я слыш-

ком тобой восхищался, а теперь на многое смотрю иначе и участвовать в этом не стану.

— Вот, значит, как ты заговорил... В таком случае запомни, Таризель: на меня можешь не рассчитывать ни в чем. Даже ради дочери я палец о палец не ударю, что бы с тобой не случилось. Ты превращаешься в бешеного пса, готового вцепиться в руку, которая тебя кормит, а таких принято убивать.

Подобная угроза, звучавшая из уст разгневанного Донала Ога, была равносильна смертному приговору, и Таризель это отлично знал. С момента их разговора он все время ждал расплаты за свою дерзость. И то, что время идет, а он все еще жив и на свободе, его не сильно обнадеживало. Донал Ог никогда ничего не прощал и не забывал. В любой момент его карающий меч мог обрушиться на беспутную непокорную голову Таризеля. Каждый новый день мог стать для него последним. Но он становился только все более неуправляемым, словно человек, которому все равно терять уже нечего.

Таково было положение дел на тот момент, когда Конан появился в Бельверусе и встретился со своим давним приятелем.

— Да, граф, ты здорово запутался,— протянул Конан, дослушав до конца.— Как бы твое нынешнее приключение не обошлось тебе дороже, чем хотелось бы.

— Пока меня защищает титул, по закону мне мало что реально угрожает. Денег у меня все равно больше, чем я в силах потратить, и если речь только о том, чтобы заплатить Эйвону и его брату, то я справлюсь с этим легко. Однако если мое дело будет разбираться на совете старейшин при дворе, и Донал Ог окажется против меня, а так оно и будет, я почти уверен, что титула я лишусь в два счета. После чего меня объявят вне закона, а дальше станут судить уже как простолюдина, и...

— Но ведь Донал Ог должен подумать о Даре.

— Дара любит меня, но если ей придется выбирать между детьми и мною, она их ни за что не бросит, да я и сам никогда бы такого не допустил.

В этот момент дверь камеры открылась с отвратительным скрежетом, и явившийся охранник жестом приказал Конану и Таризелю следовать за ним. Похоже, тратить на них слов он не собирался, по крайней мере, до тех пор, пока они не дошли до тюремных ворот.

— Нас отпускают или что? — спросил Конан, стремясь покончить с неизвестностью.

— Свободны,— процедил охранник, соблаговолив наконец открыть рот.

Это слово прозвучало музыкой в ушах киммерийца. Кому был или чему они ни были обязаны столь быстрым освобождением, он имел все основания считать, что им повезло.

Стоило им оказаться по другую сторону ворот, как Конан увидел Дару.

— Таризель, боги мои, с тобой все хорошо? — встревоженно спросила она, бросаясь к мужу и вглядываясь в его лицо. — Тебе не причинили вреда? Идем отсюда. Конан, — она обернулась к киммерийцу, — я рада, что вы с Таризелем нашли общий язык, и что ты был с ним рядом.

— Дара, но как ты смогла... — Таризель даже растерялся.

— Неужели я должна была сидеть сложа руки, узнав, что ты арестован? Разумеется, я потребовала немедленно разобраться и освободить тебя, что и было сделано. Пойдем же. Конан, тебя это тоже касается.

Варвар едва не рассмеялся. Эта маленькая решительная женщина была так невероятно сосредоточена и уверена в собственной силе! Не хотелось бы ему увидеть ее в числе своих врагов.

— Я бы поверил, если бы услышал, что ты передушила всю тюремную охрану собственными руками, Дара, — сказал он, предполагая, что эти слова прозвучат как шутка.

— Если бы иначе было нельзя, передушила бы, — согласилась Дара с улыбкой, но ее глаза цвета дикого меда не смеялись.

Его настигла и захлестнула волна все той же, что и в их последнюю встречу, острой, отчаянной нежности к ней. Конан никогда не думал, что может испытывать по отношению к женщи-

не подобные чувства. Он вдруг совершенно отчетливо представил себя сидящим в седле огромного коня, а Дару — впереди, и будто бы он накрыл ее своим плащом и прижимает к себе... Видение было поразительно ярким и отчетливым.

— Конан, ты что? — спросил Таризель. — В башке шумит? Не мудрено после того, как эти мерзавцы тебе врезали. Ты идти-то можешь?

В ушах у варвара, и впрямь, стоял сплошной гул, точно в двух шагах от мощного горного водопада. Но это едва ли было просто последствием полученного удара, скорее уж, имело своей причиной близость женщины, которую он желал, как ни одну прежде.

«Она родилась, чтобы быть моей, — подумал Конан, — только мы отчего-то разминулись в пути и встретились слишком поздно». Эта мысль возникла внезапно и совершенно независимо от внешних обстоятельств. Если бы по природе Конан не был столь сдержан в проявлении своих чувств, неизвестно, что бы он совершил. Как во сне, он молча шел рядом с Дарой и Таризелем, не понимая смысла произносимых ими слов, и отвечая невпопад, даже когда к нему обращались напрямую.

— Конан, ты не понимаешь? — Таризель остановился и положил руку ему на плечо. — Райбер, с ним все нормально, он у нас дома. Это он сказал Даре, что нас арестовала стража.

— Маленький мерзавец, значит, все время крутился возле меня? — воскликнул варвар, освобождаясь из сладкого плена своих грез и возвращаясь к реальности. — Ох, Дара, и напугал же он тебя, наверное, своим появлением.

— Почему я должна была испугаться? — не поняла она. — Встревожилась, это верно. Но Райбер мне объяснил, что вы оба живы, и я только сразу постаралась что-то сделать для вас.

— Я имел в виду не то, о чем он тебе сообщил, а его самого, — уточнил Конан.

— Тем более, я не вполне понимаю... что в Райбере такого страшного?

— Но он же невидимый, — Конан чувствовал себя сбитым с толку: даже он сам далеко не сразу привык к присутствию этого необычного создания и едва сдерживался, чтобы не вздрагивать всякий раз, когда незримые маленькие руки касались его. Он даже таскал с собой зеркало и предпочитал разговаривать с отражением мальчика, а не с ним самим. Может, Дара имеет в виду не Райбера, а кого-то другого?

— Что ты хочешь этим сказать? — осторожно произнесла Дара. — Я не заметила в нем ничего необычного. Разве что он сам был очень напуган. Я как могла успокоила его, потом попросила Джахель приглядеть за Райбером, а сама отправилась выручать вас, вот и все. Конан, ты уверен, что тебе не нужна помощь?

— Я не сумасшедший, — сказал он, обращаясь больше к Таризэлю, чем к Даре. — И мне вся эта история не приснилась, к Нергалу! Я не знаю, что произошло с мальчишкой, пока он бежал то ли от меня, то ли за мной, но клянусь, прежде он не имел облика! И пусть только попробует это отрицать! Ты-то мне веришь, Таризэль?!

— Разумеется, Конан, — поспешно подтвердил тот. — Мне бы и в голову не пришло усомниться. Вот я, например, тоже пару раз видел кое-что необычное. Дара, ты помнишь, как мне явился некий дух? Наверное, все люди хотя бы раз в жизни сталкивались с чем-то таким, чего быть не может, но тем не менее, оно есть.

Киммериец его почти не слушал. Ему не терпелось убедиться в том, правду ли говорит Дара, и, едва переступив порог их с Таризэлем дома, он спросил, где Райбер.

— Наверное, где-то играет с Элаем и Джахель, — пожала плечами Дара, — дети быстро успевают сдружиться. Сейчас я его позову.

И спустя несколько минут Конан убедился в том, что она ни словом не погрешила против истины.

— Конан! — радостно завопил Райбер, бросаясь к нему. — Ты вернулся!

— Я же тебе говорила, если наша мама что-то обещает, то непременно выполнит, — наставительно произнесла подошедшая вместе с ним Джахель. — Видишь, все в порядке.

— Райбер,— Конан присел на корточки и взглянул в глаза мальчишке.— Как получилось, что ты стал таким же, как все? Ты нашел Аттайю? Что произошло?

— Я не понимаю,— протянул тот.— Я никогда и не был никаким другим. А кто такой Аттайя?

— Ты лжешь,— резко сказал Конан, чувствуя, что теряет самообладание.— Зачем? Или ты все забыл? Ты помнишь, кто была твоя мать?

— Конечно,— Райбер попятился.— Ее звали Ирьюла. Но она умерла, а ты взял меня с собой и обещал обо мне позаботиться.

— И это все? — спросил Конан с угрожающим спокойствием.

— Все,— подтвердил Райбер.— Конан, ты сердись на меня за то, что я убежал из «Золотого сокола»? Мне стало страшно оставаться одному, и я пошел тебя искать, а потом не нашел дорогу обратно, и не знал, кого спросить, и только к вечеру сумел вернуться. Я оказался возле этой, ну, таверны, и увидел, как тебя и этого человека,— тут он указал на Таризля,— схватили. Я ничего не мог сделать! Но я слышал, как его называли по имени, и что он — граф и все такое. Я нашел, где он живет, и сказал вот ей... Даре... что видел... — он всхлипнул.— Она сказала, что я молодец и сделал все правильно. А... а ты так не думаешь, да, Конан?

— Я думаю, что в твоих словах больше вранья, чем правды,— почти прорычал варвар.—

Что ты зачем-то пытаешься сделать из меня идиота, Райбер. Если ты только в самом деле тот, за кого себя выдаешь.

Это было слишком. У мальчика задрожала нижняя губа, он вывернулся из рук Конана и прижался к Даре, словно в поисках защиты.

— Он меня не узнает?!

— Успокойся, дружок,— ободряюще улыбнулась она,— все хорошо! Конан немного устал. Ты ведь сам видел, что с ним случилось, поэтому он сейчас не очень хорошо понимает, что говорит. Накануне он говорил мне о тебе, но ни словом не упоминал, будто у тебя есть какие-то странности. Полагаю, твоему старшему другу просто надо хорошо отдохнуть и выспаться.

— К Нергалу,— начал было Конан,— о чем ты...

Но Дара, мягко отстранив Райбера, приблизилась к нему.

— Пойдем. Ты перенес немало потрясений за последние два дня.

Если бы любой другой человек в мире посмел хоть на миг усомниться в его нормальности, такому несчастному пришлось бы плохо. Но как спорить с Дарой, Конан не знал, его разрывали противоречивые чувства — желание немедленно доказать свою правоту и... стиснуть Дару в объятиях. Поэтому он молчал. И позволил увести себя прочь, оставив все как есть, хотя ясно ощущал, что напрасно так поступает.

Конан отчего-то был уверен, что перед ним — не Райбер. Но подтвердить это ему было нечем.

...Тариэль серьезно задумался о происходящем — он отлично помнил все, что ему поведал Конан, и совершенно не склонен был считать его безумцем. Скорее можно было поверить в самые невероятные чудеса, но только не в то, что ким-мериец способен повредиться рассудком. Он был настоящим воплощением практического здравого смысла, простого и надежного, а не жертвой буйных фантазий. Но тогда получается, что мальчишка, которого он привел, изошренно не помнит о том, что был прежде невидимым... Как угодно, все это довольно темная, непонятная и запутанная история. Тариэль поймал себя на том, что предпочел бы, чтобы и Райбер, и Конан вместе с ним оказались сейчас где-нибудь как можно дальше. У него хватает своих проблем, без всякого колдовства! Ввязываться еще в какую-то переделку, тем паче способную привлечь внимание тайной охраны — увольте. Может быть, Тариэль и поздновато спохватился, но он успел не раз пожалеть о своей ссоре с Доналом Огом. Он вовсе не был трусом и никогда не вел себя, как трус, но при мысли о возможности оказаться в лапах тайной охраны Тариэля начинало слегка подташнивать. Он слишком хорошо понимал, что это может для него означать. Изгнание из Бельверуса и лишение титула представлялись всего лишь мелкими неприятностями

ми по сравнению с одним-единственным допросом у людей Донала Ога...

— Тариэль, — окликнула его Дара. — Послушай, вразумляй своего друга как хочешь, но чтобы он оставил в покое бредни об Аттайе и вообще колдунах. Ты же знаешь отца! Представь, что будет, если до него дойдет слух о подобных вещах.

— Я и сам только об этом думал, — вздохнул Тариэль.

— Конан и Райбер могут оставаться здесь столько, сколько захотят, — продолжала Дара. — И в конце концов, если он не знает, что дальше делать с мальчишкой, пусть тот разделит кров с нами. Не родился еще на свет ребенок которого я бы выгнала из своего дома, коль скоро он нуждается в моем участии. У нас больше чем достаточно средств для того, чтобы кому-то дарить покой и радость, верно ведь? Где трое, там и четвертый, беды от этого не случится. Но ни слова ни о каком колдовстве! Этого отец не допустит.

— Дара, — Тариэль зарылся лицом в ее темные волосы, и его голос звучал сейчас глухо, — я обещаю, что тебе больше не придется ниоткуда меня вызволять. Это было в последний раз. Я постараюсь измениться и жить иначе.

— Не обещаю того, что слишком трудно исполнить, — улыбнулась она. — Я люблю тебя таким, какой ты есть, Тариэль, и буду рядом, что

бы ни случилось. Я счастлива с тобой, — она быстро поцеловала его. — Не думай о плохом, любимый.

...Конан пытался привести в порядок лихорадочно мечущиеся мысли. Если рассудить здраво, его миссия выполнена. Он обещал Ирьоле отвести Райбера в Бельверус и быть с ним до тех пор, пока тот не обретет облик; теперь конечная цель вроде бы достигнута, хотя и без его непосредственного участия, и больше он никому ничего не должен, а о том, как быть дальше, он прежде не задумывался. Ощущение нарастающей тревоги, некое чрезвычайно скверное предчувствие, сосало сердце. Опасность сгустилась вокруг киммерийца, он знал это совершенно точно, и не видел причин не доверять своему почти звериному чутью, которое редко его обманывало. На сей раз он ввязался во что-то совершенно непонятное и необъяснимое, и просто уйти, бежать от этого считал бы ниже своего достоинства.

До слуха Конана доносился смех и визг играющих в саду возле особняка детей. Он подошел к окну отведенной ему комнаты и, встав так, чтобы его самого не было видно, принялся наблюдать за ними. Элай возился с большой лохматой и совершенно мирной белой собакой неведомой породы, бесцеремонно пытаясь влезть на нее верхом. Собака слегка сопротивлялась, всякий раз сбрасывая его.

— Райбер, — позвал Элай, — поддержи Джумбо, а то он не хочет быть лошастью.

Тот охотно подбежал, готовый помочь новому товарищу, но стоило ему приблизиться, как животное угрожающе зарычало, приподняв верхнюю губу и обнажив крупные крепкие желтоватые клыки; шерсть на загривке поднялась дыбом, причем варвар мог поклясться, что в коричневых собачьих глазах при этом злоба была перемешана с самым настоящим страхом. Казалось, еще миг, и Джумбо бросится на Райбера... но тот предусмотрительно остановился и отступил на почтительное расстояние.

— Что это с Джумбо? — растерялся Элай. — Он всегда всех любит и никогда не бывает злым! Мама говорит, если к нам заберутся воры, им плохо придется — залижет до смерти.

— Может, он взбесился, — предположил Райбер, а подоспевшая Джахель просто взяла пса за загривок и без лишних слов увела прочь. Джумбо неохотно шел за ней, подозрительно оглядываясь.

Вообще, в доме Дары и Таризля всевозможное зверье постоянно вертелось под ногами. Конан успел насчитать трех или четырех кошек и несколько собак, которых здесь держали скорее для забавы, а не для охраны, и вовсе не старались выставить за дверь, позволяя ходить где угодно, царапая ногтями дорогой паркет и оставляя весьма неприятные следы на коврах. По-

хоже, дару эти мелкие неприятности не смущали, а Тариэль на них внимания не обращал. Одна маленькая коричневая кошка, например, все время ходила за ним попятам или гордо сидела на плече. Кажется, здесь это считалось совершенно нормальным явлением.

Неприятный эпизод с собакой был мгновенно забыт, как только неумолимому Элаю пришла в голову очередная идея, которую он тут же, многозначительно расширив глаза и при этом хихикая, изложил вполголоса Райберу. Понятно, что слов Конан не слышал. Мальчишки сорвались с места и куда-то умчались. Поскольку наблюдать было больше, собственно, не за кем, Конан решил разыскать Тариэля, слегка недоумевая по поводу размеров особняка, слишком большого, по его разумению, даже для такой семьи. В анфиладах просторных комнат с непривычки можно было заблудиться. Проходя мимо одной из дверей, Конан услышал странные звуки, которые его насторожили. Он толкнул дверь и увидел Конгура. Тот сидел на полу, поджав ноги, и вздрагивал от почти не сдерживаемых рыданий.

— Что с тобой? — спросил варвар.

— Уходи,— зло бросил юноша, которому совершенно не понравилось, что его застали в момент проявления недостойной слабости.— Чего тебе от меня нужно?!

— Ничего,— сказал Конан, но уходить не спешил.— Ты что-то не так сделал в храме, да?

— При чем тут храм,— отмахнулся Конгур.— Просто сегодня умер один человек, который был... был для меня очень важен.

— Это достойный повод для слез,— оценил варвар.— Твой друг? Что с ним случилось?

— Я все равно тебе не скажу, кем он был,— предупредил Конгур.— Я пришел, а он... он просто сидел в кресле, точно заснул... я дотронулся до него, и он упал. Он был совсем холодный... и я понял, что он... Я никогда раньше не видел мертвых людей!

К его возрасту Конан успел увидеть больше, чем достаточно мертвых, да и сам многих отправил на Серые Равнины.

— Рано или поздно это все равно происходит,— сказал он, понятия не имея, какие слова утешения положено произносить в таких случаях и имея в виду, что каждый человек когда-нибудь сталкивается со смертью во всей ее неприглядности, но Конгур понял его иначе.

— Рано или поздно... конечно. Он был уже был стариком, но я все равно не думал, что это случится с ним так... скоро, мне казалось, он всегда был и всегда будет...

— Стариком? Твой друг?

— Ну и что, и что,— почти закричал Конгур,— он был мудрым и многому научил меня, и я был ему нужен! А теперь его больше нет.

Взрыв отчаяния прошел, и Конгур продолжил уже спокойнее:

— Не говори ни отцу, ни матери, что видел меня в таком состоянии. Это только меня касается, им не надо знать,— он поднялся, стараясь взять себя в руки и успокоиться, и только нервно сжимал какой-то предмет, висящий у него на шее на кожаном шнурке. На короткий миг пальцы Конгура разжались, и Конан не поверил своим глазам, увидев знакомый амулет, тот самый, с которым никогда не расставался Райбер! Правда, тогда эта вещица оставалась такой же невидимой, как и сам сын Ирьюлы, но Конан ее неплохо запомнил, поскольку не раз лицезрел отражение Райбера в зеркале: кольцо. По словам Ирьюлы, это было кольцо Элиха, слишком большое для детского пальца, поэтому ее сын носил его вот на этом же самом шнурке, тоже на шее.

— Откуда ты взял его? — спросил Конан, не сводя глаз с кольца.

— Там, у него,— отозвался Конгур,— это лежало рядом на полу, и я взял. Мне хотелось иметь что-то на память о моем...

— ...друге,— продолжил за него киммериец.— Я понял. И этого друга, не иначе, звали Аттайя. Очень, очень интересная вещь получается.

Теперь они стояли, одинаково сильно потрясенные, и смотрели друг на друга, не в состоянии подобрать больше никаких слов.

Райбер мог обрести облик, только если Аттайя умрет, так говорила Ирьюла. Все совпало. Мальчик утратил свойство быть незримым, а

колдун покинул сей мир. Но как угодно, до или после, Райбер был там! Был! Он все-таки нашел Аттайю, но отчего-то делает вид, будто ничего не знает или не помнит!

— Почему ты решил... — начал было Конгур.

— Тихо,— Конан едва удержался, чтобы не зажать ему рот,— молчи. Кажется, тут поблизости лишние уши,— он резко открыл дверь, но никого не обнаружил.— Мы еще к этому вернемся. Пока держи язык за зубами.

Поскольку это полностью совпадало с собственными намерениями Конгура, он, не задавая лишних вопросов, с готовностью кивнул. Но едва Конан собрался оставить его, юноша тихо произнес:

— Ты мне поможешь?

— В чем? — Конан обернулся.

— Ну раз ты все равно откуда-то знаешь... в общем, кольцо-то я взял, а другую вещь, очень важную, оставил, забыл, понимаешь? Ее надо забрать, пока еще кто-нибудь не нашел, потому что иначе...

— Что за вещь?

— Картина. Портрет.

— Твоя картина?

— Да, моя.

— Ох, парень, во что ты только ввязался,— покачал головой Конан.

Конгур смотрел на него со смесью страха, отчаяния и надежды, как, наверное, может смот-

реть бросившаяся под ноги охотнику птица, которую преследует сокол, и она ищет защиты у человека, выбирая меньшее из зол. А Конан подумал, что если кто и сможет помочь ему самому развязать странный, зловещий, туго затянувшийся узел непостижимых рассудком явлений, то как раз этот самый юноша. И лучше им, в таком случае, сейчас заключить своего рода договор.

Глава шестая

Все это началось около пяти зим назад, ну может, чуть позже. Конгур уже не мог вспомнить точно, зато он знал, что именно в то время вдруг совершенно отчетливо понял, что люди не такие, какими он привык их видеть, и его мир сразу изменился. Двое людей, которых он любил больше всех на свете, отец и мать, сделались героями его ночных кошмаров, до того жутких, что Конгур старался вообще не засыпать так долго, как только мог выдержать. При свете дня все, вроде бы, оставалось прежним. Но стоило спуститься серым сумеркам, и перед ним вставало искаженное нечеловеческим бешенством лицо Таризля за миг до того, как тот из-за какого-то пустяка разбил его собственное, а позже и другой образ — матери, которая, оказывается, способна так ненавидеть.

Живое воображение Конгура заставляло его задумываться, а вдруг Таризль и Дара на самом

деле умерли, а их место каким-то образом заняли чудовища в облике родителей? И еще — его дед, Донал Ог, такой щедрый, такой добрый, но Конгур своими ушами слышал, как кто-то из слуг шепотом называл его, ни много ни мало, людоедом... и вовсе не в шутку. Почему?! Откуда-то Конгур знал, что про это ни у кого нельзя спрашивать, иначе чудовища поймут, что он знает их тайну, и придут за ним. Что тогда будет, что они с ним сделают, он боялся даже предположить. Он научился притворяться, будто ни о чем не догадывается, и только с сестрой попробовал поделиться своими жуткими догадками. Джахель была младше него, но она, выслушав, сказала вовсе неожиданное:

— Конгур, ты сам злой, и все тебе кажутся злыми. А на самом деле они просто несчастные.

Потом он нередко думал, что сестра, на самом деле, наверное, внутренне сильнее и смелее него... Но тогда не ощутил ничего, кроме еще большего одиночества.

Конгур и раньше любил рисовать, чем угодно, где угодно, веточкой на песке, углем на стене, и родители, к чести их надо заметить, всегда поощряли его продолжать эти занятия, коим он предавался с таким наслаждением. «Тебе надо учиться», — сказал Тариэль, а поскольку слова у него редко расходились с делами, показал рисунки Конгура мастеру Тарсу — самому знаменитому художнику Бельверуса — и попросил того

взять мальчика в ученики. За обучение приходилось щедро платить, но дело того стоило. Мастер Тарс не взял бы к себе человека, от которого со временем не надеялся бы добиться толку. Но Конгур поначалу не отличался ни чем особенным от других его учеников, разве что был самым юным. Позже, когда его мир стал другим, мастер Тарс начал все более внимательно смотреть на его наброски и уже почти ничего неправляя, а потом сказал: «Ты видишь суть вещей, Конгур. Боюсь, мне мало чему удастся тебя научить, ты родился очень талантливым и пойдешь дальше меня. Тебе многое дано». Более всего Конгур преуспел в изображении людей. Он ждал, что мастер Тарс отметит это, так и случилось, но слова, которые тогда прозвучали, удивили его. «Ты носишь в душе тяжесть всей преисподней, и это меня пугает. Научись хотя бы немного любить».

Однажды Конгур задержался в мастерской чуть дольше обычного, когда все остальные уже разошлись, и мастер Тарс не заметил его присутствия. Тот человек, который переступил порог мастерской, заставил Конгура затаить дыхание. Он был невероятно уродлив и беспредельно отвратителен, ужасно старый, весь какой-то перекошенный и с лицом, скорее похожим на череп, обтянутый пергаментной кожей. Повинуясь охватившему его страху при виде незнакомца,

Конгур заполз за беспорядочно сброшенную гору рисовальных досок и почти перестал дышать.

— Что ты решил, Тарс? — спросил старик. — Я хочу получить твой ответ. Ты подумал над моим предложением?

— А тут и думать не о чем, — ответил мастер. — Я сразу сказал тебе, что ты можешь не рассчитывать на меня.

— Значит, не хочешь мне помочь, — сокрушенно вздохнул тот. — Ты боишься Донала Ога больше, чем меня.

— Да, представь себе, я вовсе не хочу смерти от рук тайной охраны, — сказал Тарс. — Но еще больше не хочу служить тому злу, которое исходит от тебя.

— Найди себе замену, — спокойно и настойчиво произнес старик, — я оставляю тебя в покое, и мы мирно разойдемся.

— У меня никого нет на примете. А если б даже и был, то ты узнал бы об этом в последнюю очередь.

— Ты лжешь, — захихикал старик, погрозив Тарсу костлявым скрюченным пальцем, — твоей ложью все вокруг провоняло. Кого ты пытаешься провести, несчастный глупец? — с этими словами он принялся метаться по мастерской, с неожиданным для такого дряхлого тела проворством. — Это все дрянь... это не стоит даже плевать... а вот здесь совсем иное дело. Неплохо! Кто это написал?

— Я не скажу тебе, Аттайя, — твердо, с ненавистью проговорил мастер. — Ты меня не заставишь. Убирайся, или я сообщу тайной охране...

Конгур из своего укрытия видел, что тот, кого Тарс назвал Аттайей, крутит в руках его эскиз.

— Не говори. Если нам суждено встретиться, этот человек сам меня найдет, — сказал старик, и в его голосе звучало неприкрытое торжество. — Главное, что я его нашел. Только со мной он сможет творить не на потребу праздным ублюдкам, а служа кое-чему более великому, нежели является сам. Творить для богов.

Сердце Конгура сжалось и заныло сладкой болью. Он еще не знал такого слова, как «тщеславие», но видел в Аттайе уже не уродливого старика, а вестника своей судьбы, избравшего его, одного из многих. Дождавшись, пока он уйдет, Конгур поспешно выбрался из своего укрытия и бросился за ним. Он понимал, что мастеру Тарсу вовсе не обязательно об этом знать. Творить для богов! Эти слова согревали душу.

— Аттайя, — негромко позвал он, снова оробев. — Аттайя!

Старик медленно обернулся. Сморщенная прорезь рта искривилась в подобии улыбки.

— Я написал тот эскиз, — сказал Конгур. — И я все слышал. Скажи, что мне следует делать, чтобы... творить для богов! Клянусь, я все исполню.

Он дрожал, как в лихорадке, больше всего боясь оказаться отвергнутым.

— Очень хорошо,— проговорил Аттайя.— Следуй за мной.

...Он не объяснял Конгуру, для чего нужны его работы. Чаще всего это были изображения тех или иных граждан Бельверуса, мужчин, иногда женщин. Конгур обладал удивительной памятью на лица. Ему довольно было в течение нескольких минут смотреть на человека, чтобы потом в точности воспроизвести его внешность на таволе. Те, кого он изображал, не подозревали о том, что Конгур пишет их портреты. И приносит Аттайе. Старик иногда платил ему, иногда нет, но поскольку Конгур, будучи сыном весьма состоятельных людей, нужды в деньгах не испытывал, это было ему почти безразлично. Зато с Аттайей можно было откровенно говорить о чем угодно, спрашивать и получать ответы на мучавшие душу вопросы, что было куда ценнее золота. Чтобы освободиться от своих кошмаров, Конгур также втайне ото всех написал портреты отца и матери. Он долго трудился над ними, а когда получил результат, был и сам немало удивлен. Нет, на чудовищ они вовсе не были похожи. Но неужели этот надменный, недалекий человек, самовлюбленный, с печатью всех возможных пороков на лице — Таризель?! А почти чужая женщина, в чертах которой столько жестокой силы и способности идти по трупам ради

достижения своих целей — Дара?! Конгур показал плод своих усилий Аттайе. Старик сказал:

— Что тебя смущает? Ты видишь истину. Хороший художник — это безжалостное зеркало, отражающее правду. Иногда это может быть больно. Но таково твое предназначение, видеть то, что скрыто от других, и не поддаваться утешительному обману.

— Но это все-таки мои родители,— неуверенно произнес Таризель.

— Пустые слова,— засмеялся Аттайя.— Ничего не значащие и не стоящие сотрясения воздуха губами, производящие впечатление лишь на глупцов. Разве ты хочешь остаться глупцом, Конгур?..

Иногда к Аттайе приходили люди. Но не те, чьи портреты писал Конгур. Старик подолгу тихо разговаривал с каждым, некоторых навсегда отсылал прочь, иным позволял появляться снова. Конгур ни разу не видел Аттайю, занимающимся собственно колдовством, но все же осмелился спросить, в чем суть магии?

— Хороший вопрос,— отозвался старик.— Ее суть проста. Привлечь силы иных миров и заставить их служить твоей собственной спеси. Во всяком случае, именно так ее понимают большинство людей. Они не знают предначертаний.

— Каких? — дрожа от любопытства, задал Конгур следующий вопрос.

— Принцип весов,— сказал старик.— Чаши судьбы должны находиться в равновесии. Удача не приходит из ниоткуда. Допустим, один человек рождается богатым, знатным и здоровым; он ни в чем не знает недостатка. Другой же влачит жалкое существование в вечной нищете и немощах; что бы он ним делал, к чему бы ни приложил руки, все его усилия идут прахом, словно он обречен карабкаться вверх по крутому песчаному откосу и неизбежно срываться, когда ему кажется, что он вот-вот выберется из ямы-ловушки. Замечал ли ты подобное несоответствие?

Конгур неуверенно кивнул.

— Впрочем, ты-то как раз родился с серебряной ложкой во рту, и по малолетству вряд ли задумывался над подобными вещами... Так вот, те, кто оказываются вечными неудачниками, делают себя еще несчастнее, ибо изводятся бесплодными надеждами и иссушающей душу завистью. Они думают, что хотят всего лишь справедливости. На самом же деле справедливость для них — это когда им самим хорошо. Станут ли они и дальше добиваться ее, если окажутся наверху?

— Наверное, нет,— сказал Конгур.

— Конечно,— согласился старик.— Некоторые из них ищут помощи у магов, которые якобы способны сделать им заговор, привлекающий удачу. Но чтобы таковая повернулась лицом к одним, надо отнять ее у кого-то другого. Как

вещь. Если камень лежит на этом конце стола, что нужно, чтобы он казался с другой стороны?

— Поднять и переложить...

— Видишь, как все просто,— сказал Аттайя.— Удачу тоже можно «поднять и переложить». Тогда вчерашний баловень судьбы потеряет все, что имел, и первый станет последним; а тот, кто прежде завидовал ему, вознесется вверх к вожделенным богатству и славе. Пустой сосуд наполнится, и прежде полный оскудеет.

— Иначе нельзя? — спросил Конгур.— Ну, чтобы всем было хорошо, и была бы настоящая справедливость?

— Нельзя, так не бывает,— возразил старик.— Счастья на всех не хватает. Слышал такую поговорку? Никто не в силах заменить мироустройство, созданное богами. Но некоторым из посвященных дана власть «поднимать и перекладывать».

— Тебе тоже дана такая власть?

— Да,— просто сказал Аттайя.— Именно этим я и занимаюсь. Но я требую чтобы человек поступал осознанно и понимал, на что идет. Если кто-то приходит ко мне и говорит, что желает стать богатым, я узнаю у него следующее: у кого он хочет отнять это богатство для себя? Как далеко он способен зайти в своих намерениях? Перед чем он остановится, а через что готов перешагнуть? И я предупреждаю — ты получишь просимое, но кто-то из тех, кто тебе дорог, ли-

шится всего. Твой друг, брат, учитель, благодетель...

— И... что же... разве есть такие люди, которые согласны пойти на подобную подлость? — У Конгура расширились глаза.

— О, друг мой, сколько угодно. Когда приходится выбирать между совестью и алчностью, надо признать, что человек куда более животное, чем хочет казаться. Особенно если он уверен в своей безнаказанности. Ему ведь не надо брать нож и убивать кого-то, чтобы затем ограбить, значит, он не рискует быть схваченным и подвергнуться суду и наказанию. Всего-навсего, глядя в глаза тому, кого он безнадежно губит, высказать вслух свое желание, а затем пользоваться... плодами собственной низости.

— Глядя в глаза? Значит ли это, что тот, другой, присутствует при совершении такого ужасного дела? Знает, что его ждет?..

— Не совсем, мальчик, не совсем. Присутствует лишь его образ.

Конгур со всей жестокой очевидностью понял, для чего Аттайе были нужны его картины. В самом деле, по прошествии малого времени с момента создания очередного портрета те, кого он изображал, внезапно и по необъяснимым причинам то теряли все состояние, то становились жертвами пожара или тяжелой болезни. Но он до сих пор никак не связывал одно с другим! Конгур воскликнул.

— Мои работы! Но ты обещал, что я буду творить для богов! Вот почему мастер Тарс говорил, что не желает служить злу... ты обманул меня... я не знал, что делаю!

— Ну, будет посыпать голову пеплом,— усмехнулся колдун, которого совершенно не тронуло отчаяние Конгура.— Не так ты был наивен и невинен, каким пытаешься представить себя сейчас. Не прикидывайся жертвенной овцой. Строго говоря, никто тебя не обманывал. Ты сам поклялся исполнить все, что бы я ни велел, без всяких условий и не спрашивая, зачем. А стоило тебе поинтересоваться, я был с тобой честен и откровенен. Разве не так?

— Я тебя ненавижу — глухо сказал Конгур, закрыв лицо руками и покачиваясь из стороны в сторону.

— Ну, успокойся,— смягчился старик.— Ты служишь не злу, а истине. Она не бывает дурной или хорошей. Кое-кого созданные тобой портреты удержали от рокового шага. Те же, кто не остановился, и без тебя погиб. Ни ты здесь ни при чем, ни я. Выбор, в конечном счете, делается не нами. Я-то, как раз, добиваюсь, чтобы люди были по возможности честными с самими собой. И ты мне очень помогаешь достигать этого. Выбор каждый делает сам за себя,— повторил Аттайя.

В тот день Конгур ушел от него в смятении. Но прошло всего несколько дней, и ноги сами понесли его к старику! Он не находил причин,

для чего бы им разлучаться. Разве Аттайя не друг ему? Разве он, Конгур, не учится у него столь многому, о чем бы иначе мог никогда не узнать? Старик никогда его не осуждает. Ему можно доверять. Убедив себя в этом, Конгур почти совсем успокоился. Но в течение последних месяцев он больше не получал от Аттайя заказов. Они только подолгу разговаривали. Так было до тех пор, пока Конгур не нашел Аттайю мертвым. Он был так потрясен этим, что напроць забыл об очередном портрете, который принес с собою, и бежал, оставив его, точно свой последний дар умершему. И улику, изобличающую его как верного помощника старого колдуна. Теперь же он рассчитывал только на то, что Аттайю найдут не сразу. Тогда он успеет вернуться и забрать таволу. Если же нет, то о последствиях Конгуру жутко было даже помыслить.

Этой картиной было ничто иное, как портрет самого Аттайи.

Глава седьмая

удя по всему, в тот день Конану было суждено познакомиться со всеми членами этой семьи. Не успел он закончить разговор с Конгуром, и спуститься на первый этаж особняка, как лицом к лицу столкнулся с неким пожилым господином. Возраст наложил на его черты свой суровый отпечаток, и тем не менее человек этот выглядел весьма примечательно. Очень высокий, ростом не ниже самого киммерийца, с завидной осанкой, резкими, словно вытесанными из камня, чертами, сильным подбородком и умными холодными глазами, глубоко посаженными под прямыми светлыми бровями, он выглядел, как будто вождь некоего северного племени, решительный и безжалостный. Конан понял, что перед ним Донал Ог, и первым приветствовал его. Тот задержал на нем пристальный взгляд, прежде чем ответить, затем надменно кивнул.

— Я о тебе слышал. Насколько я понимаю, твое появление в Бельверусе уже успело ознаменоваться участием в безумствах моего родственника, киммериец.

Конан почтительно поклонился, словно не заметив язвительного тона.

— Увы, некое маленькое недоразумение потребовало моего вмешательства.

— Увы,— в тон ему ответил Донал Ог,— это маленькое недоразумение стоило жизни двоим стражникам, слугам закона, о чем ты, возможно, не знаешь. Впрочем, вина лежит на Таризеле. Он прикончил обоих, не ты. И ответит за это.

Конан хотел возразить, объяснив, что стражи закона в противном случае прикончили бы его самого и были очень близки к этому, но не успел.

— Отец,— Дара встревоженно приблизилась к Доналу Огу,— выслушай меня, прошу.

— Я только и делал, что слушал тебя свыше пятнадцати зим, моя дорогая, а теперь буду говорить с другим человеком. Где твой муж?

— Он провел тяжелую ночь в камере тюрьмы и сейчас нуждается в отдыхе.

— Ничего. Пусть прервет свой отдых. Скажи ему, чтобы немедленно явился, я жду его. Для беседы,— добавил Донал Ог.— И пусть поторопится.

Она все еще колебалась, откровенно не желая сдвинуться с места.

— Что такое, Дара,— раздраженно и нетерпеливо произнес Донал Ог,— можно подумать, что ты видишь во мне чудовище, готовое уничтожить твоего Таризеля.

— Но разве это не так, господин? — тихо, но оттого не менее дерзко спросила женщина.

— Мои желания не всегда совпадают с реальными намерениями,— тень улыбки тронула его губы,— однако, дорогая, если ты и дальше станешь меня раздражать, клянусь, что на Таризеле это может отразиться самым непредсказуемым и неприятным образом.

Последнее заявление вынудило Дару поторопиться, и она тут же отправилась за мужем. Он появился спустя не более пары минут, и, разумеется, в ее сопровождении.

— Очень хорошо, что я наконец имею счастье лицезреть столь важную особу,— процедил Донал Ог,— хотя уже и не чаял удостоиться подобной чести, ибо мне не вдруг удалось преодолеть кордон в лице собственной дочери. Теперь же я вынужден попросить ее удалиться. Дара, оставь нас. Мой разговор с Таризелем тебя не касается.

— Меня касается все, что имеет к нему отношение,— возразила Дара, вставая рядом с мужем и — Конан готов был поклясться, что это совершенно бессознательный жест — переплетая собственные пальцы с его.— Особенно если ему угрожает опасность, от кого бы она не исходила. Я имею право знать, что ты задумал, отец.

— Не сомневайся, узнаешь в свое время,— Донал Ог был непреклонен.— Оставь нас,— повторил он.

— В самом деле, Дара,— вмешался Тариэль,— не думаю, что твое присутствие здесь уместно,— он почти подтолкнул ее в сторону двери.

Поскольку от Конана никто не требовал покинуть общество Донала Ога и Тариэля, киммерец за ней не последовал.

— Верно, ты можешь остаться,— позволил Донал Ог.— Не вижу причин, почему бы нет. Сядь, Тариэль.

— Итак, твое пребывание в Бельверусе становится, мягко говоря, бурным,— размеренно и монотонно роняя каждое слово, начал он.— И мне кажется, я вполне переживу твое отсутствие.

— Означает ли это, что я должен покинуть Немедию? — с достоинством, сохранять которое ему было весьма нелегко, спросил граф.

— Помнишь, я предупреждал, что, если ты не остановишься в своих бесчинствах, тебе придется понести наказание. Надо ли также напоминать, что к моим предупреждениям следует относиться серьезно?

— Нет, господин. Я понял, что мне придется ответить перед судом.

— Ничего подобного, я имею достаточный вес в определенных кругах и не допущу, чтобы член моей семьи оказался в столь жалком положе-

нии,— холодно ответил Донал Ог.— Разумеется, не ради тебя лично, Тариэль, но дабы честь рода не была окончательно опозорена. Но на определенное время тебе, действительно, придется оставить Бельверус.

— Произошло чудовищное недоразумение, мне очень жаль,— сказал Тариэль,— двое убитых мною людей угрожали жизни моего друга и моей собственной, и я был вынужден защищаться. Я лишь не соразмерил силу удара. К тому же их было пятеро, верхом и вооруженных, я же отбивался голыми руками, не имея при себе даже ножа!

— Я знаю, что ты стащил тех двоих с седел конец и свернул им шеи,— согласился Донал Ог.— Допускаю даже, что при этом ты действительно защищался. Но видишь ли, в чем неувязка: они служили закону, а не являлись некими затеявшими уличную драку пьяными бандитами. И ты, и твой друг должны были не сопротивляться, а без лишних пререканий последовать за ними, вот и все, а затем спокойно ждать, пока случившееся не получит должной оценки в законном порядке. Здесь не северная Хайбория с ее лесами и полнейшим беззаконием! У себя в Киммерии,— тут он перевел осуждающий взгляд на Конана,— вы можете убивать кого и когда угодно дюжинами в качестве легкой разминки, но не в Бельверусе, где подобное недопустимо!

— Тариэль виновен только в том, что не смог спокойно ждать, пока меня затопчут копытами,— вмешался тот.— Вообще-то мне пробили голову рукоятью меча, как ни стыдно в этом признаваться, и я какое-то время не мог сам за себя постоять. А он действовал достойно. О каком позоре для рода можно говорить, если эти стражники, или кто они там, собирались встать на сторону как раз мерзавца, только что жестоко и несправедливо оскорбившего графа Тариэля, обозвав его последними словами? У него не оставалось выхода, кроме как драться. За свою честь, между прочим, а не ради удовольствия. И я где и когда угодно готов это подтвердить.

— Меня не интересуют твои чувства, киммерец, а также и чувства Тариэля. Но то, что он своим поведением заставляет волноваться мою дочь и ставит под угрозу будущее моих внуков, затрагивает меня несомненно. Этого я никогда не прощу. Я вверил тебе, Тариэль, судьбу Дары — и что же ты творишь?! Все, довольно! Ты покинешь Бельверус немедленно.

Граф был очень бледен, у него подергивался уголок рта.

— Я останусь, предстану перед судом и понесу наказание, любое, к какому меня сочтут нужным приговорить, но я не могу разлучаться с моей семьей. Я отказываюсь.

— Ну, в таком случае тебя выдворят насильственно и против твоей воли, друг мой,— Донал

Ог пожал плечами, насмешливо приподнимая бровь.— Конечно, твоя трогательная верность семье весьма впечатляет, но ты что-то поздновато о ней вспомнил, да и я не сентиментален. Спешу также сообщить, что своим освобождением ты обязан не столько усилиям Дары, сколько моему поручительству в том, что я лично — благо наделен таким правом в исключительных случаях — рассмотрю твое дело и приму решение, которому ты будешь обязан подчиниться. Я — для тебя и судья, и исполнитель собственного приговора. Признаться, поначалу у меня было сильнейшее искушение поступить с тобой куда более жестоко, и оно не исчезло. Могу предложить выбор.

Тариэль весь подобрался, стараясь выдержать пронзительный взгляд серо-стальных глаз.

— Какой же?

— Во-первых, ты можешь отправиться в Нумалию и выполнить мое личное поручение. Не скажу, что оно будет легким, но так мы достигнем двух целей — пользы для дела, коему я служу, и к тому же ты на какое-то время одним своим присутствием здесь перестанешь дразнить гусей. Ты ведь не можешь не понимать, что такие, как Эйвон, не оставят тебя в покое и станут продолжать провоцировать тебя до тех пор, пока ты снова не сорвешься. Да, ты однажды заявил, что не намерен служить тайной охране. Но я даю тебе шанс изменить эту точку зрения.

Мне нужен в Нумалии человек, которому я могу доверять. А я не сомневаюсь, если ты согласишься, что выполнишь обещанное и не предашь меня. Что именно мне нужно, я объясню тебе позже. Если все пойдет хорошо, спустя одну-две луны ты вернешься в Бельверус.

— Я понял,— сказал Тариэль.— А второй путь?

— Второй путь куда проще. Быстрая и жестокая расправа с тобой здесь и позорное насильственное выдворение.

Конан подумал, что Донал Ог, как ни удивительно, неплохо относится к Тариэлю. Он говорил с ним не как с чужим, но как отец с сыном — сурово, жестко, однако в этом тоне была и любовь.

У Тариэля вырвался короткий горький смешок.

— Почему-то я не сомневаюсь, что в случае моего отказа от твоего первого предложения ты именно так и поступишь.

— Правильная догадка,— одобрил Донал Ог.

Тариэль, опустив голову, мрачно и пристально рассматривал носки собственных сапог.

— Похоже, у меня нет иного выхода, как принять его. Когда мне следует отправиться в Нумалию?

— В твоём положении не все так скверно,— сказал Донал Ог.— Во-первых, ты сохранишь титул. Во-вторых, мне необходим кто-то, способ-

ный стать моей правой рукой в Нумалии, своего рода наместником, наделенным соответствующими полномочиями, практически равными моим собственным. Ты далеко не глуп и обладаешь всеми необходимыми качествами для выполнения подобной миссии. Но не думай, что я таким образом вроде как совершенно незаслуженно и вопреки всякой логике награждаю тебя за «подвиги». Такая должность — это работа на износ, не дающая ни дня, ни часа покоя. На то, чтобы пить и драться, у тебя просто не будет времени.

— Но ведь подразумевается, что аресты, допросы и казни тоже неизбежно станут моим делом,— уточнил Тариэль.— У меня совершенно не лежит душа к таким мерам.

— Твое дело — не дать расцвести пышным цветом и распространиться заразе, именуемой колдовством. А какие меры ты станешь для этого применять, меня не касается. Ты осуждаешь меня за неоправданную, с твоей точки зрения, жестокость. Что ж, попробуй сам, и посмотрим, каковы будут результаты.

Трудно сказать, какие мысли в этот момент кружились в голове Тариэля, но Конан едва не позавидовал ему. Роскошное предложение!

— Господин,— позволил себе вмешаться он,— ты, конечно, меня совсем не знаешь, но клянусь, я тоже всей душой ненавижу эту самую заразу, о которой ты говоришь! Мне будет позволено сопровождать Тариэля!

— Это ему решать. Он сам станет подбирать людей себе в помощь,— сказал Донал Ог.

— Конан, ты правда хочешь пойти со мной? — воодушевился граф. — Но как же твоя свобода, которой ты никогда не поступаешься?

— Я же не говорил, что намерен навечно осесть в Нумалии или еще где-то,— проворчал киммериец. — И оставляю за собой право покинуть ее, когда захочу, но посмотреть-то я могу, что там к чему!

— Отлично. Я согласен,— тут же заявил Таризель. — Но, господин, Дара и дети... они ведь останутся здесь, в Бельверусе?

— Как только ты укрепишь свои позиции в Нумалии, то сможешь перевезти их туда и соединиться со своей семьей. Сколько на это потребуется времени, зависит от тебя самого.

— Когда, все-таки, я должен...

— Полагаю, дня через три-четыре ты выступишь в путь. Пока же осмотришь, подумай, кто из моих людей может тебе понадобится. И не забывай, что сначала тебе придется пройти одно испытание.

— Какое?

Донал Ог покосился в сторону Конана, явно сомневаясь, что эта часть разговора нуждается в огласке перед посторонним человеком. Но почти сразу же, очевидно решив, что Конан все-таки Таризелю не чужой, объяснил:

— Мой прежний представитель в Нумалии, то есть твой предшественник на этом посту, недавно убит. Я подозреваю, что это не обошлось без участия одного из магических орденов, и мне необходимо выяснить, прав ли я. Хэм был буквально разорван на куски, словно его терзали дикие звери. Я предупреждал, что эта миссия крайне опасна. Судьба Хэма тому подтверждение. А ведь он шесть зим там провел и должен был знать, откуда ожидать возможного нападения.

— Я знал его,— сказал Таризель. — Это был достойный человек.

— Да, и один из немногих, кого я бы мог считать наиболее близким мне соратником,— добавил Донал Ог.

Он умел скрывать свои чувства, но при последних словах гнев и боль отразились на его лице. Конан почти физически ощутил, что означает для Донала Ога потеря неизвестного киммерийцу Хэма.

— Я думал о том, чтобы просто послать туда отряд тайной охраны, и...

— Нет,— Таризель предостерегающе поднял руку. — Не надо. Нельзя карать всех, и правых и виноватых, за преступление кого-то одного. Я найду убийц Хэма. А об остальном мы поговорим после того, как я справлюсь с этой задачей. Значит, через три дня? Хорошо. Пусть так и будет.

Донал От кивнул и поднялся, показывая, что разговор окончен.

— Я рад, что мы смогли договориться,— признался он, и Конан видел, что это не пустые слова.— Что ж. Теперь, полагаю, я могу пообщаться с моими внуками. Что же касается Дары, Тариэль, иди к ней, и пусть она убедиться, что я не содрал с тебя живого кожу.

Оставшись в одиночестве, Конан вспомнил о разговоре с Конгуром, и подумал о том, что нет никакого смысла напрасно тянуть время — если уж им обоим все равно необходимо попасть в дом Аттайи, то отчего бы не заняться этим прямо сейчас? Не успела эта мысль посетить его, как Конгур оказался рядом. Было похоже на то, что юноша довольно поспешно собирается уходить.

— Эй,— остановил его Конан,— ты куда?

— В храм,— неумело соврал Конгур.— Мне там... надо...

— Я догадываюсь, куда тебе действительно надо. И мы, вроде как, договаривались, что я тебе помогу. Ну так что, идем?

— Не знаю. Он ведь, наверное, до сих пор там лежит,— сказал юноша,— я даже не смог закрыть ему глаза. Он... смотрит. Понимаешь?

Конан не испытывал особого страха смерти, и ее вид обыкновенно не вызывал у него ни содрогания, ни благоговения, но в некоторой степени чувства Конгура ему были понятны.

— Знаешь, у мертвецов есть одно несомненное достоинство,— заметил он.— Они не нападают внезапно. И вообще куда безопасной живых.

— Но Аттайя не простой мертвец,— возразил Конгур,— как знать, может, он себя поведет иначе.

— Не пойму, нужна тебе твоя картина или нет,— сказал Конан.— По-моему именно ты хочешь ее вернуть, мне-то все равно. Если тайная охрана обнаружит ее раньше, чем это сделаешь ты, не думаю, что тебя выручит дед.

— Дед не простит мне, если сочтет предателем,— тихо согласился Конгур.— Если он узнает...

— Ну, так давай быстрее думай, кого тебе больше стоит бояться, мертвого Аттайи или живого Донала Ога,— посоветовал Конан.

Конгур втянул голову в плечи и нервно сглотнул.

— А что, если Аттайя тоже не совсем мертвый? — протянул он.

— Ты сам на себя страху нагоняешь,— сказал киммериец.— Лучший способ все выяснить — это пойти и убедиться. Но я, понятное дело, не буду тратить зря время, уламывая тебя, как девуку. Вообще,— с досадой добавил он,— не пойму, в кого ты уродился такой робкий. Тариэль в твоём возрасте не боялся ни людей, ни демонов. Он был настоящим бойцом! Ты просто позоришь его имя.

— Посмотрим,— процедил Конгур.— Я не думаю, что только умение махать мечом и кулаками делает человека мужчиной. По-моему, куда важнее бывает заранее обдумать последствия своих действий, а у отца это как раз не всегда получается.

— Ладно, парень. Я так понял, что ты намерен только языком болтать и никуда не идешь... — Конан сделал вид, будто собирается его оставить.

— Нет, иду,— решил юноша.— У меня просто нет другого выхода.

Глава восьмая

Р цели идти пришлось довольно долго, до самой окраины города, и за все время пути Конгур и Конан перекинулись едва ли парой слов, занятые каждый своими мыслями. — Здесь,— произнес, наконец, Конгур, указывая на стоящий на отшибе дом, можно сказать, лачугу, невзрачную и имевшую довольно жалкий вид. Похоже, колдун совершенно не заботился о своем обиталище, и ему было безразлично, где доживать остаток дней.

— У него дверь обычно не запиралась,— сказал Конгур.— Аттайя не боялся воров. К нему бы просто никто не осмелился вломиться без приглашения.

Конан огляделся, пытаясь определить, продолжается ли еще наблюдение, о котором его предупреждал Таризель, но ничего подозрительного не заметил.

— Пошли,— решительно проговорил он.

Внутри лачуга выглядела не менее убого, чем снаружи. Несколько полок, заставленных какими-то снадобьями, на закопченных стенах, толстые пыльные книги в кожаных переплетах, остывший камин, стол, нечто, служившее Аттаие постелью, в углу. Этим обстановка почти исчерпывалась.

— Да уж, опасаться воров ему действительно не было резона,— заметил Конан.— Брать здесь совершенно нечего. И, между прочим, где же хозяин? Что-то его не видно. Ни живого, ни мертвого.

В самом деле, трупа Аттайи не было и в помине, в чем Конгур тоже убедился.

— Он вот здесь лежал,— растерянно сказал юноша, указывая на пол возле стола.— На этом самом месте.

— Ну тогда куда бы ему было подеваться? Разве что встать и уйти. Нергал, до чего же здесь холодно! — при каждом слове изо рта Конана вырывался пар, как на морозе.— Это всегда так?

— Нет,— Конгур обхватил себя руками, затравленно озираясь.— Мне страшно.

— Интересно, почему меня эта новость не удивляет?... Тебе, кажется, всегда страшно. Ладно, труп полежал и ушел, а картина-то где? С собой прихватил? Ты вообще уверен, что приносил ее?

— Уверен,— Конгур переступил с ноги на ногу.— Она и сейчас здесь. Вон на столе лежит, где я ее оставил. Видишь?

— Тавола, в два локтя высотой?

— Ну да...

— Так бери,— велел Конан, раздражаясь все больше то ли из-за нерешительности Конгура, то ли оттого, что его собственные надежды понять хоть что-то не желали оправдываться.— Бери, и уходим. Если еще раз скажешь, что тебе страшно, я тебя просто придушу. Зачем только я с тобой связался! — поскольку Конгур так и не сдвинулся с места, северянин сам шагнул к столу и взял в руки доску, развернув ее к себе, чтобы взглянуть на изображение.— Нергал,— воскликнул он,— но ведь это же... когда ты его успел нарисовать?!

— Кого? — Конгур подошел ближе, стараясь заглянуть за плечо варвара, что было заведомо обреченной на провал затеей из-за слишком внушительной разницы в их росте.

И в этот момент тавола, словно взорвавшись, вспыхнула жарким огнем, едва не опалив Конану руки и лицо. Варвар, вскрикнув от неожиданности, отбросил доску в сторону; пламя мгновенно и жадно перекинулось на остальные предметы, занявшиеся, как сухая солома. Конгур заметался в поисках выхода, задыхаясь и надрываясь кашляя от густого едкого дыма, наполнившего маленькое помещение, и почти ничего не

видя. Конан сгреб его в охапку и вытолкнул в окно; мутное стекло которого треснуло и вылетело от стремительно возрастающего жара, и тут же сам выбрался следом за юношей — очень вовремя: крыша строения рухнула и погребла под собою все, что могло пролить свет на происходящее.

— Ты цел? — спросил Конан, поднимаясь. — Конгур? Хватит прикидываться, вставай, еще не хватало тут валяться без чувств, или ты, точно, хуже девчонки?!

Парень так упорно не подавал признаков жизни, что киммериец всерьез забеспокоился, не произошло ли с ним чего-то действительно неправимого, но тут Конгур замотал головой и сел, тем самым опровергнув наихудшие подозрения; он даже хотел было что-то сказать, но не издал ни звука, остановившимся взглядом уставившись на догорающий остов лачуги Аттайи. Конан тоже обернулся в ту сторону — и отчетливо различил в пламени нечто, напоминающее человеческую фигуру, которая полыхала подобно факелу!

— Там же никого не было, — воскликнул он.

Видение исчезло так же внезапно, как возникло.

— И быть не могло, — добавил Конан, пытаясь убедить в этом не то Конгура, совершенно ополоумевшего от ужаса, не то самого себя. — Не смотри туда!

На черном от гари лице юноши светились только белки безумных глаз, зубы выбивали настоящую дробь, и казалось, он вот-вот снова потеряет сознание. Но у Конана не было ни желания, ни времени с ним возиться, зато требовалось немедленно выяснить главное.

— Скажи, когда ты нарисовал его? Отвечай мне, — крикнул киммериец, заметив, что парень словно не понимает вопроса, — отвечай, или я тебе шею сверну!

— Я-а... — давясь словами, проговорил Конгур, — седмицы две назад начал...

— Седмицы две назад?! Ты издеваешься? Как это возможно, если ты его тогда и в глаза не видел?!

— Как не видел, если мы несколько зим знакомы? Я же тебе говорил. Ты сам издеваешься!

— Несколько зим ты знаком с Райбером, парень, так? Путаешься прикинуться дураком? Не выйдет!

Конан пришел в такое бешенство, что уже плохо соображал, что делает. Он ударил Конгура в лицо, и то ли не рассчитал своих сил, то ли юноша был слишком худым и легким, но тот отлетел, перекатившись по земле локтя на два, а потом одним прыжком вскочил на ноги, сжимая в руке тлеющую головню, и... сам двинулся на киммерийца! Это было удивительно вдвойне. Куда только по девался робкий, неловкий мальчишка — сейчас ярость и обида сделали Конгура

настоящим зверем, готовим дорого продать свою жизнь; к тому же, в этот миг он был до такой степени похож на своего отца, каким тот был двадцать зим назад, когда дал достойный отпор Дауру, что Конану на мгновение показалось, будто время повернуло вспять. Все повторялось почти в точности! Только сейчас на месте Даура оказался он сам.

— Нет, Конгур,— крикнул Конан.— Все! Я был не прав! Брось эту штуку, Просто брось ее на землю!

Несколько бесконечных мгновений юноша не двигался с места и ничего не предпринимал, а потом все-таки отшвырнул головню. Конан облегченно, шумно выдохнул, пытаясь улыбнуться, что обычно у него не очень-то получалось. Но Конгур, кажется, понял, что буря прошла, и расслабился.

— Пойдем домой,— спокойно сказал он,— все равно здесь больше нечего делать.

— Это точно,— согласился киммериец.— Ты мне только все-таки скажи еще раз, кого ты рисовал?

— Аттайю, кого же еще?

— Ты уверен? — переспросил Конан, чувствуя себя так, словно тонет в вязком болоте и не может выбраться.— Уверен, что это был именно он?

Ибо сам варвар видел на портрете — за миг до того, как холст вспыхнул у него в руках —

вовсе не старика, а ребенка. Причем того, которого он прекрасно знал. Это было лицо Райбера.

— Конечно.— Конгур нервно усмехнулся.— Я же не сумасшедший.

— Так ведь и я тоже,— проворчал Конан.— Но вот хоть убей меня, там был изображен Райбер!

— Знаешь что,— отозвался Конгур,— в это я поверить не могу по той простой причине, что Райбера никто бы не успел написать за то время, которое он здесь вместе с тобой. Может, тебе самому показалось. Ты держал холст в руках всего пару секунд...

— И за это время я бы не успел отличить ребенка от старика? — возмутился Конан.— Я что, по-твоему, слепой?

— Иногда бывает, что какие-то вещи действительно просто кажутся,— настойчиво повторил Конгур.— Когда я был маленьким, мой отец тоже рисовал для меня и Джахель такие забавные картинки... так вот, изображения на них менялись. Понятно, это было просто игрой воображения, но мы эту игру любили.

— Таризель что-то рисовал? — удивился Конан.

— Да, я от него поначалу и научился. Но я это к чему...

— Ладно, я понял. Ясное дело, картинки шевелиться не могут,— сказал варвар,— но тут дело другое. Все-таки Аттайя колдун. И он мог

что-то такое сделать со своим портретом... изменить его, чтобы...

— Но ведь я принос холст, когда Аттайя уже был мертв! — напомнил Конгур. — Он его даже не увидел!

Конан не нашелся, что на это возразить. Все его рассуждения приводили в полнейший тупик, вовсе не желая соответствовать здравому смыслу.

Возвратившись, наконец, домой, Конгур постарался незаметно проскользнуть к себе, чтобы смыть с лица копоть и переодеться, не привлекая внимания матери во избежание расспросов, и преуспел в этом, а вот Конану повезло меньше — не успев расстаться с Конгуром, он лицом к лицу столкнулся с Таризлем.

— Где тебя носит? — спросил того. — И почему ты в таком виде? Ты вроде собирался составить мне компанию в Нумалии!

— Да, вот, дом тут один загорелся, — неопределенно отозвался варвар, — я и сунулся, думал, может, смогу чем-то помочь, А насчет Нумалии, ты что, прямо сейчас намерен туда отправиться?

— Нет, но пытаюсь выяснить, с чем там придется столкнуться, а тебя, похоже, это не волнует.

— По мне, лучше всего разбираться на месте, — объяснил Конан. — Вот когда мы туда придем, увидим все, что нужно.

— Напрасно ты так беспечен. В Нумалии существуют несколько орденов, члены которых вполне могут приносить человеческие жертвы, и совершенно неизвестно, кто из них расправился с Хэмом! — возбужденно произнес Таризель. — Маги часто практикуют всяческие зверства. Демоны, которым они служат, требуют крови. И еще, ходят упорные слухи, что есть там некое «братство Воплощения», немногочисленное, но очень опасное, и поклоняются эти «братья» не то какому-то змею, не то гигантскому червю, а этот урод обожает питаться...

— Человечиной? — сообразил Конан.

— Вот именно, — подтвердил Таризель. — Правда, последние сведения о них появлялись зим сто назад, а потом вроде бы все затихло, но проверить не мешает. Как тебе это нравится?

— Никак, — отрезал варвар. — Слушай, я устал. Давай попозже все это обсудим, а?

...Откровенно говоря, Конан сомневался насчет того, следует ему идти с Таризлем или остаться в Бельверусе. Киммерийцу было совершенно несвойственно бросать незавершенным начатое дело, чтобы приняться за нечто иное. А в Бельверусе он нашел пока одни только тайны, громоздящиеся одна на другую. Тем не менее, ему настойчиво казалось, что часть ответов он получит совсем не здесь. Конан не доверял богам, зато верил в судьбу, в том смысле, что в жизни бывает не так уж много случайностей: все

происходящее определенным образом взаимосвязано. Чтобы покончить со своими бесплодными метаниями, варвар избрал простой способ, разрешив внутренний спор при помощи подброшенной монеты: он загадал, что, если она упадет вверх орлом, значит, боги желают его похода в Нумалию... так оно и вышло. Он предполагал благополучно возвратиться не позднее, чем через пару-тройку седмиц, и покинул Бельверус, оставив Райбера на попечение Дары.

Глава девятая

Верно говорят, у любящего не два, а тысяча глаз, и все миры открыты ему, и весь смысл бытия — как на ладони. Гаал мог сказать это о себе с полным правом, ибо как никто знал, что такое любовь и бесконечная преданность.

Сердце Гаала навеки принадлежало Повелителю — так он называл Вундворма. Это существо, при виде которого ни в одном ином сердце не возникло бы никаких иных чувств, кроме безмерного, леденящего кровь ужаса и предельного отвращения, было для Гаала смыслом жизни. Он мог любоваться Вундвормом часами, забыв обо всем на свете, о еде, сне и себе самом.

Когда черное тело гадины обвивало тугими холодными кольцами его собственное, стискивая, точно стальными обручами, заставляя ребра хрустеть и почти не давая дышать, глаза Гаала наполнялись слезами восторга и счастья. Он не

боялся испустить дух в этих объятиях, и пожелай Вундворм покончить с ним, охотно принял бы смерть. Но хватка ослаблялась. Морда чудовища вплотную приближалась к залитому потом лицу Гаала, и жуткие желтые глаза с поперечно расположенными узкими черными зрачками изучающе глядели в его, человеческие, расширенные и совсем темные от неопишуемого волнения. Кошачья голова, покрытая не чешуей, а короткой блестящей шерстью, медленно покачивалась из стороны в сторону, завораживая, гипнотизируя. Узкий длинный, раздвоенный, как у змеи, язык Вундворма выскальзывал из страшной, полной острых белых зубов, алой пасти, короткими влажными касаниями заставляя Гаала трепетать. Утробный мурлыкающий звук, глухое ворчание, вырывавшееся из самой глубины существа гадины, сливался с хриплыми блаженными стонами человека. Это было больше, чем соитие. В такие минуты Гаал не знал, где он и кто, не ощущал себя ни мужчиной, ни женщиной, он становился частью Повелителя, создания, единственного и неповторимого в своем роде, и был готов принять от него все, что угодно.

Хвост твари, шурша, извивался на каменном полу, взмечался вверх и со свистом опускался на спину Гаала, рассекая плоть. Но человек не думал о боли — она была естественной составляющей их отношений. У Гаала перехватывало дыхание, он тоже начинал дрожать и извиваться,

хотя вовсе не стремился избавиться от страданий. Несколько ударов — Повелитель наносил их впосилы, зная, что, дав себе полную волю, просто прикончит Гаала, перерубив пополам — и гадина останавливалась для того, чтобы затем жадно слизывать кровь с тела своего... кого? друга? раба? возлюбленного? — пока та, свернувшись, не переставала сочиться из нанесенных Вундвормом глубоких ран.

Тело Гаала было сплошь покрыто сетью давно затянувшихся и совсем свежих шрамов. Чистыми оставались только руки и лицо, так что, натянув на себя одежду, Гаал выглядел вполне нормально.

Сегодня Повелитель пребывал в состоянии полного довольства и таким образом, через Таинство Соития, благодарил Гаала за ощущение блаженной сытости. Иногда же случалось по-другому. Если Гаал не успевал вовремя накопить Вундворма, гадина делалась раздражительной, и тогда кара не заставляла себя долго ждать. Вместо ласкающих прикосновений языка, тварь выделяла обжигающий яд, который, попадая на открытые свежие раны, причинял настоящие невыносимые муки. Гаал исходил криком и терял сознание. Впрочем, он и это принимал как должное — вина неизбежно влекла за собой заслуженную кару. Ему следовало лучше заботиться о Повелителе, чтобы избежать наказания.

Гаал был очень богатым человеком. Близость к Вундворму гарантировала ему неизменную удачу на всех жизненных путях. Иначе он бы не имел возможности покупать столько рабов, чтобы достойно содержать своего Повелителя, требующего новых и новых жертв и предпочитавшего молодых и сильных, с хорошим свежим мясом и горячей кровью. На корм Вундворму годились только такие. И он почему-то предпочитал мужчин. Женщины приводили Вундворма в ярость. Он убивал их, но не питался их телами.

Несколько поколений предков Гаала служили Вундворму, начиная с того, первого, который поставил гадину в Хайборию и подарил ей жизнь. Сначала в Аргос, затем в Шем... приходилось много скитаться, скрываясь от тех, кто желал уничтожить Вундворма, пока его служители, называвшие себя членами Ордена Воплощения, прочно, и, как они полагали, навсегда не обосновались в Нумалии.

Вообще-то Гаал знал, что Вундворма практически невозможно убить, но не терял бдительности. Вроде бы за два прошедших столетия не обнаружилось в живых ни одного из тех, кто был бы способен это сделать. Тела тиарийских магов были навеки погребены под многокилометровым слоем серого пепла на маленьком острове, ставшем их общей могилой. Никто не спасся. Во всяком случае, о тиарийской диаспоре никогда не

было слышно ни в одной из хайборийских земель. Но осторожность не бывает излишней. Ибо довольно всего лишь одного потомка тиарийцев, в коем проснется Дар, чтобы над Повелителем нависла страшная угроза. Поэтому в обязанности Гаала входило не только содержать его, но и внимательно следить, чтобы гадине не угрожала опасность. И здесь ни на кого нельзя было положиться! Даже на других членов Ордена Воплощения — эти мелкие людишки, в отличие от Гаала, не любили Вундворма, а значит, понятия не имели о подлинной верности, которая исходит только из сердца, а не от головы и холодных низких рассуждений о собственной выгоде. Они были тупыми, ленивыми, трусливыми слабаками. Некоторые из них после Таинства Соития с Вундвормом сходили с ума, иные умирали. То, что Гаал воспринимал как великую награду и знак особого расположения Повелителя, было для них ужасом и пыткой. В том числе и для Ингуна, отчаянно старавшегося держаться от Вундворма подальше и видеть его пореже. Так что достойного преемника Гаал не видел. Он служил Вундворму более двадцати зим и был еще достаточно крепок, чтобы продолжать. Но не до бесконечности же. Человеческая жизнь коротка. Что будет потом, когда он, Гаал, не сможет достойно выполнять свою миссию? Он возлагал определенные надежды на Ингуна, но с тем предстояло еще долго и много работать.

Проклятого парня только недавно перестало рвать, когда он присутствовал при поглощении Вундвормом пищи. Он, видите ли, не мог привыкнуть к тому, что Повелитель пожирает людей живьем и святоотачественно предложил сначала умерщвлять жертв. Как же! Предлагать Повелителю падаль?! До этого Гаал никогда бы не опустился. Суровая отповедь Магистра привела к некоторому просветлению в мозгах Ингуна, и парень сам вызвался сопровождать Повелителя во время Охоты. Ибо иногда Вундворм сам выбирал себе жертву, не довольствуясь подношениями, и убивал ее прямо на улице. Обычно Гаал сам бывал в такие моменты с ним рядом, чтобы убрать остатки трапезы. На сей раз он доверился Ингуну — и что же? Тот все испортил. Разорванное тело осталось лежать на камнях в луже крови и было обнаружено. Мало того, жертвой Вундворма стал не кто иной, как Хэм, представитель тайной охраны.

Допустим, самому Повелителю высокие звания и титулы были совершенно безразличны, он осуществлял высшую справедливость, уравнивая между собою рабов и знатных господ, с равной охотой пожирая и тех, и других.

Но членам Ордена Воплощения не следовало допускать подобных недоразумений, чтобы не привлекать внимания властей, иначе придется менять убежище, а это дело крайне непростое. Перевезти Повелителя из одного города в другой

так, чтобы это осталось незамеченным, очень трудно. Он слишком огромен, невероятно силен и, понятно, никому не подчиняется.

Оплошность Ингуна привела Гаала в ярость. Он успокоился только тогда, когда Хэма объявили жертвой дикого зверя, случайно забредшего в Нумалию. Хотя никакого зверя так и не поймали. Гаал перевел дух.

А Ингун, стремясь как-то загладить свою очевидную вину, клялся, что допустил ошибку в последний раз и был готов на все, чтобы оправдать себя.

— Повелитель никогда не ошибается в выборе,— проворчал Гаал в ответ на его униженное нытье.— Тебе повезло, что он был так милосерден к тебе.

Членов Ордена Воплощения Вундворм избирал сам. За исключением тех, кто всегда служил ему и принадлежал к роду Гаала. Остальные были из числа рабов, предназначавшихся ему в пищу. Некоторых из них, очень редко, он оставлял в живых и позволял служить ему. Ингун был одним из таких.

У Гаала эти счастливчики вызывали болезненную ревность. Он их ненавидел! Но против воли Повелителя идти не посмел бы никогда, и только в самой потаенной глубине души радовался, если они не выдерживали Таинства Соития. Ингун выдержал его уже трижды.

Впрочем, Гаал не сомневался, что бывший раб предпочел бы умереть, так что настоящим соперником Ингун ему не был. Он не находил радости в своем избранничестве, подобно Гаалу.

...Вундворм отпустил его, и человек рухнул ничком на каменные плиты, покрытые зеленоватой слизью. Немного полежал, восстанавливая силы, затем поднялся, еще раз от избытка чувств прижал к своей груди кошачью голову гадины — Повелитель милостиво позволил ему это сделать — и покинул просторное внутреннее помещение замка.

Он долго отмывался от крови и слизи, которыми было сплошь покрыто измученное Таиством тело. Не потому, что испытывал отвращение, наоборот, Гаал был готов носить на себе следы расположения Вундворма всегда, но в таком виде была бы невозможна обычная, дневная, верхняя жизнь, которую приходилось вести. На сей раз Повелитель изрядно помял его в своих кольцах — болела каждая клетка, руки противно дрожали, Гаалу, судя по всему, следовало бы пару дней отлежаться, но он не собирался поддаваться слабости. Может быть, несколько часов отдыха он себе и позволит, но не больше.

— Ингун,— позвал Гаал,— помоги мне одеться.

Тот, мгновенно явившись, невольно отвел глаза от покрытого шрамами и кровоподтеками

жилистого тела Магистра Ордена Воплощения и слегка поморщился. Какой из него служитель, раздраженно подумал Гаал, заметив изменившееся выражение широкоскулого лица Ингуна.

— Ты привел новую партию рабов? — требовательно спросил он, пока Ингун, стоя на коленях, натягивал на его ноги высокие сапоги с внутренней шнуровкой.

— Да, десяток бритунцев,— подтвердил тот,— я довольно дешево купил их на невольничьем рынке нынче утром.

Носок сапога стремительно взметнулся, удар в подбородок отбросил парня к противоположной стене.

— Бритунцев,— загремел Гаал,— ты сам жри! Ты бы еще свиной купить догадался!

— Мне показалось, они вполне подойдут,— Ингун схватился за разбитое лицо, голос его звучал жалобно.— Клянусь, я очень старался!

— Ты старался сберечь проклятые деньги,— рявкнул Гаал,— все остальное тебя не волнует. Животное! Жадность и тупость — родные сестры. Я взгляну на твой товар, и берегись, если хоть один из тех, кого ты привел, мне не понравится — ты пожалеешь, что твои отец и мать когда-то не остановились на первом свидании.

— Может быть, я уже не раз пожалел об этом,— пробормотал Ингун.

Подобные слова были настоящим святотатством! Глаза Гаала мгновенно налились кровью,

пальцы сжались в кулаки, и, учитывая, что он обладал немалой физической силой, еще увеличивающейся в ярости, Ингуну пришлось бы не сладко... но в этот момент глухие удары и протяжный звериный рев заставили замок содрогнуться.

— Повелитель? — в тревоге и недоумении проговорил Гаал, забыв об Ингуне, — Что могло случиться? Только что с ним все было хорошо! Я должен пойти к нему, он зовет...

— Нет, господин, я пойду, — попробовал остановить его Ингун: бывшему рабу, наверное, следовало бы всей душой ненавидеть Магистра, но он отчего-то не находил в своей душе подобных чувств, скорее, испытывал к нему сострадание. Он не мог допустить, чтобы этот истерзанный гадиной фанатик снова отправился к ней. — Тебе лучше отдохнуть.

— Я ему нужен, — упорствовал Гаал. — Не смей мне мешать, уйди прочь!

Он бегом спустился по крутым ступеням, возвращаясь в обитель Вундворма в сопровождении Ингуна, который тоже последовал за Магистром.

Повелитель метался по своему убежищу, перебирая единственной, передней, парой когтистых кошачьих лап, и издавал немислимые звуки, одновременно напоминающие вопли кота, которому наступили на хвост, и львиное рычание.

При появлении Ингуна он замер и устылся на него, с шипением прижимая уши. Парень невольно вжался в стену, с трудом преодолевая желание немедленно броситься прочь и ожидая, что гадина нападет на него. Но на этот раз обошлось. Вундворм быстро потерял интерес к людям, зато цвет его начал меняться, делаясь из черного тревожно-багровым. Ни Ингуну, ни даже Гаалу прежде не доводилось наблюдать ничего подобного.

— Опасность, — тем не менее, уверенно изрек Магистр. — Повелителю что-то угрожает.

— А чего ему бояться, если его и убить нельзя? — удивился Ингун.

— Только одного. Если где-то рядом оказался потомок тиарийцев.

— Но они все умерли, — снова возразил Ингун, не спуская глаз с Вундворма. — Ты сам мне рассказывал.

— Я рассказывал о гибели острова, но никогда не имел глупости утверждать, будто опасность полностью миновала! — бросил Гаал, помрачнев. — Не напрасно я постоянно посылаю вас по всей Хайбории на поиски возможного врага. Ингун, немедленно отправляйся в город и выясни, не появились ли в Нумалии за последние дни новые мастера, владеющие кистью.

— Я все сделаю как надо, магистр, — поспешно заверил его Ингун, радуясь поводу на ка-

кое-то время покинуть замок и оказаться на безопасном расстоянии от Вундворма.

Гаал же намеривался присоединиться к поискам чуть позже, если Повелитель сам не успокоится и не покажет, что на этот раз тревога оказалась ложной.

Глава десятая

Вет, не зверь! Да какой там зверь...— отмахнулся местный торговец, у которого развязался язык от щедро подливаемого Конаном вина.— Змея там была, вот что. Преогромная, причем, змеюка, и тяжелая, даже след на булыжнике продавila. Она его и съела. А что? Как куренка. Напала, удушила, голову оторвала и съела. Крови-то, крови было!

— Ну, это ты врешь,— отмахнулся варвар.— Еще зверь, куда ни шло. Может, оборотень. Потом в человека опять перекинулся, и все. Разве найдешь? Поэтому и не поймали. Но змея, да еще чтобы таких размеров... Ты сам-то ее видел?

— Не видел,— признался торговец.— Иначе она бы и меня, чего доброго, на обед себе употребила. Люди говорят... у нас и раньше нет-нет, да и пропадали... Змея эта выползает и утаскивает.

— Куда? — поинтересовался Конан.

— Туда,— торговец ткнул пальцем в пол.— Вниз. Под землю. У нее там гнездо. Или нора. Что у змей бывает?

Таризель сидел молча и в беседе не участвовал. Только слушал, сосредоточенно пережевывая довольно жесткое мясо, словно полностью поглощенный этим занятием.

— И часто? — вдруг спросил он.

— Что? — повернулся к нему торговец.

— Люди пропадают. Утаскивают их. В нору.

— Когда как. По разному, иногда долго все спокойно, а потом начинается!

— Может, они сами куда-то уходят из города?

— Бродяжить? Зачем? Если бы кто никчемный, кому на месте не сидится, а то ведь, к примеру, Андар, ювелир, или Иршан из гильдии горшечников, у них здесь и семьи, и дело в руках прибыльное — куда это они ни с того ни с сего подадутся? Нет, быть того не может.

— У меня тоже семья,— сказал Таризель.— А жизнь заставляет ходить по всем землям. Сегодня я здесь, не найду себе заказов — завтра уйду. Что, по-твоему, меня тоже змея утащит?

— Каких заказов? — прищурился торговец.— Продаешь что-нибудь? Или ювелир, вроде Андара?

— Нет, я по другой части,— возразил Таризель.— Я рисую.

— Чего? И людей рисуешь?

— Ну да. Тебя, например, могу написать, и возьму недорого. Хочешь? Торговец оживился. Увидеть свою рожу увековеченной показалось ему заманчивым предложением.

— На коне,— понизив голос, сказал он.— И в доспехах. А? Сумеешь? Я раньше, давно, солдатом был.

— Да хоть в тоге. Мне все равно.

Жирное лоснящееся лицо торговца с реденькой седоватой бородой приобрело мечтательное выражение, тут же, впрочем, сменившееся недоверчивым.

— А сдерешь сколько за работу? — подозрительно спросил он.— Знаю я вас, мазилок. Без штанов кого хочешь оставите.

— Говорю, недорого. Пять монет всего-то.

— Три,— быстро поправил торговец.

— Четыре,— вставил Конан, положив конец спору.— Меньше смысла нет. Ему материал дороже встанет.

— По рукам,— согласился их новый знакомый.— Только чтобы похоже получилось.

— Подучится,— успокоил его Таризель, понимая, что сходство в таких случаях заказчика мало волнует. На коне и в доспехах вместо жирного коротышки должен восседать высокий бравый красавец с развевающимися за спиной волосами и сурово сдвинутыми бровями, в котором только отдаленно можно угадать того, кто позировал.— Завтра и начну. Куда мне подойти?

Торговец открыл было рот, чтобы ответить, но ничего сказать не успел.

— Шесть,— между ними бесцеремонно втиснулся симпатичный приветливый краснощекий парень, который все это время сидел чуть поодаль, потягивая кислотоватое пиво.— Я плачу шесть монет, и ты рисуешь меня первым. У меня девушка есть, жениться скоро собираюсь. Вот ей и подарю портрет. Пусть пока смотрит. Только мне надо маленький, чтобы в золотой медальон помещался, примерно с ладонь.

— Твою? — Конан хмыкнул, бросив взгляд на устрашающие ручищи парня.— Если у твоей невесты шея не как у быка, с таким медальоном она только на четвереньках сможет ходить.

— Нет,— ничуть не обиделся новый заказчик.— Не с мою, вот с его, художника этого. Он на вид тоже не из слабаков, а руки маленькие. Причем за работу плачу, видишь, больше, а делать надо меньше.

— Миниатюра как раз всегда стоит дороже,— сказал Тариэль.— Так что все правильно.

— Э,— возмутился торговец, угрожающе приподнимаясь,— вы это чего, я первый договорился! Так не делается! Я вот сейчас пойду скажу местным, кто тоже картины рисует, что тут двое чужаков у них хлеб отбивают, они вас пинками из города вышвырнут!

— Ладно, ладно,— примирительно сказал Тариэль,— я могу писать обоих одновременно, од-

ного утром, другого вечером. Целые дни вы на это вряд ли потратите? Седьмица нужна, не меньше. А если полотно большое,— тут он взглянул на торговца,— то и луну может занять.

— Пусть,— все еще недовольно буркнул тот,— Давай завтра ко мне, лучше попозже, утром не до того будет, в лавке дела полно,— он сообщил, куда приходить.

— А со мной еще проще,— проговорил парень.— Давки у меня нет и живу я тут поблизости, в замке князя Гаала. Может, слышали?

— Слуга, что ли? — торговец заерзал, почувствовав себя неудобно.

— Друг,— поправил тот.— Не слуга. Кстати, в замке вы можете пока остановиться, если сами не из Нумалии.

— Из Аргоса.— сказал Тариэль.

— Ну? Не ближний свет! Что, может, прямо сейчас и отправимся? Да, забыл представиться. Меня зовут Ингун.

Конан переглянулся с Тариэлем.

— Завтра,— произнес тот решительно.— У нас тут еще кое-какие дела есть.

— Могу вам чем-то помочь? — участливо поинтересовался Ингун.— Князь высоко ценит хороших мастеров. У него найдется для вас еще работа. Эскизы для новых гобеленов, например. Дела хватит.

— Я подумаю,— согласился Тариэль.

— О цене сговоримся, в накладе не останетесь,— заверил Ингун.— Князь Гаал — человек очень щедрый.

...— Ты спятил? — набросился Конан на Тариэля, едва отвязавшись от обоих заказчиков.— Какой из тебя художник? Разве что стену покрасишь, и то неровно подучится! Мы совсем иначе с тобой договаривались!

— Ничего не спятил. Наоборот,— возразил тот.— Я действительно кое-что умею. Правда, давно этим делом не занимался, и до Конгура мне далеко. Но в какой руке держать кисть, соображу как-нибудь. У меня с детства ловко выходило. Только тогда не до того было, родители мне запрещали тратить время на ерунду, приходилось постоянно совершенствоваться совсем в другом искусстве. А потом как-то уже и не тянуло. Разве пока Конгур был маленьким, я для него иногда рисовал. Так, баловство, конечно.

— Вот именно, баловство! А тут заказ! Что, если не осилишь?

— Смотря для кого. Для этого жирного любая мазня сойдет за шедевр. С князем Гаалом будет потрудней, но ничего, глаза боятся, а руки делают. Что, не веришь? Хочешь, докажу?

— Давай, доказывай,— буркнул Конан.

— Сейчас,— Тариэль, оглядевшись, подобрал с земли кусочек угля и подошел к относительно гладкой беленой стене одного из домов.— Смотри, Это ты будешь.

Конан с изумлением наблюдал, как его приятель ловко, быстро и уверенно, словно всю жизнь только этим и занимался, водит по стене углем, и из-под его руки выходит, в самом деле, реальное и живое изображение, в котором он без труда узнал собственные крупные, жесткие черты. Киммериец присвистнул.

— А ничего,— протянул он.— Похоже.

— Я еще не закончил,— предупредил Тариэль, нанося несколько завершающих штрихов.— Ну вот так, примерно. Нравится?

— Неплохо,— одобрил северянин.

— Это несложно,— Тариэль пожал плечами.— Как дышать.

— Мог бы так и деньги зарабатывать.

— Да я как-то особо не старался и не учился никогда. Говорю же, отцу это не нравилось, он считал, мне незачем продолжать, а я не спорил. Вот когда у Конгура появилось такое желание, я сразу его поддержал, А сам... нет. Думаешь, напрасно?

— Не знаю,— сказал Конан.— Я ничего такого делать не пробовал. Но этого толстого ты точно нарисуешь так, что он будет доволен.

— Постараюсь. Видишь, как удачно вышло — мы теперь при деле, вроде не просто так по городу болтаемся. Насчет змеи ты что думаешь? Надо еще кого-то поспрашивать, иногда среди всяких дурацких домыслов попадаются ценные замечания. Помнишь донесения Хэма? Он тоже

упоминал что-то вроде змеи. Не случайно ведь, а?

— Но какая же она должна быть огромная,— заметил Конан,— Я знаю, такие водятся в Черных Королевствах и в Вендии. Душат всякое зверье, а потом проглатывают прямо целиком, но на части рвать... это не в их натуре. Ни одна змея, ни большая, ни маленькая, так не охотится. И еще она должна где-то прятаться.

— Конечно. Нажрется, уползет в нору и спит, в пока снова не проголодается. Ничего, поищем. Может, повезет с ней встретиться.

— Повезет? — северянина невольно передернуло.— Дурацкие у тебя шутки, Тариэль.

— Но мы здесь как раз за этим,— напомнил тот.

— Тоже верно. Слушай, Дара знает, что ты умеешь рисовать?

— Почему ты спросил? Знает, конечно. Видела кое-какие мои наброски, когда я Конгура немножко учил. Чего она может про меня не знать, если мы столько лет вместе? Разве что насчет дел с ее отцом.

— Идем отсюда,— прервал его Конан.— Нужно еще где-то устроиться.

Уже направившись прочь, он отчего-то на миг обернулся, бросив еще один взгляд на рисунок Тариэля. И тут Конан отчетливо заметил, как губы его нарисованного двойника дрогнули и искривились, точь-в-точь как у него самого,

если он улыбался. Северянин несколько раз моргнул, отгоняя наваждение. Посмотрел снова: конечно, показалось. Иначе и быть не могло. Через пару минут он и думать забыл о нарисованной углем картинке.

Ночью прошел сильный дождь, начисто смывший следы угля с белой стены, и на следующий день о рисунке Тариэля уже ни что не напоминало, как будто его и не было никогда.

* * *

Неподалеку от базарной площади, где располагалось подобие постоянного двора, служившего пристанищем для заезжих торговцев, и представлявшего собою несколько грубо сколоченных барачков, скорее напоминавших загон для скота, Конан и Тариэль остановились, найдя для себя эту клоаку вполне подходящей. Хотя именно здесь извечно происходило больше всего грабежей и убийств (благо было, чем поживиться, да и заезжего чужака вряд ли кто хватится), желающих остановиться в этом далеко не лучшем на свете месте бывало предостаточно, особенно среди тех, кто оказывался в Нумалии впервые и не сознавал степени грозящей опасности. Зато и затеряться здесь было проще простого, отчего аферисты всех мастей тоже стекались к базарной площади.

...— Эй, граф,— окликнул Тариэля Конан, устравиваясь на ворохе сырой соломы, обтянутой по-

луистлевшей тканью и заменявшей постель,— жалеешь, наверное, что мы сразу не пошли к этому, Гаалу? В замке-то, как угодно, воняло бы меньше, чем здесь. И вообще, обстановка там лучше, тебе привычнее.

— Ничего, как-нибудь,— отмахнулся тот.— Здесь тепло, нет дождя и ветра, чего еще желать? Слышишь, как ливень снаружи шумит?

— Да у тебя душа бродяги,— в устах киммерийца это прозвучало как похвала.

— Какая же еще у меня может быть душа, если я вырос в дороге? Мы всегда куда-то шли или ехали... Мне до сих пор по ночам снится, будто я продолжаю нескончаемый путь. И я умею ценить маленькие радости, который заметить не всегда просто.

Тариэль задумчиво смотрел на ровный огонь свечи, ярко горевшей в простом напольном подсвечнике. Более незатейливой обстановки, чем на этом постоялом дворе, вообразить было бы трудно, предметы мебели здесь отсутствовали полностью, не имелись даже простого деревянного стола, но графа подобные обстоятельства действительно не смущали.

— Я все думаю, а почему, собственно, мой отец так восставал против того, чтобы я рисовал? — задал он вопрос в никуда.— Он-то находил объяснения, говорил, что мне следует каждую минуту упражняться в ловкости. Немного не работаешь, и полетишь с каната или сам себе

нанесешь рану кинжалами, которыми жонглируешь. Он убеждал меня, что излишняя мечтательность ведет к несобранности, посторонние занятия отвлекают от главного... но мне кажется, было и еще что-то такое, о чем он никогда вслух не упоминал. Я не мог не видеть, что рисунки его пугают. Он менялся в лице, стоило мне хоть что-то изобразить. И еще мои сны. Одно время меня непрерывно мучил один и тот же кошмар о каком-то гигантском пожаре, рушащихся зданиях и землетрясении. Ничего подобного в моей настоящей жизни не происходило, но кошмар был так реален, словно происходил наяву, и там, во сне, я знал, что он как-то связан с картинами. Я пытался рассказать о нем, и отец произнес нечто очень странное. Он сказал, будто люди, изображающие что-то, одержимые, они берутся совершать то, что по-настоящему дано только богам, и боги рано или поздно карают их за дерзость. Я тогда его не понял. Но чуть позже...

В другое время Конан вряд ли стал бы всерьез прислушиваться к рассказу Тариэля, но сейчас он одновременно вспоминал Конгура и загадочную таволу с изменившимся на ней изображением.

— Чуть позже, когда Черная смерть уничтожила их всех, отца, мать, Гая Шена, который был мне ближе брата, по какой-то жуткой прихоти пощадив одного меня, я подумал — не на

мне ли вина за этот ужас? Ведь иногда в сѣход отцовского запрета я все-таки пробовал рисовать! Неужели боги наказали меня за эту маленькую дерзость так жестоко, оставив жить и до конца своих дней мучиться, полагая себя убийцей собственной семьи? Много лет я не знал покоя.

— То есть, по-твоему, твои рисунки каким-то образом погубили вашу труппу? — спросил Конан.

— Вернее, причиной гибели стало то, что я совершал запретные ритуалы.

— Ритуалы?! Приятель, тебя случаем, не слишком далеко заносит. Ты же не колдун.

— Искусство сродни магии. Может быть, оно и есть магия, имеющая своих жрецов, на коих от рождения стоит невидимая печать. Но если сами боги создают некоторых людей такими, так за что же они их потом карают? Это как-то несправедливо получается.

— Ну, я не прорицатель, откуда мне знать, что да и как с этим вашим искусством,— проворчал Конан.— Ты об этом лучше Конгура спроси.

— Конгур... я стараюсь, чтобы в нем воплотилось все то чего я не сумел добиться,— сказал Тариэль.— А для этого только и нужно не мешать ему творить, не вставать на его пути.

— Ты так уверен, что все о нем знаешь? — скептически поинтересовался Конан.— Сдается

мне, сынок у тебя ох как непросто, и дело тут не только в картинах.

— Ты о чем? — удивился было Тариэль.— А, может быть, имеешь в виду, что он время от времени убегает из дома ближе к ночи? Это мне известно, но тут уж ничего не поделаешь, бьюсь об заклад, дело в какой-нибудь девчонке. Ему почти пятнадцать, самое время крутить любовь! Я даже рад, что это заставляет его время от времени забывать о таволах и фресках. Излишняя серьезность в его возрасте тоже ни к чему.

Да ты, приятель, слеп, как крот, чуть было не воскликнул Конан, у себя под носом не видишь, что творится! Знал бы Тариэль, что его сын вовсе не гоняется за чьей-то юбкой, а бежит при каждом удобном случае к старому колдуну. Вернее, бегал, до совсем недавнего времени. Теперь-то ему станет не к кому идти. Стоило киммерийцу подумать об этом, и его дальнейшие мысли потекли в том же направлении. Тариэль говорил что-то еще, но варвар его почти не слышал. Он вдруг словно ощутил некий толчок, расставивший все по своим местам. По словам Конгура, Аттайя умер. Умер, от каких бы причин это не произошло. Но насколько бы ни был Конан невежественен в вопросах касающихся колдовства, одну простую вещь он знал точно. Сильный маг не покидает мир живых, не передав кому-то свой дар. Он только изменяет облик, сбрасывая с себя прежнее ветхое, больное

или ослабленное ранами тело, точно змея — старую кожу или обычный человек — износившееся платье. А главное, суть его, дух или душа, называй как хочешь, остается, но существует уже в ином, новом теле преемника Силы. Конан даже перестал дышать, чтобы не спугнуть догадку, ужасное откровение, снизошедшее на него. На таволе был мальчик вместо старика. Райбер отражался в зеркалах... и тавола явилась зеркалом, отразившим правду!

Значит, Райбер все-таки был у Аттайи и каким-то образом застал его смертный час. Конгур пришел позже и увидел только мертвое тело, «змеиную кожу», а сам Аттайя успел к тому времени уйти... ногами Райбера. Варвар скрипнул зубами. Если Таризель слепой, то и он сам не лучше! Как же он сразу не понял таких простых вещей? Трудно сказать, что теперь такое Райбер, две ли в нем сущности — его собственная и Аттайи или же Сила колдуна полностью вытеснила то, что было невидимым сыном Элиха и Ирьюлы, но так или иначе, это существо в образе невинного отрока сейчас находится рядом с Дарой и детьми Таризеля. Вот почему мирный добродушный Джумбо так странно вел себя в его присутствии, пес безошибочно почувствовал беду. А он, Конан, даже этого явного знака не понял. Благо, если *это* никак себя не проявит и не причинит зла людям, приютившим его. Но Конан не мог поручиться за такой благополучный исход!

Он знал только одно. Дара в опасности, и с нею рядом нет никого, кто мог бы ее защитить. Ну-малию и Бельверус разделяют по меньшей мере два дня конного пути.

Но если поспешить... взять сильного жеребца и гнать его, не останавливаясь...

Он повернулся к Таризелю. Тот спал, и Конан счел бесполезной тратой драгоценного времени будить его и пускаться в пространные объяснения. Ему казалось, что промедление может привести к непоправимой трагедии. Поиски убийцы Хэма, все прочие дела, которые только что казались ему важными, перестали существовать и иметь значение для киммерийца. Дара в опасности! Он один может и должен спасти ее.

Не раздумывая более ни о чем, Конан поднялся и вышел в ночь.

Глава одиннадцатая

Несчастливая Дара не находила себе места. Тяжелый сон, из которого она никак не могла выбраться, совершенно измучил ее. В этом сне она видела какие-то смутные образы, в одном из которых угадывалась мертвая Араминта, в другом — почему-то этот человек, Конан, о котором днем она вообще, кажется, не вспоминала... старалась не вспоминать...

Наконец проснувшись, хотя и не до конца, Дара, не отрывая глаз, протянула руку в ту сторону постели, на которой обычно спал ее муж — она знала, что ей довольно одно лишь прикосновение к нему, чтобы все неясные ночные страхи рассеялись, как дым. Но сейчас рука ее наткнулась на пустоту. Сердце Дары болезненно сжалось, и тут она очнулась окончательно, разом все вспомнив. Он в Нумалии. Ну да. Уже несколько дней. Она села, отвела со лба спутанные

волосы и прерывистот вздохнула. Тишина и темнота окружили ее. Ничего, кроме стука собственного сердца.

Дара ненавидела оставаться одна.

Понимая, что больше не уснет, она встала и зажгла свечу. Стараясь успокоиться и убедить себя в том, что на самом деле ничего страшного не происходит, а щемящее чувство тревоги ничем не обоснованно, Дара решила подышать воздухом и вышла в сад. Ночь была необычайно темной, тяжелые низкие тучи, готовые вот-вот пролиться грозным дождем, полностью закрывали звезды. Не было слышно даже обычного стрекота цикад.

Даре казалось, что все это является продолжением странного сна, оставившего чувство неприятной тяжести в душе, притом что она никак не могла вспомнить его содержания.

Некоторое время она бесцельно бродила по дорожкам сада, затем обернулась на темный дом, подумав, что, наверное, следовало бы лучше зайти в спальни детей, чем...

Сквозь густую листву пробился ослепительный белый свет, и почти сразу же глухой раскат грома, казалось, разорвал воздух. Дара невольно зажмурилась. Новый удар грома заставил ее вздрогнуть, и она не сразу поняла, что к нему примешивается другой звук — стук копыт.

Огромный черный жеребец с громким ржанием встал на дыбы; подкованные копыта мельк-

нули всего в нескольких сенах от ее головы. Всадник был под стать своей лошади, с гривой черных волос и резкими чертами лица. Конь с грохотом опустился на землю, едва не задев Дару.

Фыркая от ярости, сверкая белками глаз, животное натягивало повод, снова пыталось встать на дыбы. В руках всадника вздулись мускулы, его длинные ноги вдавились в боки лошади. В течение нескольких долгих мгновений человек и конь боролись друг с другом. Наконец животное признало свое поражение, издало протяжный прерывистый храп и успокоилось.

Дара не сводила глаз с всадника, словно видела его впервые.

— Что ты здесь делаешь?

Этот вопрос, завершивший череду изощренных проклятий, моментально привел ее в чувство. Дара отступила назад и высокомерно приподняла бровь.

— Я у себя дома. А вот ты что здесь делаешь, хотела бы я знать, в такую пору? И где мой муж?

Конан спрыгнул с лошади. В его движениях было столько суровой силы, что у Дары снова закружилась голова.

На то были весомые причины. Она вдруг отчетливо вспомнила свой сон, так поразивший и напугавший ее: там она и киммериец, поверить невозможно, занимались... Дара встряхнула голо-

вой. Наваждение, искушение, бред... в конце концов, ей не в чем себя винить. Это был только сон. К тому же Конан о нем, разумеется, не знал.

— Тариэль остался в Нумалии. А я вернулся, чтобы...

— Чтобы — что? — нетерпеливо спросила Дара, скрещивая на груди руки.

— Тебе угрожает опасность,— сказал Конан.— Я все объясню.

Дара прищурилась.

— Очень мило. И ты явился меня защитить, не так ли? Что ж, весьма признательна, только я покамест не замечаю ничего более опасного для себя, чем твое присутствие.

Кажется, ее слова прозвучали двусмысленно. Оставалось надеяться, что Конан этого не заметит.

Снова загрохотал гром. Отзвуки раската еще не успели умолкнуть, как вспышка молнии залила светом небо и землю. По листьям застучали капли дождя, пыльная дорожка покрылась влажными пятнами.

— Заведи свое чудовище в конюшню и ступай в дом,— сухо проговорила Дара.— Слуг я ради этого будить не собираюсь, сам справишься. И поторопись, пока насквозь не промок. А потом я бы хотела послушать, как ты объяснишь свое появление.

Конан слегка пожал плечами, развернулся и повел жеребца в поводу в сторону конюшен.

Дара возвратилась в дом, только сейчас запоздало сообразив, как нелепо выглядит, полуодетая, с неубранными волосами, среди ночи в темном саду. Наскоро приведя себя в более надлежащий вид, она спустилась вниз, убедившись, что киммериец уже дожидается ее появления. Дара окинула взглядом его высокое могучее тело, от которого исходило ощущение невероятной силы. У нее неожиданно пересохло во рту. Конан шагнул к ней, вздохнув так глубоко, что ткань его одежды едва не затрещала по швам.

— Нет,— Дара отстранилась.— Стой, где стоишь. Я хочу, чтобы ты сразу понял — я вовсе не в восторге от присутствия в своем доме чужого человека, вознамерившегося спасти меня от одиночества в отсутствие Тариэля.

— Ты сама меня не так поняла,— лицо киммерийца, и без того малоподвижное, сейчас казалось и вовсе каменным.— Я пока еще в своем уме и не собираюсь тебя соблазнять.

Даре стало неловко.

— Извини, я не хотела оскорбить тебя недоверием! Не знаю, что на меня нашло. Наверное, твой жеребец напугал меня слишком сильно. Он настоящий демон!

— Ну да, я не зря назвал его Нергалом. Он молод и плохо обезданен, зато силен и вынослив. Мы с ним добрались до Бельверуса куда быст-

рее, чем если бы я воспользовался более спокойным животным. И сейчас он уже мне подчиняется.

— Ты сам выглядишь загнанным не меньше своего жеребца. Подожди, я нагрее воды, чтобы ты мог смыть пот. И говори потише, не к чему поднимать на ноги весь дом.

Все-таки Дара не переставала его удивлять! Из ее достаточно откровенной отповеди ничуть не следовало, будто женщина намерена как-то смущаться, общаясь со своим неожиданным поздним гостем.

Напротив, Дара даже не подумала оставить его в одиночестве, пока киммериец, раздевшись до пояса, приводил себя в порядок.

— Итак, я хочу знать, ради чего ты сломя голову примчался в Бельверус,— произнесла она.

Конан стоял к ней спиной, склонившись над лоханью с водой. Под гладкой кожей отчетливо выступали бугры мышц.

— Райбер,— коротко сказал киммериец.— Все дело в нем. Сдается мне, парень не совсем то, за что выдает себя, и я намерен это проверить. Дара, за эти дни не происходило ничего необычного?

Он выпрямился и обернулся, рывком головы отбросив назад волосы цвета воронова крыла.

Отблески огня от камина плясали на его лице — волевым и суровым, но отнюдь не бесчувст-

венном. Подбородок казался тяжеловесным, но гибкие брови прекрасно оттеняли широкий лоб.

— Нет, ничего,— Дара удивилась. А, по-твоему, должно было произойти? Нечто подобное о Райобере ты и раньше говорил. Вот что, начини сначала, иначе мне вряд ли удастся все понять. Мне он кажется вполне обычным, ты утверждаешь обратное. К этому в самом деле имеются основания?

— Да.

Глаза Дары остановились на его плечах и руках, она испытала почти непреодолимое желание коснуться его кожи пальцами, ощутить под ладонями казавшиеся стальными мускулы. Обхватив себя руками, она поежилась, хотя от камина в комнате разливалось ровное тепло.

— Какие? — голос Дары прозвучал резко и нетерпеливо.

— Я привел его в Бельверус, чтобы найти колдуна по имени Аттайя и вынудить того снять с Райбера заклятье, сделавшее его от рождения невидимым. Но парень нашел Аттайю сам, раньше, чем я. Каким-то образом заклятье было снято. Однако, боюсь, колдун сделал это не просто так. Он умер и успел передать свою силу Райберу, сделав его своим преемником. К сожалению, я не сразу понял, что произошло, и когда мне стало ясно, решил вернуться и убедиться в своей догадке. Вот о какой опасности я говорил. Я не мог оставить тебя один на один с чем-то

таким, чего не понимаю. Любое колдовство таит в себе зло и опасность, которым ты не должна подвергаться.

— Почему ты считаешь, будто я совершенно не способна сама постоять за себя и свою семью, если даже на мою территорию вторглось нечто... неожиданное? — спросила Дара. — Что я непременно растеряюсь и позволю злу торжествовать?

— Потому что ты женщина, — немедленно отозвался Конан. — И это не твоя забота. Неправильно, если женщине приходится самой, в одиночку противостоять какому угодно противнику. Для этого существует мужчина.

— Ну, спасибо, что ты просветил меня на этот счет, — Дара издала короткий язвительный смешок. — Очень благородно с твоей стороны, киммериец. Ты всегда знаешь, что правильно, а что — нет? Даже если ты прав, то существует только один мужчина, который может решать мою судьбу. Я сама выбрала его один раз и на всю жизнь. А все остальное неважно. Все остальное и... все остальные.

— Я не намерен с тобой спорить, Дара, хотя вынужден признать, что твое упрямство может быть совершенно несносным, — Конан ощутил закипающее раздражение. — Что же, Таризель должен был все бросить и сам примчаться сюда, превав на поручение твоего отца? И он не мог прислать кого-то вместо себя, так?

— Значит, тебя прислал Таризель? — уточнила Дара.

— Можно сказать и так.

— Да или нет?

— Да, демоны тебя разорви с твоим упрямством, — прорычал варвар, сочтя более разумной ложь во спасение.

— Это меняет дело. Тебе только нужно было с этого начать, — спокойно объяснила Дара. — Его воля — закон для меня.

— Ах, ну просто образец идеальной покорной жены, — не без язвительности заметил Конан. — Bravo, Дара. Он, похоже, неплохо тебя выдрессировал.

Если он собирался разозлить ее этими словами, то удар не достиг цели.

— Лучший дрессировщик — не страх и не угрозы, если ты это имеешь в виду, а только любовь, — сказала Дара. — Что же касается меня, твое беспокойство совершенно беспочвенно. Видишь ли, Конан, от своего отца я унаследовала редкостное свойство — полную невосприимчивость к колдовским чарам. Кем бы ни оказался Райбер, ни для меня, ни для моих детей он не опасен. Не знаю, чем это можно объяснить, но именно из-за такового свойства умер когда-то мой маленький брат. Он был тяжело болен, и его не удалось спасти даже с помощью самого сильного колдовства. С тех пор отец убежден, будто магии вообще не существует, а те, кто ут-

верждает обратное — опасные шарлатаны. Переубедить его невозможно, он упрям, как мул, но я-то знаю, что на самом деле он ошибается, принимая собственный пример за распространяющийся на всех людей закон. Однако правда и в том, что ни с ним, ни со мной, ни с моими детьми ничего с помощью колдовства сделать нельзя. И между прочим, Таризель это отлично знает. Я удивлена, зачем ему понадобилось тебя утруждать... если только ты действительно не лжешь.

— В любом случае, мои намерения были вполне благородны,— Конан вдруг понял, что оправдывается перед Дарой, и это его разозлило: он не сопливый мальчишка, пойманный на воровстве!

— Я понимаю,— женщина мягко улыбнулась,— и вовсе не осуждаю тебя. Прости меня за недопустимую и вряд ли оправданную резкость, ты не заслужил оскорблений,— в знак примирения Дара потянула руку и погладила его обнаженное плечо.

И тут неплотно запертая дверь со скрипом приоткрылась.

Конан вздрогнул и обернулся, затем подошел посмотреть, нет ли поблизости некоего постороннего наблюдателя. Его беспокойство оказалось неоправданным: с другой стороны двери было совершенно пусто.

— Это всего лишь сквозняк,— сказала Дара.— Скоро утро, и я думаю, ты не станешь возражать против того, чтобы немного отдохнуть? Да и мне был это не помешало.

Глава двенадцатая

На следующий день, поутру обнаружив вместо Конана лишь странное, весьма поспешно составленное короткое послание, Таризель мало что понял. Из послания следовало, что киммерийцу немедленно потребовалось вернуться в Бельверус; варвар и прежде отличался непредсказуемостью и способностью совершать действия, продиктованные скорее внутренними причинами, нежели вполне очевидными обстоятельствами. Было ясно, что дальше предстоит действовать в одиночку. Таризель постарался перестать думать о Конане и полностью сосредоточиться на своей задаче. В первую очередь ему нужно было нанести обещанный визит Ингуну... и князю Гаалу. Таризель предполагал, что этот не займет много времени, и спокойно отправился в сторону замка.

Собственно, замком обитель князя Гаала называть было трудно. Огромный, выстроенный из камня нежно-желтого цвета, дом поражал своим

изяществом и соразмерностью, надежностью, величием и некоей особой мягкостью линий. Стекла в свинцовых рамах сверкали под лучами солнца, сменившего давешнюю непогоду.

Огромные двойные двери прекрасно сочетались с крыльцом, выдержанном в строгом стиле. По каменной стене сбегал водопад белых роз, на их цветах сверкали капли росы. Тариэль, очарованный этим великолепием, обратил внимание на каменный герб над входом: щит с причудливым изображением геральдического дракона и широкой лентой с высеченной надписью: «Обладать и властвовать». Похоже, князь принадлежал к знатному роду, девиз которого был достоин короля.

— Нравится? — спросил глуховатый вкрадчивый голос.

Тариэль обернулся и увидел невысокого темноволосого человека лет сорока пяти с глубоко посаженными и почти круглыми, как у совы, глазами под тяжелыми веками; одетый во все черное, мужчина производил настораживающее впечатление, впрочем, возможно, таковое цветное предпочтение было продиктовано желанием значительно увеличить свой небольшой рост.

— Похоже, архитектор обладал отменным вкусом, — согласился Тариэль.

— Да, мой предок, обосновавшись в Нумалии после долгих странствий, не нанял бы бездарностью для сооружения родового гнезда, — кивнул

незнакомец, не оставляя сомнений в том, что он и есть князь Гаал. — Ты, вероятно, тот самый мастер, с которым Ингун условился о встрече? Проходи в дом, я ждал тебя.

— Откровенно говоря, я никак не отношусь к числу великих мастеров, — сказал Тариэль, заметив, что Гаал сам почему-то заинтересован в знакомстве с ним, но пока не задавая вопросов по этому поводу, — работаю по заказам ради средств к существованию и любопытства, не позволяющего мне подолгу задерживаться на одном месте.

— Как твоё имя? — спросил князь. — Может быть, я о тебе слышал. Я большой поклонник высокого искусства и накоротке знаком со многими хайборийскими художниками. Ещё мой предок заложил основу коллекции тавол, которая является моей гордостью...

— Тариэль, — слегка поклонившись, назвал себя тот. — Я родом из Аргоса.

Свиные глаза Гаала чуть прищурились.

— Это не аргосское имя. И очень, очень странное. Оно настоящее или ты сам так себя называешь?

— Настоящее и было дано мне при рождении, у меня нет прозвища, заменяющего имя, как у многих мастеров, — сказал Тариэль.

— А к какой школе ты принадлежишь? — продолжал допрос Гаал.

— Я самоучка, не придерживаюсь никакого определенного направления. Птица тоже поет, не думая о том, что ей никто не оставил голос.

— И никаких рекомендаций у тебя нет?

— Увы. Я не забочусь о том, чтобы их получать, просто занимаюсь тем, что мне нравится и удается...

— Замечательно! Великолепно! — неожиданно воодушевился Гаал. — Как раз то, что мне нужно. Я не хочу, чтобы работа, выполненная для меня, напоминала нечто, выполненное в каком-либо другом месте, она должна быть, в своем роде, единственной. Если ты еще и талантлив, мы останемся взаимно довольны друг другом.

Он увлек Тариэля за собой. Изнутри дом производил не менее сильное впечатление, чем снаружи. Величественный холл с высоким потолком был залит солнечным светом, который просачивался через вентиляционные отверстия и бил в окна, расположенные по бокам парадной двери. Панели из светлого дуба на стенах отливали мягким блеском, пол был искусно выложен бело-голубой плиткой; лестница с резными перилами, из полированного дуба, вела на галерею, разделяясь посередине на два рукава. Не переставая говорить, Гаал проводил Тариэля в элегантно обставленную гостиную и предложил вина, между делом сообщив, что является владельцем обширных виноградников.

— Урожай последних лет были просто превосходны, — добавил он, зорко следя за реакцией Тариэля. — Ты знаешь толк в хороших напитках; не похож на бродягу, готового пить любую прокисшую бурду. Или ты сам непростого рода, или получил достойное воспитание.

— И то, и другое, — кивнул Тариэль, не вдаваясь в подробности — он не собирался объяснять, что вообще не имеет никакой родословной, а «воспитанием» его манер занимались жена, а не мать и отец.

Гаал тут же вновь перевел разговор на живопись, проявляя недюжинные познания в этой части, так, словно ни что в жизни не интересовало его сильнее. Допрос, хотя и в мягкой форме, длился довольно долго.

— Представь только всю глубину моего несчастья, — произнес затем князь. — Я высоко ценю прекрасное, но боги не даровали мне умения самому владеть кистью! Я безмерно завидую людям, наделенным талантом к живописи, как бескрылое существо может завидовать птицам. Я был отдал все свое состояние за способность, которой столь щедро наделены подобные тебе, но мне остается только смотреть и восхищаться чужими творениями... Итак, Тариэль, я бы хотел испытать тебя.

— Но, господин, — решил возразить Тариэль, — я договорился о работе для Ингуна.

— Ингун, этот молодой повеса, уже успел, пожалуй, забыть о том, что вы вообще условились встретиться,— отмахнулся Гаал.— Но мы обойдемся и без него,— в голосе князя прозвучало нечто неуловимо злорадное, заставив Тариэля насторожиться.— Знаешь ли ты, как в Вендии проходят испытание люди, коим предстоит работать лекарями? Это любопытно! По состоянию глаз человека они в точности должны определить болезнь и способ исцеления, и горе тому кто ошибется — такому приходится расстаться с жизнью. Что скажешь?

— Откуда мне знать, если я не лекарь? — осторожно ответил Тариэль.

— А я приветствую этот достойный способ избавлять мир от самозванцев, несведущих в собственном ремесле. Я тоже далек от медицины, и только искусство является моей истинной и единственной страстью,— голос Гаала понизился до шепота.— Но я не терплю самозванцев, тех, кто своей убогой бездарной мазней позорят самое высокое имя живописца. Оскорбляя богов и людей, они не имеют права жить. Ты согласен?

— Не думаю, что отсутствие таланта заслуживает смертного приговора,— возразил Тариэль, которому подобный поворот беседы нравился все меньше и меньше.

— Само по себе нет, конечно. Но только если человек при этом не набирается наглости выдавать себя за то, чем не является. Ты говоришь,

что ты художник... но теперь тебе придется доказать свои слова. Признаться, ты мне понравился. И я буду несказанно огорчен, если окажется, что ты самозванец. Я предоставляю тебе все условия для работы на трехдневный срок. Если то, что ты изобразишь, будет свидетельствовать о твоём мастерстве,— получишь такой заказ, о котором можно только мечтать. Но если нет...

— Я понял,— сказал Тариэль, стараясь сохранить достоинство и хладнокровие. В подобных случаях ему очень помогало простое средство — он принимался считать удары собственного сердца, и сейчас остался доволен тем, что оно билось ровно, не позволив страху овладеть собой. Хотя, глядя на Гаала, он теперь понимал, что имеет дело с опасным безумцем, в ловушке, из которой сложно будет найти выход.— Что я должен изобразить?

— Все равно. Для меня важно, чтобы это было сделано... хорошо. Даже если работа не будет завершена в срок, не страшно. Уже и того, что я увижу к тому времени, довольно, чтобы судить о твоём мастерстве... или его отсутствии.

«Отец,— подумал Тариэль,— прости, что я решился нарушить твой запрет! Ну да теперь ничего не поделаешь. Соберись и успокойся,— приказал он себе в точности так, как делал это когда-то перед выходом на арену Халогии.— Ты справишься».

Гаал продолжал пристально наблюдать за ним, словно чего-то ожидая — может быть, мольбы о пощаде или хотя бы вполне объяснимого в таких обстоятельствах проявления тревоги. Не дождался и благосклонно усмехнулся.

— По крайней мере, ты не трус. Уверен в себе?

— Ровно настолько, как птица в клетке может быть уверена, что исполнит лучшую в своей жизни песню, — ответил тот. — Где я могу расположиться?

— У меня есть мастерская, — сообщил князь, — полагаю, ты оценишь ее. Среди моих близких знакомых и даже друзей немало художников, и я стараюсь, чтобы будучи гостями в моем доме, они ни в чем не знали отказа и не чувствовали себя стесненными, так что предоставляю им наилучшие условия, если возникнет желание что-либо написать. Идем, я сам провожу тебя. Но, — добавил он, — очень надеюсь, что ты не станешь совершать непоправимых глупостей и оказывать сопротивление. Здесь повсюду мои слуги. Не хотелось бы, чтобы наше знакомство закончилось быстро и бесславно.

Таризель никогда не считал себя дураком, но, впрочем, вынужден был признать, что прежде ему несказанно везло — не доводилось иметь дело с ненормальными, а значит, совершенно непредсказуемыми людьми. В то же время он не мог избавиться от навязчивого ощущения, будто

князь Гаал вовсе не безумен но отчего-то хочет, чтобы его пленник думал о нем именно так. Изображать безумца? Зачем? Смысл странной «проверки», устроенной ему Гаалом, ускользал от Таризеля, зато злость на своего тюремщика делалась все сильнее. «Ладно же, — подумал он, — мы еще посмотрим, кто из нас кого станет испытывать!»

То, что Гаал назвал мастерской, представляло собою просторное помещение с верхним освещением, в самом деле, мечту любого живописца, но пристрастный взгляд Таризеля в первую очередь выискивал маленькую лазейку, способную позволить ему сбежать. Гаал не мог предположить, что связался с человеком, отличающимся исключительной, обезьяньей ловкостью, гибкостью и предприимчивостью. Спустя несколько минут у Таризеля уже возник совершенно ясный план побега, но он решил не торопиться с этим делом — успеется. Сначала он выполнит то, чего ждет от него этот сумасшедший, а уж потом оставит клетку пустой.

Таризель с комфортом расположился в удобном кресле с высокой резной спинкой, закинув руки за голову, вытянув длинные ноги и полуприкрыв глаза. Он не спешил хвататься за кисть, позволив будущему изображению возникнуть сначала внутри своего существа и заполнить его целиком, постепенно приводя в то особое состояние полной поглощенности тем, что

предстояло сделать, которое являлось почти трансом, между сном и явью, и совершенно уничтожало все внешние помехи, вытесняло посторонние мысли и чувства; ненаписанная картина проявлялась перед его внутренним взором постепенно, величественно выступая из небытия. Необработанная тавола, ожидающая его прикосновения, точно робкая девственница, готовящаяся впервые познать радость любви, уже сияла для Тариэля почти нестерпимым блеском золота и лазури, соперничающей с небесною синевой. Странно, он никогда не делал подобного, но откуда-то совершенно точно знал порядок выполнения всех необходимых предварительных действий, словно занимался живописью всегда.

Принявшись за работу, Тариэль трудился до поздних сумерек, не ощущая ни голода, ни усталости. Некий ни на что не похожий и ни с чем не сравнимый жар сжигал его изнутри, лихорадочные отблески его полыхали в прищуренных глазах. Когда дневного света стало недостаточно, Тариэль потребовал огня — похоже, Гаал велел слугам исполнять все, чего ни пожелает его пленник, и те поспешно зажгли сотни свечей, позволивших продолжать работу.

Наконец Тариэль остановился и отошел от таволы на несколько шагов. Склонив голову к плечу, он взирал на изображение, словно не веря, что имеет непосредственное отношение к нему. Как дитя, рождаясь на свет, властно требует

освобождения, разрывая чресла мечущейся в агонии женщины и безразличное к ее слезам и стонам, так и картина подлинного мастера ничего не желает знать о человеческой усталости либо немощи своего создателя: она требует от него явить миру и не оставляет его в покое, доколе не будет завершена, точно некий самостоятельный организм, особая форма бытия, не созданная, а рожденная.

Тариэль с трудом разжал пальцы, продолжавшие почти судорожно сжимать кисть, и перевел дыхание, постепенно возвращаясь к реальности и вспоминая, кто он, где и почему. Транс, в котором он пребывал столь долгое время, сменился странным чувством опустошенности, словно после восторгов любви. Понадобилось еще несколько минут, чтобы к Тариэлю полностью вернулась способность мыслить здраво. Он огляделся. Пожалуй, пора отсюда выбираться. Тариэль задул свечи, благо темнота отнюдь не была для него особой помехой, и подошел к стене, на которой еще прежде заметил слегка выступающий наружу камень.

В те времена, когда ему доводилось выполнять особые поручения Донала Ога, он усвоил множество принципов действия хитроумных устройств, позволяющих проникать внутрь казавшихся непреступными помещений, а также покидать таковые, оставаясь незамеченным. Для неподготовленного человека таких деталей не

существовало, но он точно знал, где и что следует искать, а потому обыкновенно, и находил. Коснувшись камня рукой. Он слегка нажал на него, и часть стены бесшумно отодвинулась, открывая проход в длинную узкую галерею. Как просто, подумал Тариэль. Зачастую требовалось еще отсчитать определенное число соседних камней вверх, вниз или в сторону, обычно это число бывало одним из сакральных — два, три, семь или восемь. Но здешний хозяин не стал утруждать себя дополнительными сложностями: ошибка излишне самонадеянных людей, полагающих себя во всем умнее других.

Тариэль, неслышно ступая, двинулся по галерее, стены которой были завешаны древними гобеленами, пока не достиг ведущей вниз крутой чугунной винтовой лестницы. Спускаясь по ней, он услышал голоса, отчетливо доносившиеся из-за стены, и замер в неподвижности, стараясь не пропустить ни слова.

— Я не мог одновременно преследовать обоих,— оправдывался некто.— Этот гигант умчался среди ночи, как на пожар, едва не затоптав меня копытами своего проклятого жеребца. Даже если бы я тут же бросился искать подходящую лошадь, то вряд ли смог угнаться за ним. К тому же я предположил, что нам нужен не он, а как раз второй, тот, который художник, и, похоже, не ошибся. Я следил за ним до тех пор, пока он не переступил порог замка. Кстати, господин,

что ты о нем думаешь? Это тиариец или просто обычный ремесленник-бродяга, каких множество?

— Я не могу ответить определенно, пока не увижу, как он пишет,— проворчал другой голос, явно принадлежавший Гаалу.— Тиарийскую технику ни с одной иной нельзя перепутать. У меня есть целых три бесценных таволы с Тиара, хотя они и не принадлежат кисти магов. Но все равно, так не напишет ни один человек, если он не хранитель их древних секретов. Эти таволы сияют. Ингун! Нет, почти невероятно, чтобы он оказался тиарцем, хотя его необычное имя наводит на определенные размышления. Ты когда-нибудь встречал человека, которого бы звали Тариэль? В этом имени сочетаются земля и небо, так может зваться сильный демон, а не простой смертный.

— Но он, наверное, уже хоть что-то успел нарисовать? — предположил Ингун.— Не могли бы мы на это взглянуть прямо сейчас?

— Написать,— раздраженно поправил Гаал.— Твое невежество отвратительно! Рисуют дети, пальцем на песке, запомни это, а мастера пишут! Признаться, я едва сдерживаюсь, чтобы не отправиться к нему, но я сам дал ему три дня, и...

— Ну и что,— упорствовал Ингун,— ничего не случится, если мы все выясним раньше.

— Подождем хотя бы до утра,— помолчав, решил Гаал.— Не спеши, он куда-то денется.

— Но я могу хотя бы понаблюдать, чем он занят?

— Иди, проверь. Спроси, не нужно ли ему что-нибудь, если он не спит.

Таризель поспешно метнулся назад, быстро преодолев лестницу и галерею, и едва успел задвинуть проем в стене, как в замке запертой двери повернулся ключ.

— Эй,— окликнул его Ингун,— да ты, точно, спишь?

— А что я еще должен делать среди ночи, если весь день работал, как проклятый? — спросил Таризель.— Ты мерзавец, Ингун. Заманил меня к этому своему князю, вот теперь если ему не понравится то, что я сделал, он грозитя меня убить. Тебя совесть не мучает, что ты губишь невинного человека?

— Да ничего он тебе не сделает, пугает только,— ответил тот.— Это у князя такая игра! Ай мне, раз уж я здесь, хотя бы посмотреть, что у тебя получается,— просительно протянул Ингун.

— Плохая примета — показывать незавершенную работу,— возразил Таризель.— Иди отсюда, не для тебя стараюсь. А будешь настаивать, пожалуюсь князю, что ты мне мешаешь.

Угроза подействовала. Потоптавшись на месте и повздыхав, Ингун неохотно удалился, а Таризель погрузился в размышления. Так вот почему он здесь! Значит, Гаал принимает его за тиарца?! Поразительно, Таризелю доводилось слышать о

Тиаре, но он был убежден в давней гибели острова, с которого никто не спасся. Вероятно, князь действительно одержимый и мечтает заполучить для себя мастера, каким-то немыслимым образом связанного с Тиаром, верит, что кто-то мог уцелеть и оставить потомков, и не расстается со своей бредовой затеей. Ну, чудеса. Понятно, что Гаалу с ним в очередной, десятитысячный, наверное, раз, не повезло. Он, Таризель, к Тиару не имеет ни малейшего отношения. А вот на таволы, которые упоминал князь, взглянуть было бы интересно. Надо думать, они недешево обошлись Гаалу, Таризель знал, что каждая такая картина стоит целого состояния. Впрочем, для фанатичного собирателя это не помеха — такие готовы последнюю рубашку отдать за новое приобретение для своей коллекции. Между прочим, у самого Таризеля тоже имелись две тиарские амфоры, часть приданого Дары, являвшиеся подлинным украшением дома, но таволы ценились выше. Он вспомнил, что всегда испытывал благоговейный трепет, прикасаясь к амфорам, образцам совершенства, а потому вполне мог понять Гаала, помешавшегося на тиарской живописной традиции.

Хотя до рассвета было еще далеко, Таризель испытывал такое возбуждение и подъем, что решил совершить еще одну вылазку, уже не с целью сбежать, а в качестве тонкой мести вероломному князю, не подозревавшему, что его

пленник вовсе не столь несвободен, как хотелось бы. Для верности он заклинил замок своей импровизированной тюрьмы изнутри, воспользовавшись тонкой цепкой от одной из необработанных тавол — если кто и явится сюда, дверь отпирать придется долго — и отправился в путешествие. Никакой определенной цели он перед собой не ставил, хотя был бы не прочь отыскать место, в котором Гаал хранит картины — очевидно, святая святых замка. Если князь не совсем дурак, рассуждал Тариэль, то не станет держать их в нижних помещениях, где сырость может повредить краскам, но не выберет и слишком ярко освещенное место, доступное безжалостным солнечным лучам. Представив себе общую планировку замка, Тариэль уверенно направился в запасное крыло, миновав благоухающий восхитительными ароматами висячий садик (и попутно прикинув, как бы соорудить у себя такой же), и вскоре наткнулся на массивную дверь, которая вряд ли вела в жилое помещение, зато выглядела неприступной как раз настолько, чтобы скрывать за собою нечто чрезвычайно ценное. Ничего, напоминающего замок, на ней не имелось, из чего следовало, что открывается она примерно тем же способом, что и выход из мастерской — поворотом замаскированного «ключа». Конечно, Тариэлю могло и не повезти, ибо таковой «ключ» мог находиться в другом помещении и приводиться в действие с помощью

сложной системы шестеренок и цепей, но на всякий случай он тщательно, дюйм за дюймом, исследовал стены на уровне человеческого роста (учитывая, что князь Гаал отнюдь не гигант). Есть! Дверь подалась столь же легко и тихо, как и в мастерской, и Тариэль, не раздумывая, шагнул внутрь.

Лучше бы он этого не делал.

Удушливый смрад обжег ноздри и выбил слезы из глаз. Тариэль задержал дыхание. Вообразить себе, что способно источать подобное зловоние, он не мог, но понимал — это либо живое, либо относительно недавно было живым. В пользу первого предположения свидетельствовало то, что оно дало знать о себе глухим ворчанием, каковое могло принадлежать крупному хищнику. В свете нескольких факелов, горевших на стенах, Тариэль разглядел здешнего обитателя, кольцами свернувшегося в углу и поднявшего медленно покачивающуюся из стороны в сторону голову на длинной змеиной шее.

Кошачью голову с угрожающе приподнятыми острыми ушами.

— Вундорм,— вслух сказал Тариэль, отступая назад.— Замечательно. Странно, но человек отнюдь не всегда оказывается рад, когда находит то, что искал.

Кольца молниеносно распрямились, подобно гигантскому аркану, брошенному опытной рукой. Змея совершила смертоносный прыжок, но

Тариэль каким-то чудом в последнюю долю мгновения успел очутиться по другую сторону двери. Шипение и злобный рев разочарованной гадины прозвучали в его ушах сладостной музыкой.

Не медля, Тариэль устремился прочь прежним путем, и на сей раз преодолел расстояние до мастерской с такой скоростью, о какой и не подозревал, что способен ее развивать.

На Великих Играх в Аргосе он, безусловно, оставил бы далеко позади лучших хайборийских бегунов.

Как только он оказался на безопасном расстоянии от Вундорма, Тариэля разодрал совершенно неуместный истерический смех.

— Ну, я, точно, великий герой, — потешался он сам над собою, — слава богам, что этого позора никто не видел!

На самом деле, то, что испытал Тариэль, было не столько ужасом, сколько нестерпимым отвращением — чувством зачастую более сильным и непреодолимым, тем самым, что заставляет людей поднимать дикий визг и терять сознание при виде паука или крошечной мыши, совершенно не способных причинить существенного вреда.

Рептилии всех мастей вызывали у него именно такие ощущения. Тариэлю мучительно захотелось немедленно напиться и хотя бы на время забыть пережитый кошмар.

Лишь немного успокоившись, он осознал, что достиг цели. — Вундорм, убийца Хэма, найден, пусть и благодаря чистой случайности. Значит, все разговоры о нем — вовсе не легенда.

И главное, раз Гаал держит это отродье преисподней в своем замке, то именно он, князь, и есть глава Ордена Воплощения, настоящий, чрезвычайно опасный враг, справиться с которым в одиночку едва ли удастся. Сейчас было самое время сообщить обо всем Доналу Огу, завершив свою миссию.

Но не тут-то было!

Тариэль испытывал стыд за позорное проявление недостойнства при встрече с Вундормом и едва ли не более сильным — за то, с какой стороны проявлял себя в течение последних лет. Когда-то он действительно был героем и умел встать выше любого страха. А теперь даже Конан считает, будто он прячется за женскую спину.

А сколько раз ему приходилось видеть тень брезгливой жалости в глазах Конгура, своего мальчика? Еще бы: невелика честь для отца семейства буйнить в кабаках и заваливаться домой пьяней вина. Нет, этому надо положить конец, вернув себе достойное имя.

Он явится в Бельверус с головой Вундорма, уничтожив Орден Воплощения. После этого никто уже не скажет и не допустит даже в мыслях, что граф Тариэль — ни на что не способное пи-

чтожество. И хорошо, что Конана нет рядом. Это будет его собственный подвиг, который ни с кем не придется делить.

Или уж его собственное окончательное поражение.

Таризель вспомнил об одном не самом приятном случае в Халогe. Он тогда уже имел репутацию сильного бойца и хотел, чтобы все это признали.

Болезненно самолюбивому юноше казалось, будто кое-кто не воспринимает его всерьез, в частности, гипербореец Асвар, огромного роста и совершенно невозмутимый светловолосый воин, отличавшийся, кроме прочих заслуг, философским складом ума — редкое качество для гладиатора, ибо в основной массе бойцы не блистали способностью быстро соображать, а и грамотой владели далеко не все; Асвар же знал множество хайборийских наречий и в свободное время изучал какие-то кхитайские книги, мог по памяти перечислить все небесные созвездия и увлекался нумерологией и каббалистикой, производя некие сложные расчеты на листах пергамента.

В Халогe Асвар оказался совершенно добровольно и не скрывал, что дерется ради денег, которые необходимы ему, чтобы учиться дальше. Мимо Таризеля он ходил, как мимо пустого места. Впрочем, Асвар вообще держался особняком и разве что с Конаном изредка перекидывался

парой слов. Киммериец уважал этого парня, а Таризель молча страдал от ревности и снedaющего его душу неутолимого честолюбия.

В конце концов он предложил Асвару поединок. Гипербореец похлопал глазами, словно переваривая услышанное, отодвинул свой неизменный свиток с непонятными расчетами, лежавший на грубо отесанном столе, и поставил на этот же стол свою огромную руку, приглашая Таризеля померяться силами таким способом. Тот замер — выиграть у Асвара этот поединок было немыслимо, а проиграть нестерпимо позорно.

«Брось, малыш, не связывайся,— примириительно сказал тогда Конан,— каждому свое. Асвар же не берется жонглировать кинжалами!» «У-гм»,— подтвердил гипербореец, убирая руку и вновь уставившись в свои закорючки. Конфликт был вроде бы исчерпан, но неприятный осадок в душе остался. Таризель до сих пор помнил холодный испытывающий взгляд прозрачно-голубых, как чистые весенние льдинки, глаз Асвара и легкую снисходительную усмешку, тронувшую уголки его жестких губ. Унижение всегда помнится долго.

Конечно, Конан был прав тогда — каждому свое. В ловкости Асвар уступил бы Таризелю, да и картины писать этот умник вряд ли умел.

Картины... Таризель еще раз подошел к своей таволе и удовлетворенно вздохнул. А ведь не-

плохо получилось. Что там Гаал говорил о работах тиарийцев, о сиянии, которое от них исходит?..

Женский лик, изображенный Тариэлем, мерцал в серенькой рассветной полумгле так ослепительно ярко, что хотелось зажмуриться.

— Боги мои,— выдохнул Тариэль,— неужели Гаал на сей раз не промахнулся, и я действительно...

Глава тринадцатая

Резкий, требовательный рев Повелителя заставил Гаала немедленно отправиться к нему. Ярость Вундорма на сей раз перехлестывала через край. Он метался и бил по стенам хвостом с такою силой, что на камнях оставались кровавые брызги. По счастью, в такое состояние он впадал редко, но успокоить его можно было лишь одним способом — выпустив на свободную охоту. Это было Гаалу известно, но никак не входило в его ближайшие планы. После гибели Хэма прошло совсем немного времени, Нумалия все еще оставалась взбудораженной этим трагическим событием, и риск оказаться раскрытым для Ордена Воплощения был неоправданно велик.

— Послушай,— обратился Гаал к Вундорму,— сейчас не самое подходящее время для Охоты! Чуть позже... ты же знаешь, что твоя воля — закон для меня, но нужно только немного подождать.

Гаал не знал наверняка, понимает его Повелитель или нет, имеет ли для Вундорма смысл человеческая речь. Он привык полагать Повелителя существом высшего порядка, но всякая живая вера имеет оборотную сторону — мучительные сомнения, и порой Гаалу казалось, что он имеет дело просто с опасным и напрочь лишенным разума животным. Все-таки Вундорм был, большей частью, рептилией, а всякий, кто берется содержать таковых, должен быть готовым к тому, что обожаемая гадина никогда не научится даже узнавать своего хозяина в лицо и способна без всяких угрызений совести употребить его в пищу. Это делает их богоподобными, ибо именно богам свойственна такая непредсказуемость, они зачастую подвергают своих преданных апологетов невообразимым мучениям, и, наоборот, сообразуясь лишь с собственной изощренно-жестокоей прихотью, возносят к вершинам недостойных. В этом смысле Вундорм очевидно принадлежал к сонму божеств. Слова Гаала не произвели на него впечатления. Он продолжал угрожающе шипеть и царапать каменные плиты пола твердыми, как закаленная сталь, когтями единственной пары конечностей, оставляя глубокие борозды, требуя свободы действий. Во взоре кошачьих глаз, обращенных на Гаала, стыла первозданная ненависть.

— Я посвятил тебе всю мою жизнь,— хрипло произнес князь,— и не заслужил того, чтобы ты меня так ненавидел!

Он и сам не подозревал до сего момента, как такие слова, исторгнувшиеся из самой глубины души, могут сорваться с его языка. Прежде Гаалу и в голову бы не пришло бунтовать, но сейчас он чувствовал, что его бесконечная и бескорыстная любовь к Повелителю глубоко уязвлена черной неблагодарностью этого существа.

— Тырываешь мне душу,— почти выкрикнул Гаал.— Это... несправедливо! Я... — его голос сорвался, а к горлу подступил комок.

Князю на миг показалось, что он умирает. Он испытывал чувства фанатика, впервые в жизни осмелившегося вместо униженных молений обратиться к небесам проклятья. Никто, кроме Вундорма, не был свидетелем этой одинокой трагедии. Но гадина слегка растерялась — не из-за смысла слов Гаала, но из-за незнакомой интонации своего восставшего раба.

Никогда еще князь не оставлял Повелителя, чувствуя такое глубокое раскаяние, с такою тяжестью на сердце.

Гаал знал о мертвом острове все. Начать с того, что его предки-торговцы довольно долго, в течение многих десятилетий, вели дела с Тиаром, до тех пор, пока один из них не решился совершить похищение запретной сакральной таволы. Наверное, насмешка или справедливость

судьбы в том и проявилось, что ловкий торгош и вероломный вор из всего, созданного на Тиаре, завладел самым уродливым и безобразным. Маленький остров так долго и щедро дарил миру истинную красоту и радость своих сияющих красок. Его жители имели полное право сохранять для себя свою особую тайну «живых» изображений. Но похищенная, она превратилась в великое зло.

Почему человек, точно капризное дитя, извечно стремится заполучить именно то, чего ему не должно касаться?!

До сих пор Гаал полагал служение Повелителю благословением и особенной привилегией своего рода. Но сейчас он впервые увидел в нем подлинное проклятье. Да и чего же еще заслуживал род вора, погубившего чудесный остров?

Он постарался немедленно прогнать крамольные мысли. Искушение, вот как это называется! Стоит поддаться таковому, и вся жизнь потеряет свой великий смысл.

Ничего, он, князь Гаал, сумеет преодолеть недостойную слабость. В самое же ближайшее время он исполнит волю Повелителя, как делал это всегда. И выпустит его на Охоту.

Но сначала нужно все-таки убедиться в том, что собой представляет пленник. Дождавшись утра, Гаал направился к Тариэлю, которого застал спящим сидя перед таволой, накрытой полотном, так что сразу увидеть изображение кня-

зю не удалось; он протянул руку, чтобы отодвинуть завесу, но его кисть оказалась словно в железных тисках, перехваченная пальцами Тариэля.

— Похоже на воровство, князь,— осуждающе проговорил тот.— Хотя бы из вежливости стоило сначала спросить разрешения взглянуть.

— Я бы так и сделал, но не хотел нарушать твой покой,— невозмутимо отозвался Гаал.— Ты, похоже, очень устал. Долго трудился?

— Пару часов назад закончил.

— О! Почти целые сутки! И в какой стадии находится картина. Кстати, отпусти меня, ты мне запястье ломаешь. Хватка у тебя, как у молотобойца.

— Обещай не прикасаться к таволе. Отведенное мне время еще не истекло.

— Хорошо, хорошо! Тебе ничего не нужно?

— Поговорить с тобой.

— Да? О чем? Я весь внимание,— Гаал потер кисть, на которой начали отчетливо проступать синяки от пальцев Тариэля.

— О Тиаре.

Князь замер, ему показалось, что он ослышался.

— О Тиаре, мертвом острове великих мастеров,— уточнил Тариэль, следя за его реакцией.— Поскольку ты считаешь себя знатоком и ценителем живописи, то должен хотя бы слышать о нем.

— Это так,— подтвердил Гаал,— да, конечно, я немало слышал об острове. И что же?

— В таком случае, тебе также известно, что никто из его жителей не спасся после извержения вулкана, а тиарская живописная школа погибла вместе с ними.

— Увы,— согласился князь.— Поэтому созданные там произведения весьма сложно приобрести.

— Но почему-то я уверен, что тебе это удавалось.

— Да, и тиарские таволы — жемчужина собранной мною коллекции, предмет моей особенной гордости. Но почему ты спрашиваешь?

— Что бы ты сказал, если бы тебе предложили дешево приобрести столько таких тивол, сколько пожелаешь иметь?

— Это невозможно. Большинство из них навеки погребено под слоем пепла на Тиаре. А если речь об искусных подделках, мне они не нужны. Я признаю только подлинники.

— И все же? Ты поспособствовал бы тому, чтобы такой человек вошел в узкий круг членов твоего Ордена, Магистр?

— Не понимаю, о чем ты... — начал было Гаал, выигрывая время, чтобы успеть оценить ситуацию, но в этот момент, не дав ему опомниться, Таризель рывком сдернул завесу с таволы.

— А это понимаешь?

— Где ты взял ее? — Гаал схватился за сердце.

— Это — подделка?

— Нет... она очень похожа на настоящую! Но откуда...

— Я написал ее за прошлые сутки, князь. Краски еще не до конца высохли, да и вообще работа не завершена, кое-где не хватает нескольких штрихов...

— Ты тиарец... — прохрипел потрясенный князь.

— Ну, да, до некоторой степени,— буднично отозвался Таризель, разумеется, не подавая вида, что сам узнал эту новость не далее как прошедшей ночью.— Тогда погибли не все, нескольким людям удалось спастись и продолжить род. Так что я, действительно, прямой потомок тех самых мастеров.

Гаал пошатнулся и, наверное, не устоял бы на ногах, если бы Таризель не успел его поддерживать.

— Представляешь, какое богатство само плывет тебе в руки, если я стану работать на тебя? — продолжал тот.— Ты многократно преумножишь свое состояние, продавая мои таволы и выдавая их за те, древние. Мне нужен толковый посредник. Что скажешь? Взамен я не потребую ничего, кроме того, чтобы вступить в Орден Воплощения.

— Зачем? — слабым голосом спросил Гаал.

— Ради власти,— пожал плечами Тариэль.— Достаточное основание?

— Как ты узнал о существовании Ордена?

— Глупый вопрос. Человеческая природа такова, что не всякому удастся совладать со своим длинным языком и сохранить тайну неприкосновенной. Кое-кто проболтался...

Тариэль полагал, что безупречно ведет игру. Гаалу просто некуда деваться! Он примет его условия, а тогда удастся выявить всех служителей Вундорма и уничтожить вместе с их демоном.

Гаал, кажется, уже вполне овладел собою. Задумчиво разглядывая Тариэля, он потер подбородок, перевел глаза на таволу...

— Видишь ли, я решаю многое, но не все,— изрек он.— Не только в человеческой власти определять, кто может принадлежать к Ордену, а кто нет.

— Ну так сведи меня с тем, кто это определяет,— решил Тариэль.

— Ты уверен, что хочешь этого? — поинтересовался Гаал.— Полагаю, твое желание не является невыполнимым.

«Выдел бы Конан, как мне удастся поворачивать события в свою пользу!» — подумал Тариэль.

Вряд ли он вполне понимал то, но самым страшным врагом Тариэля было непомерное самомнение, замешанное на потребности в признании его заслуг. Наверное, привычка наслаждать-

ся публичным вниманием возникла у него еще в детстве, когда он танцевал перед толпой — или просто так, или на канате, что особенно впечатляло людей, ибо нет ничего более привлекательного для человека, нежели когда кто-то рискует жизнью ему на потеху; либо жонглировал остро отточенными кинжалами, и они летали над его головой так быстро, что казались одною серебряной дугой... О, как сладостно было тогда находиться в центре всеобщего внимания и видеть обращенные к себе изумленные и восторженные лица! Ради этих мгновений Тариэль был готов на смертельный риск и ежедневный изнурительный труд тренировок. Позже он вновь нашел себя на арене Халогги, где происходило, по сути, то же самое. То, что Тариэль стал взрослым мужчиной, мало что изменило — он, как и прежде, по-детски жаждал признания и оваций со всею страстью, на какую способна человеческая душа.

Даре это было отлично известно. Она не упускала ни малейшего повода, чтобы выразить свое восхищение мужем, сказать ему о том, что он, Тариэль, самый лучший, сильный и умный человек, какого она когда-либо знала. В ее словах не было ни капли лести, поскольку Дара, кажется действительно именно так и считала. Тариэль всегда был героем в ее глазах! Но увы, слепой и жестокий мир в целом вовсе не разделял ее мнения, а одного-единственного восторженного зрителя Тариэлю было недостаточно.

На белом коне и с головой Вундорма он, уж точно, окажется тем самым героем, каким Таризю хотелось, чтобы его видели все. И Конан. Конан, который пока еще не понял, кто был лучшим в Халогге и сколько он потерял, отвернувшись тогда от Таризя и не взяв его на путь поиска подвигов.

* * *

— Ты совсем не привык, чтобы за тобой ухаживали,— сказала Джахель, передавая Конану одуряюще пахнущее мясо, приготовленное Дарой по какому-то особому рецепту: хотя в доме было более чем достаточно прислуги, в том числе и для работы на кухне, Дара редко доверяла кому-то другому в вопросах приготовления пищи, предпочитая заниматься этим сама. И надо сказать, у нее получалось прекрасно.

— Почему ты так решила? — спросил Конан, взглянув на девочку и про себя отметив ее разительное сходство с матерью: точная копия Дары, только совсем юная, у них даже прически были одинаковыми.

— Ведь у тебя нет семьи, и о тебе некому позаботиться,— отозвалась Джахель.

— Ну, я как-то и сам вполне справляюсь.

— Это не значит, что тебе всегда нравится так жить,— заметила девочка.— Я думаю, любому человеку приятно и важно быть кому-то небезразличным.

Барвар почувствовал странную неловкость. Наверное, потому, что девочка попала в точку. Сейчас, сидя за столом с Дарой и детьми, в число которых совершенно естественно входил и Райбер, он мысленно представлял себя главой семьи, и это не было Конану совсем уж неприятно или дико. Хотя он, конечно, понимал, что это не его семья и не его жизнь, и он здесь всего лишь случайный зритель и гость.

— У тебя ведь и дома, наверное, нет,— продолжала Джахель.

— У меня есть дом в Киммерии,— возразил Конан,— откуда я родом.

На этот вопрос он не мог ответить утвердительно, а лгать не видел нужды.

— Нет,— коротко ответил варвар.

— Значит, это не настоящий дом,— сделала вывод Джахель.

— Оставь Конана в покое,— велела Дара.— Ты его смущаешь. Что ты, в самом деле, устроила допрос?

— Это вовсе не допрос, просто мне интересно, как он живет, и если Конану не нравится, он сам может сказать мне, чтобы я замолчала.

Даже их голоса были так похожи, что, если не смотреть на мать и дочь, возникало ощущение, будто человек говорит сам с собой.

— Чем ты занимаешься? Ты наемник и турнирный боец, да? — снова взялась за Конана Джахель.

— Турнирный боец?

— Тот, кто дерется на турнирах вместо знатных господ, за деньги,— пояснила она.— Я видела, у тебя все тело покрыто шрамами.

— Джахель,— опять одернула ее Дара, недоумевая, что это нашло на ее дочь, обычно не отличавшуюся ни болтливостью, ни бестактностью: а сейчас девица как с цепи сорвалась.— Ты переходишь все границы приличий, дорогая.

— У меня и на лице достаточно шрамов,— заметил Конан, опуская вопрос, где и при каких обстоятельствах она так подробно его разглядела.— Тебе это кажется безобразным?

— Нет,— поспешно и серьезно отозвалась Джахель,— ты очень красивый. Просто я подумала, как ты, должно быть, страдал, когда они были свежими ранами. И был ли тогда рядом с тобой кто-нибудь, способный облегчить твою боль.

— Иногда,— неопределенно отозвался киммериец, не понимая, откуда у такого юного создания эти интонации взрослой женщины и умение столь точно и откровенно выражать свои мысли. То, что говорила Джахель, и главное, как она это говорила, было почти интимным.

Младшие дети, Райбер и Элай, не обращали внимания на взрослых и в разговор не лезли постольку, поскольку были заняты друг другом — похоже, они успели сдружиться не разлей вода. И Райбер, в самом деле, совершенно не отличал-

ся от любого обычного мальчишки. А вот Конгур сидел, словно набрав в рот воды — поведение сестры поражало его не меньше, чем Дару, а некоторые реплики даже заставляли краснеть. Он не узнавал Джахель! Конгур не мог припомнить, чтобы она когда-либо прежде позволяла себе подобные вольности, общаясь с людьми, которые были в доме гостями. Обыкновенно Джахель вообще бывало не видно и не слышно, и во все не из-за излишней скромности, он-то знал, какой она может быть смелой, прямой и дерзкой, но из-за природного чувства такта. Будь Джахель постарше лет на пять, ее нынешнее поведение можно было бы расценить как откровенное заигрывание с мужчиной, и это у Конгура в голове не укладывалось. Будь она младше, ее слова сошли бы за проявление детской непосредственности. Но Джахель было почти тринадцать зим. Не дитя и не девушка. Вот и попробуй оценить, что у нее на уме.

— Тебе приходилось много сражаться, Конан? — продолжала Джахель.

Он кивнул, не вдаваясь в подробности.

— И убивать других людей?

— Случалось. Если они вставали на моем пути.

— Надеюсь, ты умеешь это делать,— изрекла Джахель.

— А что, ты подумывала о том, чтобы кого-то убить? — спросил киммериец, связывая ее слова

с предыдущими, о том, не являлся ли он наемником.— И тебе нужен человек, способный это осуществить?

— Пока нет. У меня нет врагов, которых необходимо лишать жизни, чтобы устранить исходящую от них угрозу. Я просто имела в виду, что, когда человек погибает в бою, лучше, если сразу. И приговоренный к казни предпочтет, чтобы топор палача был достаточно острым и отсек голову одним ударом. Никто не хочет умирать долго и в мучениях. Поэтому если ты убиваешь, то милосерднее делать это наверняка. Быстро и не заставляя своего противника страдать от ран.

Положительно, Джахель была не только умна, но и обладала способностью мыслить весьма необычно.

— И ты полагаешь, что мои противники были неопытны или слишком жестоки, потому что я много раз бывал ранен, но при том не смертельно?

— Может быть.

— Джахель, побеждает тот, кто более уверен в себе, сильнее и быстрее в реакции,— как мог, объяснил ей Конан.

— Наверное, у тебя было много... — она замолчала, споткнувшись на слове, которое хотела произнести.

— Врагов? — помог ей киммериец.

— Женщин,— решила Джахель.— Ты сильный и добрый. Тебя должны любить самые лучшие женщины. Почему же ты до сих пор не выбрал среди них ту, которая могла бы стать твоей женой и родить тебе детей?

— Совсем спятила,— развел руками Конгур.— Остановит кто-нибудь это несносное создание или нет?! Джахель, ты что, не понимаешь пределов, за которые не следует переступать?

— Пусть говорит,— ледяным тоном произнесла Дара, глядя на дочь так, что если бы у камня могли быть глаза, то они бы примерно такими и были.— Даже интересно случается узнать, на что способны окружающие тебя люди. Особенно если прежде и не подозревал за ними некоторых... талантов.

Конан, несколько сбитый с толку, между тем обдумывал вопрос Джахель.

— Наверное, я не слишком хорош для семейной жизни на одном месте,— наконец сказал он.— Я много времени провожу в странствиях, и примерный супруг из меня не получится.

— Она могла бы путешествовать вместе с тобой,— тут же парировала Джахель.

— Но женщины привязываются к дому, такого уж их природа. Всю жизнь проводить в пути не их стезя.

— Кошки привязываются к дому,— Джахель зашла уже слишком далеко, чтобы отступить.— А женщина, которая любит, готова разделить со

своим избранником любую судьбу. Все, что ей нужно,— это быть там, где он.

— Если ты так считаешь и сумеешь сохранить свою уверенность и в будущем, полагаю, мужчине, которому ты отдашь свое сердце, очень повезет,— одобрил Конан.— Верность и мужество — достойные качества, их трудно переоценить.

Произнося это, он смотрел на Дару, и та ответила ему благодарным взглядом. Кажется, варвар сумел достаточно красиво разрешить неловкую ситуацию, созданную Джахель.

— И меня не удивляет, что ты так рассуждаешь,— добавил он.— Имея перед глазами пример своей матери, странно было бы тебе мыслить иначе. Дара, ты можешь гордиться тем, что воспитала прекрасную дочь.

— У него нет жены, но есть я,— вдруг заявил Райбер.— Я — его семья, ведь правда, Конан?

— Ну да, пожалуй,— подтвердил киммериец.— Я вернулся именно за тобой, чтобы забрать тебя в Нумалию. Что скажешь?

— Здорово! — в восторге завопил Райбер. — Но... как же... Элай... и все? — тут же вспомнил он.

Почти всю свою коротенькую жизнь Райбер провел в одиночестве, в обществе одной лишь Ирьюлы, и не было ничего удивительного в том, что теперь, когда он впервые обрел приятеля, это было для него чрезвычайно новым, захватыва-

вающим и ценным. Хотя по возрасту он и был старше Элая, зато по опыту обычной, нормальной жизни тот, безусловно, значительно превосходил его.

Глаза Элая округлились и стремительно наполнились слезами.

— Я не хочу, чтобы Райбер от нас уходил,— он вцепился в своего друга мертвой хваткой.— Мама сказала, он может жить с нами!

Теперь мальчишки ревели вдвоем.

Конан мысленно возблагодарил небеса за то, что у него нет детей. В подобной ситуации он чувствовал себя беспомощным идиотом.

— Мы еще ничего не решили окончательно,— спокойно сказала Дара.— Не о чем рыдать. Джахель, если ты уже все на сегодня успела высказать, сделай милость — уведи детей и займи их чем-нибудь.

Девочка немедленно подчинилась. Конгур, пробормотав нечто невразумительное, тоже поспешил уйти. Оставшись с Дарой наедине, Конан сказал:

— Даже не думай, что я оставляю его здесь.

— Даже не думай, что я позволю увести ребенка одни демоны знают, куда,— в тон ему твердо возразила Дара.— Даже если в нем есть некая колдовская сила, в первую очередь Райбер — дитя, которому нужна семья, и...

Она не успела договорить, и неизвестно, чем бы закончился спор, прерванный появлением Донала Ога.

— Отец,— воскликнула Дара,— что случилось?

— Разве должно случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы я мог навестить свою дочь и внуков? — удивился тот, подходя к ней и усаживаясь рядом.

— Разумеется, нет, но...

— Ладно, ладно. Ты все еще дуешься на меня за то, что я отправил Таризэля с поручением в Нумалию? Напрасно. Уверю тебя, он скоро вернется. Ему пойдет только на пользу немного отдохнуть от твоей опеки, дорогая! Объятия женщины прекрасны, главное, не упустить момент, когда они становятся удушающими... Конан, а как вышло, что ты здесь? Разве ты не уехал вместе с Таризелем, или я что-то путаю?

— Мне пришлось ненадолго вернуться,— объяснил варвар,— но я вскоре намерен вновь покинуть Бельверус и присоединиться к нему.

— И я усматриваю в этом волю богов,— Донал Ог улыбался, однако Конан видел, насколько тот серьезен — глаза его оставались настороженными и суровыми.— Нам придется кое о чем поговорить, киммериец, и полагаю, мы никого не станем утомлять этой беседой.

— Ты ничего не ешь, отец,— заметила Дара, ибо Донал Ог действительно не притронулся к пище.— Выпей хотя бы вина.

— Спасибо, дорогая, может быть, позже,— он поднялся, жестом приглашая Конана следовать за собой.

Оставшись с киммерийцем наедине, Донал Ог сразу перешел к делу.

— Я собирался послать гонца в Нумалию следом за вами, но, по счастью, ты здесь и собираешься туда вернуться. Как скоро? Возможно ли, чтобы ты отправился нынче же? Ты не находишься в моем подчинении, я не могу тебе приказывать, поэтому спрашиваю.

— Многое зависит от того, чего ты от меня хочешь,— сказал Конан.— Насколько я понимаю, произошло нечто, требующее особенной срочности?

— Да, не произошло, но выяснилось. Одно время, уже довольно давно, я знал некоего Амальрика, стоявшего во главе Ордена Черного Ястреба,— произнес Донал Ог.— Он не состоял на службе в тайной охране, да и я тогда еще не был ее главой, однако, человек этот посвятил свою жизнь уничтожению колдунов, как и я. Пожалуй, во всем остальном между нами не было ничего общего. Ну, да я не стану вдаваться в ненужные подробности, скажу лишь, что Амальрик в своих весьма подробных записях, каковые

вел постоянно, упоминал о некоем Ордене Воплощения...

— Я слышал о нем от Тариэля,— подтвердил Конан.— Покойный Хэм в своих последних донесениях...

— Да,— прервал его Донал Ог.— Но в записях Амальрика названы некоторые имена, которые могут быть весьма полезны в поисках убийц. Я не сразу обратил на них внимание, ибо Амальрик зашифровал многие сведения в форме легенды, и только вчера, перечитывая ее, я многое понял. В Нумалии живет некий князь Гаал, неистовый собиратель древних предметов искусства, в том числе тавол. Так вот, предки его были торговцами, которые вели дела с Барахскими островами, и, в частности, с Тиаром, погибшим до последнего человека во время извержения вулкана. Амальрик предположил, что сей князь, вероятно, является владельцем магической реликвии, предмета, дарующего ему особые возможности, и имеет отношение к Ордену Воплощения, в основном благодаря этой реликвии. Там также шла речь о демоне, именуемом Вундвормом, и человеческих жертвоприношениях. Признаться, Амальрик, в отличие от меня, искренне верил в существование и силу демонов. Я же полагаю их скорее плодом человеческого воображения, во всяком случае, в большинстве своем. Но это дела не меняет. Демону или только его образу приносятся кровавые жертвы, ре-

зультат один. Думаю, имя Гаала должно стать известным Тариэлю. Видишь ли, киммериец, муж моей дочери в глубине души очень неплохой человек, и я не желаю ему поражения или какого бы то ни было зла, клянусь. Сам Тариэль может думать обо мне все что угодно, но я высоко ценю и по-своему люблю его, хотя мне жаль, что он недолго состоял у меня на службе, прежде чем жениться на Даре. Я не успел научить его дисциплине и разумному повиновению. Он из тех, кто нуждается в жестком управлении, точно норовистый конь, коему порой необходима бьет плетью... так вот, сведения, которые оставил Амальрик, должны помочь Тариэлю сузить круг поисков и в то же время быть очень осторожным.

— Князь Гаал,— повторил Конан.— Кажется, Тариэль собирался именно к нему. Слуга или дальний родственник Гаала пытался нанять его в качестве художника, за которого Тариэль решил себя выдавать.

— Тогда тем более тебе следует поспешить с возвращением,— волнуясь, произнес Донал Ог.— Сам того не подозревая, Тариэль может оказаться в руках этого человека и разделить участь несчастного Хэма. Амальрик подбирался к нему, но увы, ничего не мог сделать: Гаал хитер и изворотлив, как змея.

— Змея, которой он поклоняется,— кивнул Конан.— Я понял тебя! Не позднее завтрашнего

дня я отправлюсь в Нумалию, а до тех пор, если позволишь, я бы хотел сам познакомиться с записями Амальрика.

— Это вполне возможно,— согласился Донал Ог.— И даже хорошо. Вероятно, ты заметишь в них нечто такое, что я пропустил.

Положительно, Донал Ог был одним из самых странных людей, с которыми Конану пришлось встречаться за годы странствий. Ибо если в тех, кто, подобно ему и самому киммерийцу, на дух не выносил колдунов и магов, недостатка не наблюдалось, то все же никто не сомневался в силе таковых и не заявлял, будто вообще не признает существования демонов. Конану очень хотелось узнать у Донала Ога, каким образом тот пришел к подобным выводам. Кажется, глава тайной охраны почувствовал его недоумение.

— Конан, я столько зим посвятил борьбе с проклятыми лгунами, именующими себя хранителями тайного знания,— произнес он,— и уничтожил такое их количество, что если бы они в самом деле обладали какой-то властью, то давно расправились бы со мною самим. Однако, они принимали смерть как самые обычные люди, и не могли себя защитить. Где же были демоны, которым они служили? Куда девались все их ужасающие возможности, объясни, если знаешь ответ? Почему преисподняя не явила своей власти, чтобы их спасти, а меня уничтожить?

— Но того же Хэма кто-то ведь убил, разорвав на части,— попробовал возразить Конан.

В ответ Донал Ог неожиданно хрипло и зло рассмеялся.

— Люди, киммериец, своими собственными руками творят такое, что никогда не пришло бы в голову самому безумному чудовищу! Полчища демонов если где и обитают, то здесь,— он коснулся своей головы,— и здесь,— Донал Ог прижал руку к сердцу.

— А боги? — вырвалось у варвара.— Что ты думаешь о них?

— Ты неверишь, киммериец, если я скажу, что вообще о них не думаю,— тихо произнес Донал Ог.— Пожалуй, кое-что изменилось бы, если бы хоть раз в жизни мне представился случай убедиться во власти такого бога, который явил бы настоящее чудо, но увы...

— Какое именно? Что ты называешь чудом?

— Когда милость и правда восторжествовали хотя бы на час,— голос Донала Ога прозвучал устало.— Но я реалист и понимаю, что, как ни печально, этого никогда не дожусь. Да и ты тоже.

Если этого человека считают и называют кровожадным убийцей, подумал Конан, то мир, точно, совершенно безумен.

— Господин,— проговорил он,— я никогда в жизни не жал и не сеял, не музицировал и не писал ни картин, ни стихов. Все, что я умею,—

сражаться и побеждать. Я совершенствовался в искусстве убивать и делал это по первому требованию того, кто меня нанимал, а о богах задумывался не чаще, чем ты. Но я почел бы за честь для себя видеть в тебе человека, который мне доверяет, потому что, сдается мне, мы во многом похожи, и служить под твоим началом я нахожу достойным занятием.

— Благодарю,— искренне сказал Донал Ог. — И обещаю обратиться к тебе за помощью, если в том возникнет необходимость.

Глава четырнадцатая

статок дня Конан провел, изучая записи Амальрика и наблюдая за Райбером. Что касается мальчишки, он чувствовал себя все в более нелепом положении. Складывалось впечатление, будто все, связанное с необычным происхождением Райбера и его встречей с Аттайей,— не более чем его, Конана, домыслы. Хотя чего он, собственно, ожидал? Что у мальчишки на лбу появится огненная печать, ясно свидетельствующая о таящейся в нем с недавних пор силе? Может быть, пройдет немало зим, прежде чем таковая сила вообще даст знать о себе. Или не проявится никогда. Как знать?

День сменился закатом, дети отправились к себе — Элай ни в какую не соглашался расставаться с Райбером, так что Дара позволила им делить одну комнату на двоих.

И тут Конана посетила новая идея. С тех пор, как сын Ирьюлы обрел облик... что происходило

с его отражением? Хорошо бы это выяснить! Дождавшись наступления ночи, Конан раздобыл небольшое зеркало и отправился проверить свою догадку.

Неожиданно он заметил мелькнувшую на стене тень. Киммериец замер. За ним самим следят? Но кто? Конан приготовился встретить опасность лицом к лицу, однако каково же было его удивление, когда он увидел... Дару! Женщина медленно шла по коридору, в сторону лестницы. Ее руки висели вдоль тела, глаза были широко распахнуты, однако она прошла мимо киммерийца, умудрившись при этом не заметить его присутствия, босиком и в одной легкой белой тунике, не достающей даже до колен, что позволяло разглядеть ее длинные, изумительной красоты ноги с изящными маленькими ступнями. Стараясь не шуметь, Конан последовал за ней в сад, где прошедшей ночью бушевала гроза, а сейчас было совершенно тихо и светло почти как днем из-за сияющей на осыпанных мириадами звезд небесах луны, огромной и круглой. Дара прошла еще некоторое расстояние, затем остановилась, словно в нерешительности, и вдруг начала двигаться в танце, повинаясь неслышимой постороннему уху музыкальной мелодии, звучавшей у нее в голове. Зрелище было завораживающим! Лесной нимфе было бы, пожалуй, не сравниться с танцующей Дарой, на лице которой отчетливо читалось блаженство, почти экстаз;

сейчас ее трепещущие веки были наполовину опущены, чувственный рот приоткрыт; Дара излучала такую страстность, что самый воздух вокруг нее, казалось, был наполнен неистовой, неудержимой, первозданной силой желания. Все условности были отброшены и забыты. Какое-то время Конан наблюдал за ней, мечтая присоединиться к танцу, хотя и знал, что по этой части не силен — прирученный медведь, и тот, пожалуй, в танце выглядит изящнее. Поэтому он просто шагнул к ней и обнял. Натолкнувшись на препятствие, Дара остановилась, но не спешила отталкивать его; наоборот, она подняла руки и обвила ими шею киммерийца, доверчиво и нежно прижавшись к нему; запрокинув голову, Дара ждала, когда он сольется с нею в поцелуе. Ни один мужчина на свете не смог бы выдержать подобной пытки, и тем более это касалось Конана, который уже так давно мечтал о...

— Таризель,— выдохнула Дара за долю мгновения до того, как он накрыл ее губы, горячие и гладкие, своими.

Их поцелуй длился целую вечность. Конан почти не соображал, что делает. Сейчас для него не существовало ничего иного, кроме изнемогающего от неутоленного желания тела — Дары? своего? или это было единое целое, разделенное и готовое вот-вот снова слиться в одно? он не знал...

И тут Дара вскрикнула и отчаянно забилась в его руках, точно пойманная в силос птица.

Каким образом Конану удалось совладать с собой и не завершить столь удачно начатое, остается тайной. Он увидела глаза Дары, вполне осмысленные и полные недоумения, почти ужаса, и свое едва ли не безумное, искаженное дикой страстью лицо, отраженное в ее расширенных зрачках.

— Ты не Таризель,— воскликнула она, пораженная своим открытием.

Сомнамбула, «лунная невеста»,— сообразил киммериец. Вот в чем дело. Ему приходилось прежде слышать о таких людях, а Дара являлась одной из них. Она двигалась, но при этом крепко спала, а он, значит, едва не овладел ею, беспомощной, погруженной в глубокий сон. Конан издал глухое рычание. К душевной боли примешивалась физическая, тянущая боль в паху, словно от удара.

— Прости, что я не Таризель,— резко бросил он.— Клянусь, я совершенно в этом не виноват.

Он развернулся и пошел прочь, но Дара неожиданно догнала его и преградила путь. На ее лице читалась невыразимая мука.

— Но я тоже не виновата, что люблю только его,— произнесла она.— Конан, это сильнее меня, понимаешь? С какой стати я должна оправдываться в том, что люблю своего мужа?!

— Да я же не требую никаких оправданий,— нетерпеливо возразил он,— с ума ты сошла, что ли?

— Получается, я едва не соблазнила тебя,— пробормотала Дара.— Уже давно лунный свет не заставлял меня делать ничего подобного, я думала, что совершенно исцелилась, и... Конан, я не могу бросить тебя в таком состоянии!

— Ну, знаешь ли, я еще не опустился до того, чтобы женщины спали со мной из сострадания,— возмутился киммериец.— Мне только не хватало жертвы с твоей стороны.

Дара взяла его за руку и поцеловала.

— Спасибо,— тихо проговорила она.— С этого момента ты мне как брат. Больше, чем брат. Я привыкла никому не доверять в этой жизни, но ты — счастливое исключение, ибо не пользуешься чужой слабостью и не предаешь тех, кто оказывается в твоей власти, киммерийский медведь.

Ему вдруг стало легко. Момент слабости и страсти миновал.

— Ладно, сестрица,— усмехнулся Конан.— Все в порядке. Я действительно не люблю брать силой то, что принадлежит другому человеку. Разве что в крайнем случае, но сейчас случай совсем иной.

— А она поступила именно так,— сказала Дара.

— Кто?

— Араминта. Она хотела отнять у меня Тариэля. И для этого опоила его любовной отравой, сделала сильный приворот ему. Не думай, будто он сам... для него семья значит слишком многое. Я должна рассказать, я слишком долго молчала... Минта страшно завидовала нашей любви.

— Продолжай,— произнес Конан. — Говори, не бойся.

— Ей покоя не давало то, что мы счастливы, вот она и решилась на предательство. Встречаясь с Тариэлем, подмешивала в вино специальный настой, ворожила. Я находила в его одежде иглы, которые Минта вкалывала туда, чтобы привязать его к себе. Он был не в силах противостоять колдовству, у него же нет защиты, как у меня! Если бы он по своей воле сошелся с ней, я бы смирилась. Мне было бы очень больно, но я бы смогла это пережить, зная, что он счастлив. Но однажды поздним вечером я сидела с детьми и что-то рассказывала им. За окном хлестал дождь. Я почувствовала чей-то взгляд, подняла глаза и увидела, что он стоит в саду и смотрит на нас с такой тоской... он хотел, но уже не мог сам вернуться. Я выбежала, чтобы открыть ему дверь, впустить его, но Тариэля уже не было. Тогда я поняла, что должна помочь ему. Тариэль не знает, что это я подменила снадобья в доме Минты, чтобы погубить ее. Но я защищалась! Она сама бросила мне вызов...

— Своего рода поединок, который ты выиграла, воспользовавшись тем же оружием, что и твой противник,— сделал вывод Конан.— По-моему, все правильно. На твоём месте я бы поступил похоже.

— Мне нужно было услышать это от кого-то,— вздохнула Дара.— Минта была мне очень дорога.

— Когда друг превращается в противника, это вряд ли может обрадовать. Но тут уж или ты, или тебя,— для Конана такой вывод был совершенно естественным.— Тебе не о чем терзаться и не в чем себя винить. Мне проводить тебя, Дара?

— А ты разве не пойдешь в дом? — спросила она.

— Пойду, но сначала хочу проверить, как там мой конь.

Это было правдой лишь отчасти.

Зайдя в денник к жеребцу, киммериец постоял, стараясь окончательно успокоиться. Чуткий и нервный зверь, ощущая настроение хозяина, негромко заржал, перебирая ногами, и со вздохом, совершенно человеческим, положил тяжелую морду Конану на плечо.

Варвар обратил внимание, что жеребец прекрасно вычищен — видно, среди слуг нашелся смельчак, решившийся о нем позаботиться и даже расчесать гриву и хвост, рискуя получить ощутимый удар копытом или оказаться жестоко

искусанным. Самым странным было то, что одна прядь гривы Нергала оказалась заплетена в легкомысленную косичку, перевязанную, к тому же, голубой ленточкой. Ничего, менее соответствующего буйной натуре норовистого сильного зверя, представить себе было нельзя — разве что такую же косичку в волосах его хозяина. Конан покачал головой, но оставил все как есть. Пришла охота кому-то развлекаться подобным образом, ну и ладно.

Он вспомнил, что собирался навеститься к Райберу.

Конан вернулся в дом, нашел оставленное им на том самом месте, где он встретил Дару, зеркало и отправился в комнату Элая, застав там совершенно идиллическую картинку — дети спали в одной постели, голова к голове.

Колдун, тоже мне, подумал киммериец, разглядывая Райбера. Наверное, я, точно, сам сумасшедший...

Тем не менее, сообразно привычке доводить начатое до конца, он установил зеркало так, чтобы хорошо видеть отражение, и заглянул в стекло.

То, что он увидел, заставило киммерийца содрогнуться. Лицо Элая оставалось обычным, а вот отражение Райбера двоилось. В нем причудливым, пугающим образом смешивались черты двух людей, точно две прозрачные картинки, наложенные одна на другую: старик и дитя.

Значит, он не ошибся, будь оно все проклято. Конан едва сдержался, чтобы не швырнуть зеркало об стену, но вместо этого просто взял Райбера за плечи и встряхнул.

Парень открыл глаза. Конан приложил палец к губам.

— Живее одевайся. Поехали отсюда. Нам пора.

* * *

— Я не хочу,— хныкал, спотыкаясь, Райбер, но киммериец был неумолим — он молча тащил сопротивлявшегося мальчишку за руку в сторону конюшен.

— Я хочу спать! Я хочу остаться здесь!

— Стой на месте и не вздумай бежать,— предупредил Конан.— Все равно поймаю. А попробуешь орать, заткну рот. Что такое? Разве ты не мужчина? Мужчинам приходится и среди ночи пускаться в путь, оставляя тех, кого они любят, и при этом не распускать сопли. Я тоже хочу спать и вообще остаться. Как и ты.

— Тогда зачем нам куда-то ехать?!

Кто с ним сейчас говорил? Райбер или Атайя?

— Чтобы помочь в одном деле Таризэлю,— терпеливо отозвался Конан.— Он нас давно дожидается.

— Но мы потом вернемся?

Конан вывел жеребца из конюшни и, легко подняв Райбера, усадил впереди себя на седло. Вскочил следом.

— Мы вернемся? Конгур сказал, скоро храм богини Нат будет закончен, и там состоится первая служба, он хотел взять меня с собой! Я хочу посмотреть! Будет очень красиво!

— Когда? — спросил Конан, пуская Нергала легкой рысью.

— Через полторы седмицы. Мы успеем вернуться?

— Если не будешь без конца ныть и мешать мне, все возможно, — заверил Конан, закрывая мальчишку своим плащом от бьющего в лицо ночного ветра.

Райбер продолжал какое-то время обиженно сопеть, но вскоре согрелся, прижался к Конану и, кажется, задремал, что было неудивительно — им и прежде приходилось подолгу путешествовать подобным образом.

* * *

— Не подведи меня, Уиза, — Джахель нежно погладила лоснящуюся шкуру своей лошади — подарка отца, сделанного совсем недавно, всего несколько лун назад; но за это время девочка успела стать довольно опытной наездницей, не упуская случая совершить прогулку верхом, и между нею и смирной, но выносливой молодой

кобылой установилось завидное взаимопонимание; впрочем, Джахель вообще отлично ладила с лошадьми и нисколько не боялась даже самых злых и норовистых. — Мы с тобой их непременно догоним, только поначалу придется держаться чуть позади. Давай, подружка, вперед!

Глава пятнадцатая

В компании Райбера путь до Нумалии занял у Конана несколько больше времени, чем в первый раз. Хотя тот из всех сил старался вести себя достойно и стоически терпеть усталость, голод и прочие естественные тяготы пути, Конан был не настолько жесток, чтобы истязать его непрерывной скачкой и часто останавливался, давая своему юному спутнику возможность отдохнуть, но при этом не позволяя себе сомкнуть глаз, ибо отлично помнил, с кем, по-настоящему, имеет дело. В результате варвар, при всей своей выносливости, мечтал о сне, как о подарке судьбы. Он рассчитывал, что, прибыв в Нумалию, быстро разыщет Таризля, все ему объяснит и попросит какое-то время последить за мальчиком, а сам, наконец, получит возможность восстановить силы. На третьи сутки он начал отключаться пря-

мо в седле, что было недопустимым, ибо жеребцу тоже требовалось неослабное внимание — он отчего-то все время норовил повернуть назад, втягивая ноздрями воздух и призывно ржал, словно чуя поблизости пустующую кобылу. Кончилось тем, что Нергал, очень быстро и как нельзя лучше усвоивший свою кличку, потому что это слово в общении с ним срывалось с языка Конана непрерывно, на одном из постоянных дворов вырвал из земли казавшиеся врытыми на смерть столбики коновязи и был обнаружен своим хозяином в тот самый момент, когда, наконец, добрался до вожаемой цели и наскоро обхаживал виновницу своих страданий, от страсти и поспешности не вполне ловко справляясь с этим делом. Еще немного, и он попросту загрыз бы гнедую кобылу, значительно уступающую ему в весе и росте. Хозяйка гнедой кобылы взирала на происходящее, ничего не предпринимая. А Конан, увидев ее (хозяйку, разумеется), начисто забыл о лошадях вообще. Ибо перед ним стояла Джахель собственной персоной.

— Так, — угрожающе проскрежетал варвар, нависая над ней, — и как прикажешь это понимать, милое дитя?

— Твой Нергал покрывает мою Уизу, — как ни в чем не бывало, сообщила Джахель, — а как иначе это можно назвать? Надеюсь, она родит замечательного жеребенка.

— Нет, ты скажи, как здесь очутилась, остальное я и сам вижу!

— Я ехала за тобой, — проговорила Джахель. — Я... я ведь сказала, что женщина готова последовать за своим избранником куда угодно.

При иных обстоятельствах Конан немедленно отправил бы ее домой. Но он так устал и вымотался, что ругаться и спорить просто не было сил.

— Раз ты здесь, пару часов присмотри за Райбером, — сказал киммериец. — Идет?

— Как скажешь, — кивнула она.

— Отлично, — вздохнул Конан, — и если он сделает что-то... необычное, немедленно разбудишь меня, поняла? Женщина... тоже еще...

Он рухнул на какое-то подобие постели и мгновенное уснул.

Пробуждение его было весьма занятым. Обейх лошадей киммериец обнаружил вычищенными и накормленными, Райбера — вполне довольным жизнью, но это потом. Сначала же он обнаружил самого себя в объятиях Джахель, осторожно перебиравшей его волосы.

— Я купила еды, — сказала она, — и решила, что тебе бы уже пора проснуться. Два часа давно прошло.

— Ага, — Конан сел и отвел ее руку от своей головы. — Это был способ меня разбудить?

— Тебе не нравится?

— Ты предупредила мать, куда направляешься?

— Я оставила записку, чтобы она не беспокоилась обо мне.

Конан разразился проклятиями.

— Ну откуда вы все только беретесь, на мое несчастье! Я даже не могу послать тебя назад одну, рискуя, что по дороге с тобой может произойти все, что угодно! А взять с собой — куда?! В Нумалию? Прекрасно! Ты думаешь, мы там с Таризелем весело проводим время? К твоему сведению...

— Я не помешаю тебе, — воскликнула Джахель, — слово чести!

— У меня нет выбора, — обреченно простонал киммериец.

— Почему-то я тоже так думаю, — согласилась она.

— Джахель, — сурово произнес Конан, — ты должна подчиняться каждому моему слову, не задавая лишних вопросов и не проявляя своеволия, поняла?

— Да, — она скромно потупилась, сложив руки на коленях, но в глазах под опущенными ресницами при этом плясало с десяток маленьких демонов, так что ее согласие прозвучало отвратительно фальшиво. — Я все буду выполнять, как ты скажешь. Чистить твои сапоги, чинить одежду, готовить еду, кормить лошадей, смотреть за Райбером, только не прогоняй меня.

До Нумалии от силы полдня пути, подумал Конан. Там он найдет Таризеля, передаст ему

Джахель в полную родительскую власть, и пусть тот сам решает, что с ней делать. Хорошо бы за эти несчастные полдня она не выкинула еще что-нибудь неожиданное. А он как-нибудь постарается пережить ее присутствие.

— Кстати, Джахель, это ты заплела косичку в гриве Нергала?

— Да, я. По-моему, было красиво.

Конан на всякий случай провел рукой по собственным волосам. Джахель прыснула.

— С тобой я бы не стала этого делать.

— И на том спасибо, — изрек Конан. — Если можно, постарайся поменьше говорить, я не любитель лишней болтовни. Если хочешь, развлекай Райбера.

Тот, между прочим, от появления Джахель был в полном восторге, чего никак нельзя было сказать о киммерийце.

Пообещав молчать, Джахель твердо держала слово, даже если у нее на языке и вертелось множество вопросов. В седле она держалась очень уверенно и красиво — Конан оценил гордую посадку юной наездницы, мастерски управляющейся с гневой Уизой, ее практичную удобную одежду, выбранную с расчетом не покорять сердца, а благополучно преодолеть длинную дорогу, и отсутствие вещей — Джахель не стала обременять себя ненужным грузом, зато прихватила отличный нож, похожий на короткий меч.

— Тяжело тебе пришлось? — спросил Конан, первым нарушив молчание.

— Я все время ехала за тобой. Нет, не думаю, что это было тяжело. Ты не очень спешил из-за Райбера.

Достигнув Нумалии и прямиком отправившись на постоянный двор возле базарной площади, Конан быстро выяснил, что его приятель там не появлялся уже порядком, провел, как и он сам, только одну ночь, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Киммериец ощутил первый укол тревоги.

— Джахель, — обратился он к девочке, — мы пока станем выдавать себя за семью. Отец и двое детей. Это позволит избегать ненужных расспросов. Вы оба останетесь здесь. Это скверное, грязное и опасное место, но у меня нет времени искать прибежище получше. Никуда ни шагу. Райбер целиком на твоём попечении. Я должен разыскать Таризля, в одиночку это у меня получится быстрее, чем в вашем обществе. Я постараюсь вернуться, как только смогу. Никому не открывай дверь, кроме меня и Таризля, если он объявится в моё отсутствие. До какой степени я могу на тебя положиться, Джахель?

— До любой, — горячо заверила девочка.

— Тогда учти, что от Райбера можно ожидать весьма неприятных неожиданностей. Будь к этому готова. У меня нет сейчас возможности все

подробно объяснить, так что поверь мне на слово.

— Ты должен мне доверять, — проговорила Джахель. — Я не подведу тебя, правда.

Увы, в это верилось с трудом. Девушка уже успела в полной мере проявить свой буйный нрав, решившись сбежать из дому и пуститься в опасное путешествие, так что ожидать от нее в дальнейшем завидного благоразумия было бы нелогично. Но у Конана снова не имелось иного выбора. Он представил себе, как, должно быть, сейчас сходит с ума из-за дочери Дара, и в душе киммерийца закипел гнев. Впрочем, богатый опыт общения с женщинами научил его простой истине: если хочешь нажить себе опасного, непримиримого и изощренного в способах мести врага, самый надежный способ — грубо отвергнуть притязания влюбленной особы. А относительно Джахель не приходилось сомневаться, что её движет именно первая, полудетская и оттого невероятно сильная влюбленность в своего героя и рыцаря, то есть в него, Конана из Киммерии. Эти полные немомго обожания глаза, срывающийся голосок, отчаянная готовность идти на край света... все признаки тяжелой «болезни» налицо.

И всего тринадцать зим от роду.

И поразительное сходство с матерью, при мысли о которой у Конана ныло сердце. Чувств-

вужа себя последним подонком, он притянул Джахель к себе, заглядывая ей в глаза.

— Помоги мне, дорогая. Ты мне очень нужна.

Он не имел никакого права дарить Джахель несбыточную надежду, но в противном случае ситуация могла сейчас осложниться до крайности. Из двух зол пришлось выбрать наименьшее, что Конан и сделал. Зато теперь он мог хотя бы надеяться, что Джахель наделает чуть меньше непоправимых глупостей, чем если бы он поступил иначе.

* * *

— Ты уверен, что хочешь именно этого?..

Тариэль и прежде обращал внимание на то, как стремительно и внезапно, подобно капризной погоде, меняется настроение Гаала. Точно талантливый лицедей, он легко переходил от гнева к неуверенности, от тревоги — к мрачной, почти экзальтированной радости, так что невозможно оказывалось утверждать наверняка, в какой момент князь искренен, а в какой — надевает одну из своих бесчисленных масок, словно имея в запасе сотни разных лиц.

— Кажется, я уже сказал, чего хочу,— подтвердил Тариэль,— и мое решение остается неизменным.

— О да, мой друг,— Гаал покровительственно похлопал его по плечу,— я понял, насколько ты

последователен, и нахожу это весьма похвальным.

Тариэль отстранился. Прикосновение Гаала было ему неприятно. Он вообще не переносил подобных жестов, считая их унижительными для своего достоинства.

— Не вижу причин отказывать тебе, раз ты так сильно желаешь стать членом Ордена Воплощения. Я мог бы долго и подробно объяснять тебе, как именно это происходит... кстати, у тебя самого имеются соображения на этот счет?

— Нет,— признался Тариэль,— собственно последовательность совершения ритуала мне неизвестна.

— Таинства,— поправил Гаал.— Это разные понятия. Ритуалы совершаются людьми, а в таинствах участвуют высшие силы. Я подумал, что это именно тот случай, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, и ты не станешь возражать, если мы, не откладывая дела в долгий ящик, нынче же и познакоим тебя с особенностями нашего таинства.

— А все те, кто уже являются членами Ордена, тоже будут присутствовать?

— Это необязательно. Достаточно меня и Ингуна. Узкий круг, так сказать. Вот когда дело дойдет до тебя, то столь торжественный момент братья не пропустят, а пока я предлагаю тебе только посмотреть, чтобы точно знал, что тебя ожидает.

— Но я не откажусь от своих намерений, даже если это будет чем-то пугающим.

— Кто говорит об отказе? Такой отважный мужчина, конечно же, не дрогнет и не отступит, к тому же, мой дорогой, кто тебе позволит... отступить. Это, знаешь ли, путь в одну сторону, как течение реки.

За то время, пока Гаал говорил, его лицо успело изменить выражение по меньшей мере трижды.

Таризель поймал себя на том, что, как замороженный, следит за этими метаморфозами больше, чем за словами князя, который, к тому же, обладал чрезвычайно богатым голосом, низким, глубоким, тоже необычайно выразительным.

— Идем же,— Гаал пригласил Таризеля следовать за собой до одного из залов, весьма странно обставленного. От пустого пространства посередине вошедших отделяла высокая, до самого потолка, решетка....

А по другую ее сторону Таризель увидел Вундворма. К горлу сразу же подступила легкая тошнота, но он справился с собой, не выказывая ни страха, ни отвращения, и стараясь не думать о том, что решетка недостаточно надежна.

— Повелитель,— благоговейно произнес Гаал.— Наше божество. От него зависит окончательное решение твоей дальнейшей судьбы, тиариец.

— И как он его выскажет? — поинтересовался Таризель, на всякий случай отступая чуть назад, но это ему не удалось: подступившие с обеих сторон слуги князя взяли его за руки и заставили подойти к решетке вплотную, едва не вдавив лицом в прутья.

— Сейчас увидишь,— Гаал сделал какой-то знак, и тут же по другую сторону зала часть решетки приподнялась, пропустив внутрь человека.

Вундворм бросился на него, и Таризель, замерев от ужаса, наблюдал, как несчастный за считанные мгновения был растерзан чудовищем, которое затем, отвратительно чавкая, принялось пожирать внутренности убитого. Однако не успела тварь вполне насладиться трапезой, как к ней втокнули следующую жертву, и все повторилось сначала.

— Нет,— не выдержав, закричал Таризель,— князь, прекрати этот кошмар!

— Ну, ну, не стоит так бурно переживать,— покачал головой Гаал,— это не кошмар, тиариец, а таинство. Повелитель должен выбирать, кто послужит ему пищей, а кто останется в живых и станет служить ему иначе.

— Но эти люди даже не имеют возможности защищаться,— возмущенно произнес Таризель,— у них нет ни одного шанса спастись!

— Жестоко было бы продлевать их мучения, даруя надежду, которой все равно не суждено

сбыться. Ни меч, ни пламя не в силах остановить Повелителя,— возразил Гаал.— Это проверено многократно, но если ты настаиваешь, специально для тебя я могу приказать, чтобы рабам дали оружие.

Тариэль почти не слышал его сквозь гул в ушах. Он с содроганием взирал на жуткое действо, готовый вот-вот лишиться чувств. Пространство, так напоминающее арену, было залито кровью, куски разорванных тел валялись повсюду, словно части чудовищных игрушек, сломанных руками какого-то безумного ребенка. Пресыщенная гадина теперь уже не пожирала свои жертвы, а играла с ними, как кошка с мышью, кому-то перебивая хребет, иных задушив хвостом.

— Похоже, сегодня Повелитель не избрал никого,— развел руками князь.— Обычно так и бывает. Везет от силы одному из нескольких сотен, бывает, месяцами приходится ждать. Избранные — большая редкость! Занятно, тиариец, не правда ли?

Тариэль ничего занятого в увиденном не находил. Он, вообще, едва держался на ногах, судорожно вцепившись в решетку побелевшими пальцами. Все тайны, которые он желал раскрыть, были ему известны теперь, и все ответы получены, он наверняка знал, кто и как убил несчастного Хэма... но все это не приносило никакого удовлетворения.

— Членом Ордена становится тот, кого Повелитель отчего-то щадит и оставляет в живых,— произнес Гаал, очевидно, полагая, что Тариэль этого еще не понял.— Ты тоже пройдешь это испытание. Если хочешь, воспользуешься оружием и сразишься с ним... хотя тебе ведь привычнее кисть, нежели меч, не так ли? Впрочем, будешь ты вооружен или нет, не имеет ровным счетом никакого значения.

В этот момент гадина подняла окровавленную морду и в упор посмотрела на Тариэля, издав низкое яростное рычание, в котором, однако, звучало и нечто иное. Такое, чего Гаал не слышал от Вундворма никогда. Страх перед кем-то, обладающим большей властью и силой, нежели он сам, Повелитель.

Князь вздрогнул всем телом и искоса глянул на Тариэля.

Безусловно, бледный как смерть, с трясущимися губами, до предела напуганный, тиариец не понимал смысла происходящего, не ведал того, что открылось Гаалу, в сознании которого одновременно пронеслась тысяча мыслей, одна невыносимее другой.

Вундорм признал того, кто единственный способен его уничтожить. И если эти двое станут друг перед другом, то совсем не обязательно Повелитель убьет тиарийца, но вполне способен без боя, покорно лечь к его ногам. И что тогда?

А тогда он, Гаал, будет попросту отвергнут. Не нужен.

И весь смысл его существования, и вся его любовь, и бескорыстная верность окажутся втоптаннными в пыль только потому, что сотворенный на мертвом острове Вундворм не пролетит тиарийской крови.

Худшей несправедливости он не мог себе представить.

В этот миг Гаал одинаково сильно ненавидел их обоих, точно ревнивый супруг, случайно заметивший заговорщический взгляд, которым его жена перебросилась с любовником. Ему стало так больно, что перехватило дыхание. И когда Тариэль задал вопрос, Гаал не сразу нашел в себе силы ответить.

— Что? — переспросил он.

— Я сейчас должен с ним сразиться? — повторил Тариэль.

— Нет,— решительно и поспешно возразил князь.— Сейчас немного рановато. Повелитель едва ли в нужной степени готов к священному таинству.

— То есть он слишком сыт, чтобы прикончить меня?

— Скажем, ты достоин его более пристального внимания,— ухмылка Гаала напоминала оскал.— Но думаю, очень скоро Повелитель окажет тебе особую честь,— князь издевательски поклонился.— А сейчас ты можешь быть свобо-

ден, в пределах замка, конечно. Ингун! Проводи Тариэля и возвращайся, тут нужно немного прибрать.— Он небрежно кивнул в сторону кровавых останков.

Глава шестнадцатая

а сей раз у Тариэля не было ни единого шанса освободиться — Гаал предусмотрел любые неожиданности, велел поместить его в одной из комнат, лишенных даже окон, и приставив надежную охрану из числа своих слуг, предупрежденных об особой опасности и ценности пленника. Возможно, с каждым из них по отдельности Тариэль бы и мог справиться, даже наверняка. Но их было пятеро, отлично вооруженных, и пытаться противостоять им было бы сущим безумием. А никаких иных выходов из помещения ему обнаружить не удалось, так что о побеге нечего было даже мечтать. Тариэля охватило отчаяние и ощущение собственного полнейшего бессилия. До предела взвинченные увиденным кошмаром нервы не в состоянии были выдержать большего. В его голове отчетливо, как наяву, продолжали звучать нечеловеческие вопли несчастных жертв, а чудовищные картины собственной скорой мучитель-

ной смерти были такими яркими, словно он уже был брошен на растерзание Вундворму. Если Гаал рассчитывал, что за эту ночь Таризель повредится рассудком, то был весьма близок к цели. Тиариец сейчас в последнюю очередь походил на героя. Пережитое потрясение было столь велико, что Таризель попросту разрыдался. Правда, этого никто не мог слышать, потому что он все же старался не издавать звуков, но слезы лились сами собой и не желали останавливаться. На его памяти такое случалось с ним всего дважды в жизни — в день, когда он осознал, что все, кого он любил, мертвы. И — когда Конан один, без него, покинул Халогу. Но то было уже очень давно.

Благодатный дар богов человеку — способность выплеснуть свои чувства в слезах, — наверное, только и позволил Таризелю сохранить здравый смысл. Потому что, когда слезы кончились, он почувствовал облегчение, вновь обретая способность мыслить спокойно и разумно, преодолев панику. Что бы ни утверждал Гаал относительно неуязвимости Вундворма, ему, Таризелю, не раз и не два приходилось выходить на бой с противниками, казавшимися несокрушимыми, точно крепостные стены, и несравнимо превосходящими его в росте и весе. Правда, это тоже было давно, однако в прошедшие со времен его гладиаторских поединков годы Таризель никогда не переставал тренироваться с мечом, ножом и луком. Ежедневные тренировки были для него

столь же само собой разумеющимся, как еда и сон. Как дыхание. Если по какой-то причине Таризель на несколько дней прекращал их, он чувствовал себя больным.. упражняясь, он испытывал настоящее наслаждение и радость, так что совершенно не воспринимал свои занятия как некую тягостную обязанность. И хотя сейчас он был уже далеко не юношей, но сохранил отличную, завидную форму, силу и свою знаменитую пластичность. Поэтому схватки с человеком — любым человеком — Таризель не боялся, уверенный в своих возможностях. Но Вундворм человеком не был. Он являлся хищником, монстром, сочетающим в себе качества и повадки кошки и змеи, двух самых ловких, коварных и опасных существ, какие только есть на земле, поэтому действовать следовало только наверняка. У Таризеля был шанс нанести один удар, всего один, и если он не окажется смертельным, всему конец; реакция и скорость Вундворма очевидно несравнимы с человеческими, а если помножить это на гигантские размеры и силу... Таризель судорожно вздохнул. Он видел, как именно гадина предпочитает убивать — все-таки, несмотря на ужас и панику, некоторая часть сознания графа была привычно сосредоточена на наблюдении на «Повелителем» как за будущим противником, и он понял, что первым делом Вундворм бросается человеку в лицо и вырывает глаза, а потом души, обвиваясь вокруг тела, ломая ребра и по-

звончик. Надо позволить ему напасть первым и принять на острие меча, вспоров глотку. Ну и что с того, что до сих пор это никому не удавалось? Значит, он, Таризель, будет первым.

Надо отдать должное безумному князю — с Таризелем обращались куда лучше, чем обыкновенно поступают с пленником, не отказывая ни в изысканной пище, ни в каких угодно дорогих напитках, которые тот желал получить. И точно так же, стоило ему высказать такую волю, в место его заточения тут же доставили листы идеально выделанного пергамена. Таризель так увлекся, живо представляя себе возможные варианты развития событий в битве с Вундвормом, что почти бессознательно принялся изображать их на пергамене в виде маленьких, следующих один за другим набросков, так, чтобы последний из них непременно оказывался сценой победы (разумеется, собственной), а проклятый Вундворм, соответственно, издыхал в луже крови. Это занятие оказалось равно захватывающим и полезным. Теперь Таризелю было, по крайней мере, понятно, как он станет действовать в случае необходимости, и страх сменился спокойной собранностью. Внутренне он был полностью готов принять бой и победить.

Оставалось лишь дожидаться, когда Гаал явится за ним и скажет, что время пришло.

Граф не мог знать, что всякий раз, когда он наносит воображаемый удар мечом на пергамене-

не, его будущий противник начинает яростно выть и извиваться, словно эти удары достигают цели. Таризель уже занес руку, чтобы добавить последний завершающий штрих, но тут ему стало не до занятий искусством. Дверь распахнулась, и он, к своему безмерному изумлению, увидел Конана в сопровождении Гаала.

— Не входи! — крикнул Таризель, но было поздно: киммериец уже переступил порог, и проклятая дверь тут же наглухо захлопнулась за ним.

— О, боги,— простонал Таризель,— Конан, неужели ты еще больший дурак, чем я сам?!..

— Я тоже рад тебя видеть,— хмуро пошутил варвар.— Хочешь сказать, что теперь мы оба в ловушке?

* * *

События, предшествующие появлению Конана в замке князя Гаала, развивались следующим образом.

Не успел он покинуть Райбера и Джахель, еще раздумывая о том, что следует предпринять дальше, как киммерийцу повезло; он заметил нескольких мужчин, увлеченных игрой в кости, и узнал одного из них: Ингун, тот самый парень, который говорил с ним и Таризелем! Варвар подошел ближе.

— Ну-ка, дайте и мне попытать счастья.

Ингун неохотно отвлекся от своего занятия — судя по выражению блестящего от обильного пота лица, удача как раз шла к нему в руки, — вскинул глаза на нового участника игры и тут же заметно насторожился.

— Кажется, мы знакомы?

— Точно, — подтвердил Конан. — Не ты ли предлагал моему приятелю изготовить медальон с твоим портретом?

— Да, я, — не стал отрицать Ингун, — только твой приятель так больше и не объявился. Наверное, получил более выгодный заказ.

— Вот мерзавец, — покачал головой Конан. — Я как раз его разыскиваю. Он мне должен порядочно денег, а сам куда-то пропал. Если честно, он вообще оставил меня без гроша. Мы условились о встрече, но этот негодяй не явился, и теперь я просто себе не представляю, как быть. Разве что в игре нынче повезете, но рассчитывать на это, сам знаешь...

— Сочувствую, — ухмыльнулся Ингун. — Но помочь ничем не могу. Говорю же, я его с тех пор не видел.

Врет, понял Конан. Хотя и весьма уверенно. Он знает, где сейчас Тариэль и что с ним.

— Почему-то мне кажется, что можешь, — возразил киммериец. — Если и не в поисках моего... приятеля, то хотя бы в том, чтобы свести меня с князем Гаалом. У меня есть кое-что, способное его заинтересовать как собирателя редко-

стей. Если сделка состоится, то я смогу поправить свое положение, и ты получишь неплохую выгоду, не сомневайся.

— Что за вещь? — спросил Ингун. — Покажи мне, и я скажу, нужна ли она князю.

— Э, нет, я намерен говорить только с ним, — сказал варвар. — Показывать ничего не стану. Могу только намекнуть, что речь идет о древнем барахском стеклянном кубке, считавшемся безнадежно исчезнувшим, но мне удалось его раздобыть. Увы, вещь хотя и стоит баснословных денег, но я, обладая ею, рискую просто умереть с голоду, если не найду достойного покупателя. Диатрета, — понизив голос, уточнил он. — Знаешь, что это такое? Апогей мастерства древних стеклорезов. Эти предметы еще называют клеточными кубками, потому что вырезанные на их поверхности фигурки как бы связаны невидимой сетью или находятся в невидимой клетке.

— Ага, — произнес Ингун, из чего сложно было заключить, понимает ли он в точности, о чем речь. — Я, вообще-то, могу поговорить с князем о твоём предложении, об этой... как там... диа...

— Диатрете, — повторил Конан.

О кубке, врученной ему Ирьюлой. Конан никогда не думал о нем как о предмете продажи. Это, вместе с изумрудами, было наследством Райбера. Но сейчас...

— Ну да. Диатрете. А сколько ты рассчитываешь получить за него?

Конан назвал сумму. В глазах Ингуна вспыхнули алчные огоньки.

— Половина — моя,— быстро произнес он.— И я на таких условиях свожу тебя с князем. Или катись на все четыре стороны и ищи другого покупателя.

— Услуги посредника таких денег не стоят,— возмутился Конан.— Половина! Ничего себе!

— Гаал живет как затворник и никого к себе не подпускает,— пояснил Ингун.— Он очень мнительный осторожный и подозрительный человек. Но мне доверяет во всем. Без моей помощи ты к нему и близко не подойдешь. А кроме князя, в Нумалии немного найдется ценителей древностей, готовых выложить такие деньги за кусок старого стекла.

— Треть суммы,— решительно заявил варвар.— Или катись ты сам в преисподнюю.

— Ладно,— повздыхав, согласился Ингун,— идет. Приходи сегодня вечером в замок вместе с... диатретой,— было заметно, что это слово для него новое, Ингун явно спотыкался всякий раз, когда требовалось его произнести.— Хотя еще не точно, нужен ли он князю! Гаал куда больше интересуется таволами.

Это Конану уже было известно, однако он не сомневался в том, что его предложение заинтересует князя, и он получит возможность проникнуть в замок. Расставшись с Ингуном, ким-

мериец поспешно вернулся туда, где оставил Райбера и Джакель.

Он развязал выдавший виды походный мешок и осторожно извлек кубок. С тех пор, как покойная Ирьола вручила ему эту бесценную вещь, Конан к нему не прикасался. Сейчас же, взяв диатрету в руки, он ощутил благоговейный восторг... и тревогу. Луч света, падая на кубок, преломлялся в нем, сверкая дюжиной оттенков янтаря. Возможно, именно такой цвет имеет пламя преисподней, подумал Конан. А когда он слегка повернул диатрету, кубок изменил цвет, став темно-красным. Как кровь. Две фигурки бегущих людей, мужчины и женщины, вырезанные на поверхности кубка, были выполнены настолько искусно, что казались живыми существами, навсегда застывшими в прозрачной толще стекла.

— Боги, какая красота,— тихо ахнула Джакель, не сводя глаз с чудесной диатреды.

— Ничего,— подтвердил Конан.— Занятная штука, верно? Надеюсь, она мне поможет отыскать твоего отца.

При этих словах лицо Джакель сделалось настороженным.

— Каким образом?

— Ну, уж это моя забота,— сказал варвар.

— А кубок, между прочим, мой,— вмешался Райбер.— Я знаю, мама дала его тебе... но на самом деле...

— Верно, приятель. Хотя, если быть точным, она дала его мне в качестве платы за то, чтобы я о тебе позаботился. Но я не собираюсь лишать тебя вещи, которая принадлежит тебе по праву, и непременно верну ее. Однако сейчас она должна нам помочь, и я даже не собираюсь спрашивать твоего согласия.

— Не разбей только,— проворчал Райбер.

— Конан,— произнесла Джахель,— а что будет, когда ты встретишься с моим отцом?

— В каком смысле? — удивился киммериец, не понимая, к чему она клонит.

— Ну... ты ведь не сделаешь ему ничего плохого? — поспешно проговорила девочка.— Я знаю, что тебе нравится моя мать, но я ничем не хуже ее, только моложе. Однако это не так уж плохо, верно? Или... нет? Не всегда?

— При чем здесь твоя мать? — спросил Конан. Хоть убей, он был не в состоянии уловить общего смысла того, что пыталась сказать ему Джахель! — Да, ты очень на нее похожа. Ты прекрасна, невероятно юна и обладаешь множеством иных достоинств...

— И готова быть с тобой. Принадлежать тебе,— добавила Джахель.— Разве этого мало?

— Мы поговорим об этом позже, обещаю,— заверил ее киммериец.— Понимаешь, невозможно думать сразу о нескольких важных вещах, Джахель! Помни о том, о чем я тебя просил, и... извини, но мне пора идти.

Стоило ему переступить порог, как на лице Джахель отразилось отчаяние.

— Что же мне делать,— воскликнула она,— убить его, что ли?!

— Кого? — испуганно спросил Райбер, дернув ее за руку.— Кого ты хочешь убить? И зачем?

— Ты не поймешь,— отмахнулась Джахель.

Глубокое, недетское горе заставило ее плечи поникнуть и затушило свет в глазах.

— А ты попробуй мне объяснить.

Она вздрогнула. Голос принадлежал не Райберу. Но ведь здесь никого, кроме них двоих, не было? Девочка хотела повернуть голову, но тот же голос велел:

— Не оборачивайся, дитя.

— Кто ты? — спросила Джахель.

— Важно лишь то, могу я или нет помочь тебе.

Несмотря на пугающую неизвестность, Джахель отчего-то не испытывала вполне естественного в подобной ситуации страха. В голосе была сила, но не угроза. И судя по всему, он принадлежал очень немолодому человеку.

— Никто мне не поможет,— ожесточенно проговорила она и вдруг коротко всхлипнула.— Если Конан доберется до моего отца, все будет кончено! Я же знаю, как ему нравится моя мать, а такой человек ни перед чем не остановится, лишь бы получить то, чего желает. Даже перед убийством! Что ему стоит пролить чужую кровь,

если он всю жизнь только этим и занимался? Он жестокий и очень смелый, и привык брать, не спрашивая позволения. Я хотела, чтобы он обратил внимание на меня и оставил в покое мою семью. Я бы на все согласилась ради этого! И даже со временем, наверное, привыкла бы к нему и смогла его немного полюбить. Только бы он не причинил зла отцу и матери. Они этого не заслуживают! Если бы я была чуть-чуть постарше...

— Джахель,— в голосе прозвучало удивление,— так ты решила сознательно пожертвовать собой, чтобы спасти отца от возможной смерти и мать — от бесчестья?

— Никакая это не жертва,— возразила она.— И Конана я тоже понимаю. Он очень одинок. Мне... мне жаль его.

— Очень часто жертва становится началом настоящей любви, дитя,— проговорил голос.— У тебя есть своя правда и своя сила, маленькая Джахель.

— Но недостаточная, чтобы развеять беду! Я видела, как мать целовала его в саду перед тем, как ему уехать. А до этого оставалась с ним наедине. Наверное, это нехорошо, но я следила за ними.

— И ты уверена, что все поняла правильно?

— А что было понимать? Когда мужчина и женщина так сильно желают друг друга, ошибиться трудно.

— Но кроме желания есть еще долг, честь и воля,— произнес голос.— Не кажется ли тебе, что ты думаешь о других людях хуже, чем они того заслуживают?

— Да? — спросила Джахель, смахивая слезы с ресниц.— А ты откуда знаешь?

— Я слишком долго живу на свете, чтобы мог удивляться чему-то,— отозвался он.— Мне тоже приходилось любить и терять любимых. Не говоря уж о том, за какое чудовище считали меня люди, а кое-кто считает и до сих пор. Однажды я увидел девушку, которую пожелал сильнее всего на свете, но она любила другого и бежала с ним от меня. Увы, ее избранник вскоре погиб. Я же сделал так, что его дух явился ей оттуда, откуда не возвращаются, и она родила от него сына. Тем не менее, до конца дней своих она проклинала меня, считая виновником своих несчастий, и умерла с ожесточенным сердцем.

— Как жаль,— прошептала Джахель,— а что же ее сын?

— Он пришел ко мне... Видишь ли, для того, чтобы на короткое время вернуть на землю умершего юношу и позволить свершиться невозможному чуду, я дал клятву богам, что умру, когда лицом к лицу встречу с его ребенком. Так и произошло, обет был исполнен. Мое сердце остановилось в тот же миг, когда дитя предстало передо мной, но мой отлетевший дух соединился с ним, слившись воедино. Я — это он,

и наоборот. Так я всегда могу быть с ним, защищая и направляя это юное существо, и это все, что я мог сделать ради его матери, которую когда-то любил.

— И которая не простила тебя за то, в чем ты вовсе не был виноват! — воскликнула Джахель, от волнения нарушив запрет и обернувшись.

Но никого, кроме Райбера, не увидела.

— Ты? — тихо спросила она. — И все это мне... не приснилось?

— Нет, — он покачал головой. — Это не сон, Джахель, — Райбер как-то странно дернулся и изумленно заморгал. — Ты о чем спрашиваешь?

Он ничего не помнит и не сознает, что у него две души, поняла Джахель. И страшно удивится, если ему рассказать правду! Она всмотрелась в лицо Райбера, пытаясь различить черты того, второго, который только что говорил с нею; но при всем желании не увидела ничего.

Глава семнадцатая

онан стоял возле замка Гаала, на том самом месте, где несколько дней назад встретился с князем Та-риэль. Ингун вышел ему навстречу. — Принес? — спросил он. — Да, но я предупреждал, что буду говорить только с Гаалом, — отозвался варвар. — Давай, веди к нему.

Ингун сдержал слово — князь знал о предстоящей встрече и радушно приветствовал вошедшего, знаком велел Ингуну оставить их наедине.

— Мне известно, что ты оказался в сложном положении из-за того, что твой друг-художник бесчестно обошелся с тобой, — сочувственно проговорил он. — Ужасные времена! Совершенно никому нельзя доверять! Но я вполне могу тебя выручить, если то, что ты собираешься предложить, мне понравится. Я очень придирчив и знаю толк в подлинных шедеврах. Речь идет о

диатрете, не так ли? По правде говоря, мне больше по душе барахские таволы, но я также высоко ценю оружие и другие предметы...

— Чего не скажешь о твоём слуге,— проворчал Конан.— Он и слово-то «диатрета» правильно выговорить не может!

— Да, Ингун не блещет особыми познаниями по этой части,— согласился Гаал,— хотя, уверяю тебя, у него немало иных достоинств. А ты давно занимаешься перепродажей древних шедевров?

— Как сказать. Я скорее интересуюсь оружием и охотно готов совершить обмен диатреты на хороший меч из черненной стали, пробивающей металл.

— Но разве тебе не нужны деньги? — удивился Гаал.

— Князь,— с достоинством ответил Конан,— с мечом в руках я получу их куда больше, нежели выручу в результате сколь угодно выгодной сделки.

— Неужели? И как же?

— То есть, ты не понимаешь, как именно пользоваться оружием, желая подзаработать?

— Не требуется. Мои предки так же начинали,— усмехнулся Гаал.— Неплохой способ заложить основу будущего состояния.

— Ты из рода турнирных бойцов? — уточнил Конан.— Я имел в виду такой способ заработка. А ты что подумал?

— Давай перейдем к делу,— Гаал постарался сгладить возникшую неловкость.— Ты покажешь мне кубок?

— Для этого я и пришел,— Конан достал бесценную диатрету и повернул так, чтобы стекло явило свои свойства наиболее выгодным образом.

— О,— Гаал приподнялся в сильнейшем волнении.— Кубок Митры! Боги мои... да известно ли тебе, что он считался разбитым еще сотню лет назад?

— Как видишь, он цел,— пожал плечами Конан, слегка подкидывая диатрету на ладони. Гаал побледнел и затрясся.

— Что ты делаешь, невежда! Осторожнее!

— Не бойся, не уроню,— усмехнулся Конан.— Ну так что насчет мечей?

— Пойдем, я покажу все, которые у меня есть, в том числе доставленные с Радужных островов и из Кхитая,— согласился князь.— Да, ради всех богов, поставь кубок, я не могу смотреть, как беспечно ты с ним обращаешься!

— Ну, нет,— возразил варвар,— пока не договоримся, я его из рук не выпущу.

— Послушай, твоё недоверие оскорбительно до смешного,— недовольно проворчал Гаал.— Я человек чести, а не жалкий уличный воришка, в конце концов!

— Мне-то откуда знать,— невозмутимо парировал киммериец,— я тебя впервые в жизни ви-

жу, дел с тобой прежде не имел, а слова для меня значат не больше, чем сотрясение воздуха.

— Не по себе ли ты, в таком случае, судишь о других? — спросил князь. — Впрочем, не будем терять времени.

Он провел Конана в хранилище своих сокровищ, и киммериец получил возможность убедиться в том, что князь Гаал может считаться одним из богатейших людей Немедии. Однако, каждый из собранных им шедевров был размещен не как попало, а на специально отведенном месте, вроде маленьких пьедесталов, что позволяло прекрасно разглядеть его со всех сторон. Изысканные украшения, вазы, амфоры, кубки (правда, как бы последние ни были хороши, они едва ли могли соперничать с диатретой Ирьюлы), и лучшие образчики оружейного мастерства, заставившие сердце воина-варвара забиться сильнее, — все в идеальном состоянии, свидетельствующем о неустанной заботе со стороны владельца.

— А таволы? — спросил Конан. — Я ни одной не вижу, вопреки твоим утверждениям, будто они представляют для тебя особенную ценность.

— Так и есть, но их я храню отдельно, — сказал князь, — к тому же, ты интересовался мечами. Что, ни один не нравится?

— Ну, отчего же, здесь есть кое-что, достойное внимания...

— «Кое-что»?! — возмутился Гаал. — Какая, однако, наглость! Или невежество? Да любой из моих мечей стоит столько, что...

— Некоторые — вряд ли дороже камней, вделанных в их рукояти. Красиво, но достаточно бесполезно. Я же смотрю на них с несколько иной точки зрения, — пояснил Конан, взяв один из клинков и проверяя остроту лезвия. — Вот этот, например, никуда не годится, сталь закалена отвратительно.

— Тогда оцени эти, гиперборейские. Черненная сталь, пробивающая металл, как ты и хотел.

— А пожалуй, ничего, — Конан уверенно взялся за тяжелую рукоять, огляделся и, неожиданно развернувшись, нанес удар по висящей на стене кольчуге от рыцарских доспехов.

— Что ты делаешь?! — почти взвизгнул Гаал, с ужасом глядя на разрубленную кольчугу. — Это же...

— Неплохо, — оценил Конан, — смотри-ка, и вправду металл ему поддается.

— Ну так забирай его, оставь диатрету и убирайся, — тяжело дыша, произнес Гаал. — Боги, что ты за чудовище!

— Да уйду, не волнуйся, сейчас вот только для верности еще на чем-нибудь его испытаю, и...

— Нет! — воскликнул князь. — Прекрати этот разгром!! Что тебе на самом деле нужно?!

— А на таволы посмотреть,— сказал варвар.— Интересно же.

— Смотри,— Гаал отпер следующую дверь,— только прекрати махать этой... этим...

— Уже прекратил,— Конан снова огляделся и тут увидел такое, что заставило его вздрогнуть и замереть.

Прямо перед ним сияло лицо Дары, такое живое, такое поразительно похожее на оригинал, словно сама женщина во плоти каким-то чудом явилась сюда.

Киммериец не был силен в изящных искусствах и в жизни не сумел бы отличить один стиль от другого. Но в том, что эта тавола могла принадлежать кисти только одного-единственного в Хайбории мастера, он был убежден абсолютно.

Как и в том, что написать этот портрет мог лишь человек, сердце которого было наполнено самой глубокой, нежной и преданной любовью к изображенной женщине.

— Нравится? — спросил Гаал, заметив, как Конан смотрит на портрет.— Неплохой образчик тиарийской школы. Теперь никто так не напишет! Я выложил за эту таволу целое состояние.

— Не напишет,— медленно повторил Конан.— Только ты кривишь душой, князь! Сдается мне, портрет выполнен столь недавно, что нем еще и краски не высохли. Или я ошибаюсь?

Гаал резко дернулся в сторону выхода, но реакция Конана оказалась молниеносной.

— Куда же ты? — он преградил Гаалу путь.— Подожди, не торопись.. мой друг был здесь, верно? А скорее всего, еще и сейчас находится в замке, живой или... — он угрожающе приподнял меч.

— А собственно, почему ты так волнуешься? — спросил князь, уже успев взять себя в руки.— Да, твой друг — мой гость, что в этом такого ужасного? И с чего ты взял, будто я мог причинить ему вред? Он — художник, написал для меня эту вещь, все верно. И ты, оказывается, неплохо знаешь его руку. Но это вовсе не свидетельствует о том, будто наше знакомство, состоявшееся, кстати, к обоюдному удовлетворению, вылилось для него в некую трагедию! Ты был прежде его посредником, так ведь? Но Таризаль, судя по всему, по-прежнему едва ли не нищий. Значит, посредник из тебя, уж извини, никакой. Неудивительно, что он искал нового. И обрел — в моем лице. Так что, если он должен тебе какие-то проклятые деньги, ради всего святого, назови — сколько, и я готов их немедленно заплатить за него. Алчность правит миром, а истинная красота остается неоцененной, превращенная лишь в предмет грязной торговли!

— Ну ты и лицедей,— засмеялся Конан, выслушав эту напыщенную тираду.— Так и тянет поаплодировать... однако, будет уже попусту болтать, князь. Мне бы очень хотелось увидеть Та-

риэля. Я уже объяснял, что слова для меня — пустой звук.

— Пожалуйста, окажи любезность! Я тебя к нему с удовольствием провожу. Убедись, что с ним все в полном порядке,— произнес Гаал.— Я даже не прошу тебя оставить меч. Наоборот, если хочешь, возьми еще один, может быть, вооружившись до зубов, ты перестанешь испытывать неоправданное беспокойство? Надеюсь только, ты не обратишь оружие против Тариэля.

— За это ты сам меньше волнуйся,— сказал варвар,— и если тебе не нужны лишние неприятности, не заставляй меня применять это самое оружие против тебя.

— Да ты мне смертью, что ли, угрожаешь? — изумился князь.— Замечательно! В моем доме! Если хоть один волос упадет с моей головы, ты сам не выйдешь отсюда живым.

— А тебе на том свете от этого легче будет? — усмехнулся варвар.— Тогда зови на помощь прямо сейчас. Один звук, и я тебя этим же мечом и прикончу. Веришь мне?

Почему-то князь Гаал не усомнился в реальности его угрозы и за все время пути резких движений старался не делать. Сказал только:

— Меч у тебя, как ты и хотел. Так что кубок оставь здесь, будь настолько любезен.

Конану пришлось расстаться с диатретой, но он был убежден, что вернется за ней. Зато, обладая действительно прекрасным мечом, вполне

отвечающим самым придирчивым требованиям киммерийца, он чувствовал себя вполне уверенно.

Достигнув одной из комнат в восточном крыле замка, Гаал сделал знак охраняющим ее стражникам отойти в сторону.

— Ты хотел его видеть? — спросил он Конана.— Что может быть проще?..

* * *

...— Еще в какой ловушке,— подтвердил Тариэль.— Как ты меня нашел?

— Это, как раз, оказалось не самым сложным,— вздохнул киммериец, озираясь.— А с тобой, вроде, вполне сносно обращаются. На тюремную камеру не похоже. И еда отменная, и выпивки хоть залейся, и вообще...

— Да, сносно. Точно, как и положено обращаться со смертником. Выполнять последнее желание, например.

— Ну, так пожелай, чтобы этот ценитель шедевров отправился в преисподнюю раньше тебя. Лично я бы этим вполне удовлетворился.

— Я тоже, но, боюсь, это и невозможно.

— Ты меньше бойся. Выберемся! Вдвоем-то? И с этим? — Конан не без гордости показал Тариэлю меч.— Вот, только что по случаю выменял у здешнего гостеприимного хозяина. Гиперборейская сталь, ей не найти равных.

— Он тебе пригодится,— согласился тот.— И очень скоро. Знаешь, что Гаал собирается с нами сделать?

— Попробую угадать с трех раз. Скормить Вундворму?

— Ты видел его? И после этого так спокоен?!

— Не видел, признаться, но могу предположить, что гадость изрядная.

— Это, в двух словах, такая огромная змея...

— С кошачьей головой. Да. Я знаю. К тому же, ее невозможно убить.

— Гаал говорил мне то же самое, но я решил, что попытаться придется. Нельзя же сдаться просто так, без боя! — воинственно заявил Таризель и вдруг, без всякого перехода, закрыл лицо руками.— Мне никогда в жизни не было так страшно, Конан! Стыдно в этом признаться, но я...

— Киммериец обнял его за плечи, чувствуя, как все тело Таризеля содрогается от рыданий.

— Брось, малыш. Ничего. Вместе мы с ним справимся.

— Ты действительно так считаешь? — с надеждой спросил Таризель.

— Конечно,— Конан вовсе не был безусловно уверен в исходе предстоящего сражения, но сейчас считал самым главным поддержать упавшего духом друга.— Вдвоем-то? Двое таких великих воинов, как мы? Знаешь, нам не только в Халогне не было равных, но и во всей Хайбории, вот что

я тебе скажу. И потом, ты никакого права не имеешь умирать. Дара ждет тебя. И, может, для тебя это не так важно, но Донал Ог не сомневается в твоих возможностях. Я говорил с ним.

— Ты был в Бельверусе? — понял Таризель.

— Ну да. Из-за Райбера,— объяснил Конан.— Мне пришлось привезти его с собой.— Он коротко рассказал о своем недолгом путешествии.

— А где ты его теперь-то оставил? — спросил граф.

— С Джахель,— вздохнув, признался он.

— С кем? При чем тут Джахель? Она-то как оказалась в Нумалии, я что-то плохо тебя понимаю...

— Решила составить мне компанию, вот как! Честно говоря, я и сам понимаю не все, но она, как бы точнее выразиться, привязалась ко мне, и...

— Ну и девчонка! — воскликнул Таризель.— Узнаю свою безудержную дочь! Судя по всему, она в тебя влюблена! А если так...

— Таризель, я старше нее более чем втрое!

— Не думаю, что это может ее остановить. Я ведь тоже был совсем не парой Даре, однако, такие женщины в последнюю очередь смотрят на мелочи вроде разницы в общественном положении, возраст и прочее. Лет через пять-шесть, если она не передумает, а ты все еще будешь свободен, вполне может стать, что мы породимся. А? Как думаешь? Если серьезно, Конан,

то Джахель самая сильная из всей моей семьи. Да-да, не удивляйся, я всегда это знал.

Так или иначе, невыносимые мысли о Вундворме отступили для Таризеля на второй план, и Конан был рад этому. Что бы их ни ожидало, смертельную опасность лучше встретить достойно, не поддаваясь парализующему страху.

Глава восемнадцатая

коло полуночи князь Гаал сам, лично посетил пленников. Конан угрожающе приподнялся при его появлении.

— Ну как, — словно не заметив этого, проговорил князь, — вы успели обсудить между собой возникшие недоразумения? В таком случае, ты можешь идти, мне совершенно незачем тебя здесь удерживать. И если Таризель намерен также меня покинуть, то пожалуйста, путь свободен.

— То есть как? — недоверчиво спросил Таризель.

— Ты еще не утратил желания испытать судьбу? — приподнял бровь Гаал. — А мене показалось, будто ты был вовсе не в восторге от подобной возможности. Но я мог и ошибаться.

Что-то здесь было явно не так. Гаал говорил очень тихо и выглядел странно подавленным. Но вот он бросил случайный взгляд на листы

пергамена с рисунками Тариэля, все еще продолжавшие лежать на прежнем месте. Ноздри Гаала гневно раздулись, словно он понял нечто важное, он взял один из листов и принялся внимательно разглядывать изображение.

— Что, страсть к прекрасному сильна всегда? Заберешь с собой или оставишь на память?

— Мне это не нужно.

— Как хочешь... вас обоих проводят до границ Нумалии, но я прошу об одной услуге: никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не упоминать об Ордене. Это не чрезмерно тяжкое условие, верно ведь?

— Было бы верно, пожалуй, если бы не твое слишком невероятное благородство,— проговорил Конан.— Лично я не такой дурак, чтобы поверить, будто ты способен нас вот так запросто отпустить.

— А ты проверь. Или намерен никогда не покидать пределов этой комнаты?

Конан переглянулся с Тариэлем.

— Пойдем, парень.

Они совершенно беспрепятственно достигли выхода из замка, казавшегося сейчас совершенно пустым. Складывалось полное впечатление, будто здесь никого нет, кроме них и Гаала.

— Не нравится мне это,— сказал Конан.— Он что, специально всех слуг отпустил? Тихо, как в могиле. Зато двери открыты все, какие есть, ты заметил? Зачем бы, как думаешь?

У Тариэля никаких соображений на сей счет не возникло. Иное дело, что он, как и варвар, отчетливо ощущал приближение опасности и непрерывно озирался, стремясь не позволить таковой проявиться внезапно. Тем не менее, двое мужчин покинули замок, и никто их не остановил.

...— Иди! — Гаал распахнул последнюю дверь, запертую до этого момента.— Иди, Повелитель. Ты ведь так хотел этой Охоты! Убей их обоих. Убей! Это наша с тобою ночь, и да будет так.

— Берегись! — крикнул Конан, одновременно услышав леденящий душу звук — шуршание стремительного чешуйчатого змеиного тела по аккуратно усыпанной гравием дорожке и обнажая меч.

Тариэль отскочил в сторону, и Вундворм не сумел схватить его с первого же прыжка. Впрочем, виной подобной неповоротливости было то, что гадина оказалась серьезно ранена — разумеется, в тот момент связать это обстоятельство со сделанными Тариэлем набросками на пергамене не смог бы ни Конан, ни он сам.

— Ну, иди сюда, иди ко мне, проклятая кошка,— позвал киммериец, отвлекая Вундворма на себя, так как понимал, что из них двоих вооружен только он, а Тариэлю придется сражаться голыми руками.

Бешено шипя, чудовище устремилось в его сторону, и киммериец нанес удар тем самым ме-

чом, перерубающим сталь. Он мог поклясться, что не промахнулся! Любое живое существо после такого удара обязано было свалиться замертво...

Но не Вундворм, на которого действия Конана не произвели никакого впечатления, разве только разъярив еще больше.

Меч прошел сквозь него, не причинив ни малейшего вреда. А конец чешуйчатого хвоста, свистнув в воздухе, намертво обвил запястье Конана, заставив того разжать пальцы и выпустить оружие, бесполезно отлетевшее в сторону. Хуже того, под тяжестью навалившейся на него туши гадины, которая сбила его с ног, Конан и сам рухнул на землю, увидев прямо над своим лицом жуткую морду с ощеренной пастью и острыми белыми клыками. Когти Вундворма рвали его одежду и плоть, причиняя невыносимую боль и впиваясь так глубоко, что спустя какие-то мгновения киммериец был весь в крови. Но он продолжал яростно сопротивляться, вовсе не собираясь бесславно и покорно отдавать свою жизнь. Увы, его собственные удары для Вундворма не значили ничего.

Тварь была так увлечена своей жертвой, что на второго противника внимания покамест не обращала. Таризель завладел мечом, рукоять которого еще хранила тепло руки его друга.

— Оставь его! Тебе нужен я, а не он!

Вундворм прекратил рвать тело Конана и обернулся к нему, угрожающе шипя. Их глаза встретились. И тут в сознании Таризеля отчетливо возникло странное видение. Ему казалось, что все происходящее на самом деле нереально, а является лишь сюжетом безумной, жуткой картины; он увидел как бы со стороны и себя, и Вундворма, вспомнил те маленькие изображения, которые набросал, будучи пленником Гаала. Внешнее пространство превратилось в подобие таволы, на которой и разворачивалось действие.

Вундворм снова оттолкнулся от земли и прыгнул. Таризель выставил вперед и вверх черное острие меча, и тварь рухнула на это острие, вонзившееся ей в глотку и прошедшее насквозь.

Какое-то время Вундворм был еще жив.

Змеиное тело агонизировало, бешено извиваясь по земле, желтые глаза сверкали ненавистью... но вот движения его замедлились, и взгляд потух.

Таризель с трудом мог поверить, что остался в живых. Битва с гадиной отняла у него все силы. Шатаясь, точно пьяный, и волоча за собой окровавленный меч, он прошел несколько шагов и вдруг сообразил...

— Конан!..

Казалось, время остановилось, даже ветер затих.

Киммериец был жив, Таризель понял это сразу, как только опустился рядом с ним на коле-

ни. Он дышал хрипло и прерывисто, лежа на боку лицом вниз.

Под ним, отливая металлическим блеском, растекалась лужица крови. Таризель сглотнул ком, застрявший в горле, и постарался отвести глаза от темного сверкающего озера, которое становилось все больше с каждым мгновением. Взяв Конана за плечо, он перевернул его на спину. Дыхание варвара стало ровнее, он открыл глаза и попробовал приподняться.

— Конан,— Таризель обнял его,— все будет в порядке, я не дам тебе умереть... не двигайся...

— Сзади! — собрав все силы, крикнул киммериец, но его голос прозвучал чуть громче шепота.

Нож Гаала по рукоять вонзился в спину Таризеля. Граф даже не успел понять, что произошло. Он дернулся, из полуоткрытого рта на подбородок выплеснулась тонкая струйка крови... Гаал с силой выдернул нож и занес руку для нового удара, которые готов был наносить бесконечно.

Страхнув с себя Таризеля, Конан перехватил руку князя и резко вывернул, мысленно благодаря Крома за то, что, оказывается, вполне способен двигаться и даже сражаться.

Но он был серьезно ранен, а Гаал — невероятно силен и ослеплен отчаянием, так что справиться с ним Конану удалось не сразу. Оба покатались по земле, пытаясь дотянуться до горла

друг друга. Неизвестно, каков был бы исход поединка, сейчас за него никто бы не смог поручиться, учитывая примерно равные силы обоих дерущихся мужчин...

Туша Вундворма еще продолжала слабо подергиваться в последних конвульсиях, черный хвост двигался из стороны в сторону. Вот он приподнялся, дотянувшись до ног князя, своего верного раба, обвинил их... Гаал сдавленно вскрикнул.

Вундворм рванул на себя тело князя, страшные кольца обвились вокруг него и замерли навсегда. Человек и чудовище слились в последнем страшном объятии. На лице Гаала возникла странная, слабая улыбка, мертвые глаза закатились, сверкая жутко выкаченными белками.

— Кончено,— сказал Конан, поднимаясь и сплевывая кровь, которая, вместе с грязью, превращала его искаженное лицо в подобие ужасающей маски.

Он подошел к распростертому на земле телу Таризеля, в котором, на первый взгляд, жизни было не больше, чем в их поверженных врагах.

— Эй, малыш! — голос киммерийца предательски сорвался, когда он приподнял безвольно поникшую голову своего друга.— Ну как же это вышло-то, а?

Густые каштановые ресницы Таризеля слабо дрогнули, а пальцы его едва ощутимо сжали руку киммерийца.

— Ну, вот, вот,— пробормотал варвар,— это лучше уже... ничего, малыш, ты только держись как-нибудь. Мы еще с тобой повоюем, честью тебе клянусь!

...— Что ты с ним сделал, подонок?!

Конан резко обернулся и увидел Джахель, похожую на юную богиню мщения и готовую наброситься на него.

— С ума сошла, да? — возмутился он.— Помоги лучше! Тряпки есть у тебя какие-нибудь? Если мы сейчас же не перетянем рану, он точно умрет, поняла?!

Угроза произвела на Джахель впечатляющие действие. Она захлопотала возле раненого, изо всех сил стараясь помочь ему. Движения Джахель не отличались бесполезной суетливостью, девочка очевидно знала толк в подобных делах и нисколько не боялась вида крови.

— Меня мама научила,— пояснила она, предупреждая вопрос, готовый сорваться с губ Конана, который, сорвав с себя рубашку, протянул

Джахель, и та ловко прижала сложенную ткань к глубокой ране на спине Тариэля, пытаясь остановить кровь.

— Я подниму его и внесу в дом,— сказал варвар,— отойди.

Девочка подчинилась, хотя все еще сохраняла замкнутое, недоверчивое выражение лица.

— Где Райбер? — покосился Конан в ее сторону.— И почему ты сама здесь оказалась?

— Я здесь,— мальчик подбежал к нему.— Просто мы пришли, потому что знали, что можем понадобится!

— Мерзавцы,— устало произнес варвар, чувствуя, что вот-вот рухнет.

Он еще успел донести Тариэля до одной из комнат и осторожно опустить на постель, прежде чем потерял сознание.

* * *

Сколько времени он не приходил в себя, варвар понял не сразу, но очнувшись, постепенно сообразил, что кто-то успел о нем позаботиться. Все тело болело, однако глубокие раны от когтей и зубов Вундворма были аккуратно перевязаны, кровь смыта, а осторожно пошевелившись, он с удовлетворением отметил, что все кости, кажется, остались целы.

— Не так уж мало,— вслух произнес Конан, с трудом ворочая пересохшим языком, и потянулся к стоявшему рядом с его ложем кувшином с водой.

Он даже смог приподнять кувшин и поднести к губам, правда, пролив часть жидкости себе на грудь.

— Ну что ты делаешь,— произнесла Джахель, поспешно подходя к нему,— попросил бы меня, я дала бы тебе напиток.

— Я тебе уже говорил, что привык сам справляться со своими проблемами,— возразил ким-

мериец.— Но если хочешь, поставь эту штуку на место.

— А я тебе тоже говорила, что иногда можно надеяться не только на себя,— девочка выполнила его просьбу, а затем, быстро наклонившись, коснулась губами его лба, на котором алел свежий, едва начавший затягиваться шрам.

Конан хотел было остановить ее, но неожиданно попытался вспомнить, а доводилось ли ему испытывать подобные ощущения, когда кто-то с такой нежностью целовал его раны? — и подумал, что не стоит упускать такую возможность.

— Конан,— сказала девочка,— прости меня.

— За что? — удивился варвар.

Она могла бы просто промолчать, но, чуть поколебавшись, ответила:

— Я была так несправедлива к тебе! Теперь ты, наверное, станешь меня ненавидеть, но я... я боялась, что ты, пожелав соединиться с моей матерью, можешь убить отца. Я хотела... хотела... заменить ее для тебя, чтобы моя семья не страдала, и... — это отчаянное признание, высказанное вслух, так потрясло саму Джахель, что она не смогла сдержать слез.

С минуту Конан, переваривая услышанное, молча смотрел на нее.

— Дурочка,— произнес он затем,— у меня и в мыслях ничего подобного не было.

— Теперь я это знаю,— воскликнула Джахель,— отец все мне рассказал, как вы вместе сражались, и что вовсе не ты, а этот ужасный князь Гаал ударил его ножом.

Значит, Таризель жив, слава богам, понял Конан.

— Джахель,— сказал он,— мне совершенно не за что ненавидеть тебя. Ты очень сильная и смелая девушка, но только в людях тебе придется научиться разбираться получше, чтобы отличать того, кто способен вонзить другому человеку нож в спину, от тех, кто никогда не поступит подобным образом. Ладно! Ты, что же, одна оказалась с нами обоими, и никто не помогал тебе? Как же ты справилась?

— Райбер помогал,— возразила Джахель.— Тут такое творилось... мы позвали людей из тайной охраны, они сообщили в Бельверус... в общем, через пару дней дед сам сюда примчался. И мама вместе с ним тоже. Так что мы с Райбером недолго оставались одни.

— Зато в самые сложные дни.

— Ничего. Райбер мне подсказывал, какие травы нужны, чтобы останавливать кровь, и какие заговоры, и как зашить рану...

— Райбер?!

— Конан, он не совсем Райбер. То есть не только. То есть в нем как бы два человека. И тот, второй, знает очень, очень много. Но он не всегда появляется... и просил не рассказывать о

нем никому, кроме тебя. Он сказал, ты о нем и сам давно догадался.

— Это точно,— вздохнул киммериец,— догадался... Джахель? Я тоже должен кое за что извиниться. Если говорить о том, кто о ком судил неверно...

— Я знаю,— смущенно засмеялась она.— Ты думал, я на тебя вешаюсь, правда? Но я ведь именно и старалась заставить тебя так подумать.

— О, женщины,— покачал головой варвар,— только боги и судьба могут вас рассудить!..

Эпилог

что же ты натворил, Ролло? — в отчаянии шептала женщина, стоя на высокой скале и глядя в сторону пылающего Тиара, своей единственной родины, где остался тот, кого она любила всем сердцем.

Увы, живописец не мог ее слышать: он погиб вместе с остальными своими соотечественниками, и Онора слишком ясно понимала это.

Сама она всего несколько дней назад покинула Тиар, бежала, не в силах более выносить зрелище все усиливающегося безумия своего возлюбленного и присутствия в доме его ужасных тавол с изображением чудовищ, которые шевелились и свивались в отвратительные клубки, точно живые.

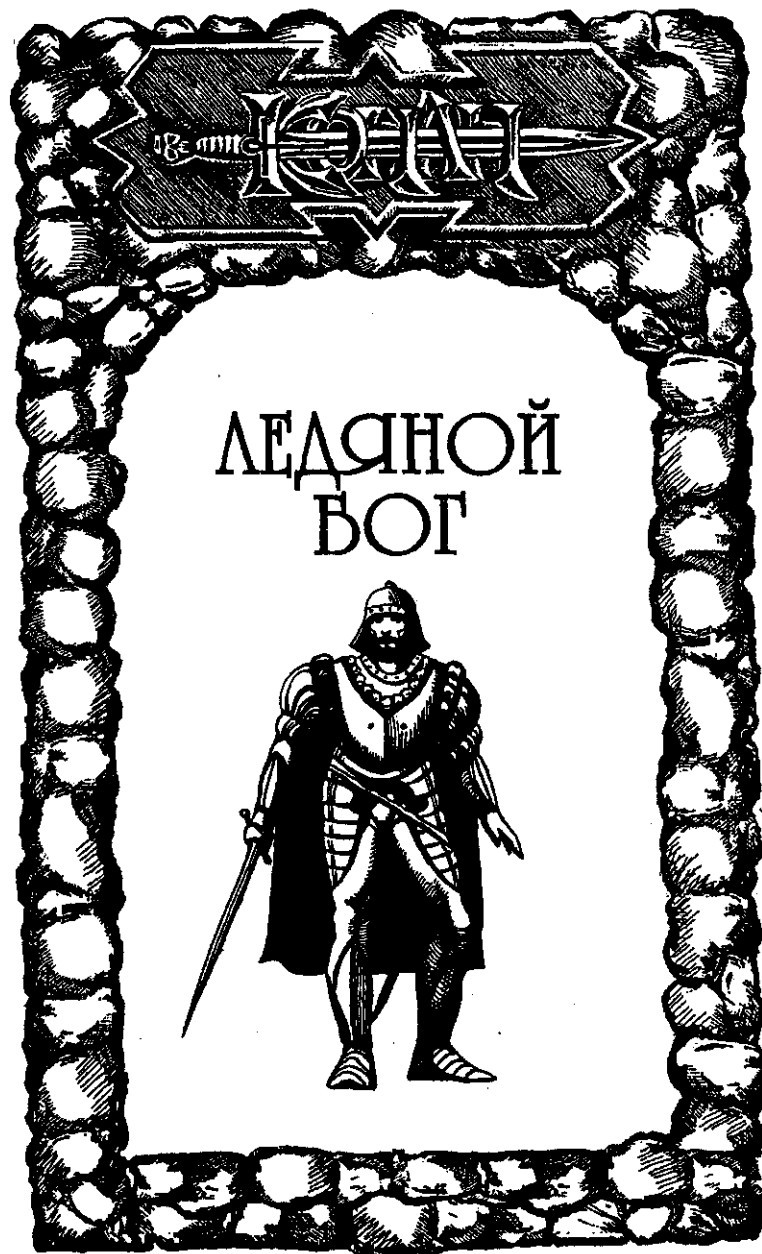
— Ролло,— позвала она,— Ролло, как я смогу жить без тебя?! Лучше бы я осталась, чтобы мы погибли вместе...

Женщина посмотрела вниз, на яростно бьющиеся о подножие скалы пенистые волны, словно призывающие ее сделать всего один шаг, и...

— Нет,— решительно сказала Онора, прижав руку к еще не заметной постороннему глазу округлости живота, где спал под сердцем ее ребенок, дитя Ролло.— Я стану жить ради него, и род тиарийских магов не прервется... клянусь... когда-нибудь...

Порыв ветра заглушил ее последние слова. Онора повернулась и пошла прочь от края, незримой чертой разделяющего жизнь и смерть.

Ррохотное, злое северное солнце сочилось кровью, день был на исходе. Небо почернело. Набухло тяжелыми свинцовыми тучами, грозило разразиться бурей и, запорошив все дороги и пути, погрузить людей в вековую темень. Близилась ночь. Она несла путнику беспокойный сон, если удастся развести костер на этих бесплодных равнинах, и опасность быть сожранным свирепыми, вечно голодными волками, потерявшими чувство страха перед божественным огнем.

Снежная равнина с голыми холмами простиралась перед взором одинокого странника.

Легкий ветерок, вздымавший снежную пыль, шевелил черную, покрытую коркой инея гриву волос великана. Он продвигался быстрым шагом, переходящим в бег, по снежному одеялу, превратившемуся в вечную мерзлую твердь.

Укутанный с головы до ног волчьими шкурами,— на некоторых еще сохранились следы крови,— человек плотнее заворачивался в них, надеясь защититься от жестокого мороза и ледящего ветра, несущего пургу, а обоюдоострый двуручный клинок, висевший на ремнях за спиной, был готов к любым опасностям, которые могли подстеречь одинокого путника на трудной дороге через снежную холодную Гиперборею.

Он был в пути третий день. Беглый гладиатор, убивший брата своего хозяина и его дочь. Они оказались колдунами-оборотнями, нагонявшими страх на всю Халогу, сеявшими ужас и смерть на узких, мрачных улочках гиперборейского города. Теперь же за ним охотилась вся Халога, а до спасительной цепочки гор, отделяющих Гиперборею от Бритунии, оставалось еще пару дней пути.

Сумерки стужались, отбрасывая на белоснежную равнину, призрачные тени. Рослая широкоплечая фигура быстро передвигалась по безлюдной мертвой пустыне, оставляя за собой цепочку следов на нетронutom веками снежном покрове. Путь его лежал на юго-восток, в неплодородную неприветливую Замору, где он надеялся завербоваться в наемную армию местного правителя, искавшего повод развязать военные действия со своим недружелюбным соседом из-за куска земли, который их семьи не могли поделить вот уже два столетия.

Погода портилась. Небо хмурилось. Казалось, боги недовольны этим неуютным, ледяным краем, полным смерти. Сплошным потоком хлынул с неба снег. Жуткое уродливое божество вспорол ткань неба, чтобы затопить людей в непроглядной снежной мгле. Сколько путников заблудится в эту ночь и уже никогда не найдет дорогу домой под уютный теплый кров, где каждого ждет любимая женщина и раскаленный на огне котел, в котором варится ароматная пища.

Конан упрямо продолжал путь, не обращая внимания на усиливающийся ветер, который готовился сорвать с варвара одежды, раздувал их как парус на корсарском судне, и трепал своей ледяной ладонью.

Снег непроглядной стеной отгородил убежавшего убийцу от гнева преследователей. Конан продвигался вперед, полагаясь на свое звериное чутье, но снежная стена упорно скрывала от него дорогу, и он уже не знал, следует ли правильному пути. Быть может, впереди притаились земли Асгарда, или, заблудившись на сумрачных равнинах, он повернул назад, сам того не замечая, и крепостные стены Халогии приготовились принять его под свою защиту, спрятав от ледяного ветра. Но Конан не питал иллюзий: попав в плен к халогцам, варвару предстояло расстаться с жизнью. Его казнили бы в тот же день, покарав за убийство Сигмунда и Соль — оборотней, поэтому он предпочитал до последнего дыхания

сражаться с пронизывающим насквозь ветром, нежели погибнуть под топором палача.

Тряхнув копной черных, как смоль, волос, Конан отогнал от себя невеселые мысли и с еще большим остервенением и упорством бросился вперед, собираясь покорить своим упрямством и смелостью природу, но она была непрístupна. Если бы вместо свирепого ветра перед ним встали полчища воинов, вооруженных острыми клинками, он прорубился бы сквозь них, как через стену хрупкого тростника в человеческий рост, но с природой бороться бессмысленно, и варвар чувствовал себя ничтожной песчинкой в царстве вечных льдов.

Ноги вязли в сугробах, возвышающихся толстым слоем над промерзшей землей. Напрягая мускулы ног, Конан остервенело переставлял их, погружая в пронизывающий холод. Ничто не могло спасти от беспощадного снега. Он был один. Один на один со смертью.

Стоит ли двигаться вперед? Может лучше упасть на снег и, зарывшись в его спасительную толщу, поплотнее закутаться в шкуры и переждать бурю. Стихнет ветер. Устанут боги засыпать снежной крупой землю, и над Гипербореей снова воцарится мир. Перестанут враждовать земля и небо. Спокойствие продлится до тех пор, пока нечестивые колдуны вновь не прогневают справедливость небес и не обрекут эту уютную землю на новые страдания.

Сомнения закрались в смелое сердце варвара.

Он потерял счет времени. Сколько часов назад скрылось солнце за неприветливыми холмами и скалами Пограничного Королевства? Как долго он блуждает, захваченный в плен снежной бурей? Как далеко прорвался сквозь пелену непроглядной тьмы и непроходимых сугробов?

Быть может, он удалился всего на несколько шагов от того места, где его застал врасплох первый порыв пронизывающего ветра? А может впереди за стеной снегопада, в нескольких шагах, его ожидают спасительные подножия скал?

Внезапное падение на ровном месте (поскользнулся на обледенелом камне) вызвало у варвара лавину проклятий. Снег залепил лицо, набился в рот, и руки свело судорогой. Отплевываясь от снега, одеревенелыми от мороза пальцами он счистил с лица промерзшую снежную коросту.

Молиться Крому бесполезно. Он, в бездонной вышине необъятного неба, не прислушивается к мольбам людей. Но варвар все же проревел громогласным голосом:

— Кром!!!

Крик его разнесся над бескрайней безлюдной пустыней, покинутой богами, но остался без ответа.

Горячее дыхание вырвалось изо рта и поднималось паром к оглохшему от человеческих стенаний небу. Волосы покрылись ледяной коркой и стали больше похожи на ледяной шлем.

Поднялся с колен. Распрямил могучее тело. Почувствовал теплую кровь, разбежавшуюся по жилам, и продолжил путь с еще большим упорством.

Снег слепил глаза, и, казалось, не будет конца этой буре. Она вечна и больше никогда не покинет Гиперборею. Белоснежное проклятие. Боги отвернулись, предоставляя в полное распоряжение эти мертвые земли, жалких людишек, котящихся за каменными стенами и влачащих жалкое существование на окраине мира смерти.

Но вот сквозь туманную дымку снега стали проступать смутные очертания какого-то громоздкого сооружения. Конан ускорил шаг, все ближе и ближе приближаясь к вырисовывающемуся силуэту стен. Надежда на кров, очаг и пищу. Варвар не ел с самого побега из Халогии. На бесплодных снежных равнинах Гипербореи изредка можно встретить стада северных оленей, мускусных быков и мастодонтов, но Конану не везло. За два дня пути он видел только тухлую тушу задранного волка, над которым изрядно постарались сородичи, и теперь голод мучил воина, неустанно напоминая о себе. В Халогии кормил варвара на убой, и теперь измотанный двухдневной дорогой и свирепой бурей Конан мечтал только о прожаренной на огне оленине, о жестком ложе и ворохе теплых одеял.

Последний раз он спал день назад. Уклонившись от намеченного пути, Конан набрел на гор-

стку разрушенных лачуг, огражденных от непрошенных гостей каменной стеной в человеческий рост. Вокруг не было ни души. И вот удача снова повернулась к нему лицом.

Громадный величественный замок все явственнее выступал из тьмы. Он поражал своими высокими стенами, так непохожими на халогские крепостные стены, башнями, возвышающимися над давно вымершим ярусом боя, на котором больше не вышагивали воины и с которого больше не обозревали окрестность дозорные.

Над замком царила тишина. Пугающая, зловещая, мертвая. Обледенелые стены вешали Конану о том, что много столетий назад крепость была покинута жителями, или, быть может, все они пали жертвами страшного мора, разбушевавшимся над маленьким неуютным уголком Гипербореи.

— Печень Нергала! — выругался Конан, обозревая длинную стену в надежде отыскать ворота.

Пронизывающий насквозь ветер, словно чувствовал, что упускает жертву, и все больше свирепел, страстно желая впечатать тело человека в камень и размазать по стене, но варвар усиленно сопротивлялся и медленно, цепляясь скрюченными от холода пальцами за выступы в стене, продвигался вдоль каменной кладки в надежде найти ворота и спрятаться от ветра за неприступными стенами крепости.

Медленно тянулись мгновения, не приносившие никакого результата. Стена казалась нескончаемой, а буря была неумолима. Она пригнала рослого воина к земле, надавливая яростно на плечи. Битва с бурей была пострашнее всех вместе взятых поединков на ристалищах в Халогге.

Конан уже терял надежду попасть в замок, когда стена, доселе казавшаяся ему неприступной, вдруг расступилась, явив удивленному варвару сводчатую арку распахнутых ворот. Конан был готов побиться об заклад, что всего несколько минут назад на этом месте не было ничего, только грубо отесанные каменные глыбы, уложенные друг на друга и скованные ледяными узами вечного мороза, царившего над Гипербореей.

— Великий Кром,— изумленно промолвил Конан, и тут же буря прекратилась, словно никогда и не начиналась. Не было свирепого ветра, только дорога и только двуручный меч, притянутый ремнями к спине.

Конан обернулся и узрел нескончаемые снежные равнины, изредка встречающиеся невысокие холмы, серые точки, кружащиеся невдалеке, хорошо заметные на снегу.

— Волки,— подумал Конан и сделал два шага в сторону от каменной стены, и тут же на спину навалился смертельным грузом яростный ветер, взявшийся из пустоты, снежная стена отрезала

варвара от всего остального мира, сделав побег невозможным.

Буря проснулась вновь. Завлекла жертву в ловушку и не давала ей вырваться.

Конан резко обернулся к крепости.

— Кто-то хочет, чтобы я остался,— подумал он.— Но кто?

Конан приблизился к воротам, и буря смолкла, на этот раз навсегда. Забытая богами крепость распахнула врата, приглашая путника в свое гостеприимное чрево.

Конан вступил под арку. Рука его потянулась за спину и выдернула меч из ножен. Лезвие сверкнуло, и блеск отразился от обледенелых стен.

Стены, сложенные из грубых, необработанных глыб, окружали серые, заваленные снегом строения, которые жались к центру, как озябшие птицы к теплу. Нельзя было разглядеть ни окон, ни дверей.

Их не было.

Конан почувствовал ледянящий душу ужас. Не нравилась ему эта тишина. Как и все варвары, он испытывал страх перед проявлениями сверхъестественной силы. Он не боялся людей, но колдуны, оборотни, змеи с человеческими головами могли заставить его забыть о храбрости.

«Где же хозяева крепости? Неужели они бросили свои жилища? Куда они могли уйти? От кого бежали? Какая чудовищная сила выгнала

их из своих жилищ? За такими стенами многонедельная осада покажется легким испугом!..»

Конан двинулся к близлежащему дому, погрузившемуся на человеческий рост в промерзшую землю. Он озирался по сторонам, сжимая в руках грозное оружие, которое против мистических сил казалось легким перышком, не способным причинить вреда, лишь только пощекотать нервы.

Ни окон, ни дверей, но стоит подойти ближе и взглянуть в ледяную корку, покрывающую толстым слоем стены.

Люди,— подумал Конан.

Когда-то здесь жили люди, но теперь их дома выглядели окаменевшими истуканами, присутствовавшими еще при рождении земли.

Крепость, умершая много столетий назад, оставалась безучастной к замерзающему человеку, ищущему за городскими стенами надежное укрытие от ветра, мороза и волков.

Неведомая человечеству болезнь опустошила город, выжгла всех провинившихся перед богами. Когда-то нечто подобное Конан уже видел. Пустые улицы, наполненные тишиной и колдовским смрадом (сам Нергал прошел по ним, выкашивая людей, отбирая у жалких смертных души) напомнили Конану городок в гирканской степи, на который он набрел в поисках наставника, познавшего могущество Огненной Силы. Тот городок напоминал рассадник зловония. Чу-

ма, унесшая жизни горожан, завалила улицы гниющими трупами, которые некому было убрать. Конан молнией промчался по мрачным улицам, полным смерти, чтобы не видеть искаженные агонией лица людей...

Но эта крепость была другой.

Холодный воздух обжег легкие. Конан взмахнул мечом и погрузил сталь в зеркальную поверхность льда. Льдинки осколками брызнули на незащищенное лицо, рассекая кожу.

Конан отскочил, ожидая нападения, и угрожающе поднял меч над головой, готовясь обрушить его на любого, кто осмелится броситься на беглеца, но дом оставался безучастным.

Раздался жуткий скрежет, и многовековой нарост льда, заключавший дом в оковы, осел на землю, вздыбив слой снежной пыли. Больше ничто не преграждало доступ к двери.

Проход был открыт, но теперь, когда можно было беспрепятственно проникнуть внутрь и исследовать склеп, Конаном завладела нерешительность. Он был готов развернуться и отступить. То, что могло открыться за дверями дома, приводило варвара в суеверный ужас. Но отступить некуда...

Ворота закрыты, отворить их невозможно, и даже, если удастся покинуть крепость, то дальше стен ему все равно не удалось бы уйти. Поднимется буря и загонит его обратно. Оставалось только войти...

Конан вступил на порог и осторожно заглянул в сумрак, таивший в своем чреве немало тайн.

Тишина. Сырость. И темень.

Конан не удивился бы, если из темноты на него набросились люди в белых масках, черных одеяниях и в плащах с капюшонами. Он слышал о Белой Руке, настолько могущественной, что вся Гиперборея дрожала от страха и ужаса перед колдовской сектой. Может быть это крепость Похиола, в которой правит королева — жрица Лухи, и это она заманила его в свои сети, чтобы расправиться с ним и испить его крови. Хотя возможно Конан спутал Похиолу с Сигтоном, а Лухи с Сигтоной, королевой — ведьмой, но об этом он не задумывался.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Из сумрака мертвого дома стали проступать неясные очертания громоздких предметов, которые неожиданно выглядывали из темных углов, заставляя Конана бросаться с мечом то на грубую деревянную скамью, которая рассыпалась в труху, лишь только клинок коснулся ее поверхности, то на груду окаменевших поленьев, сваленных возле очага.

Все было так, словно люди, обитавшие прежде в этих стенах, вышли куда-то, но скоро вернуться. Запыхавшись по-домашнему огонь в очаге, а женщины будут суетиться вокруг уставшего се-

довласого воина, и в углу снова, как много веков назад, захнычут сопливые дети.

Конан мотнул головой и отогнал от себя видения. Призраки минувших времен расступились, давая воину возможность рассмотреть обстановку.

Длинные дубовые скамьи заполняли просторное помещение, которое, по всей видимости, служило либо трапезной для братства воинов, либо домом совета старейшин, где решались важнейшие дела племени, вершился суд над преступившими закон, обсуждались вопросы войны и заключались перемирия. Дубовый стол стоял посередине комнаты, поверхность загромождали деревянные миски, составленные в многоэтажную крепость, ложки, ножи, лезвие которых давно источила ржавчина. Но не это привлекло внимание Конана. Огромная книга в драгоценном переплете зажгла в глазах варвара алчность. Древняя. Не одно столетие пролежала она здесь, дожидаясь его. Книгу можно было продать в Замоге. В лавке древностей за нее оторвали бы руки, только бы заполучить. Но удастся ли ее вынести из этой берлоги?

Конан подошел к столу и стряхнул с шероховатой поверхности миски, ножи и вилки, которые не упали на пол, а пылью осыпались на промерзшую землю. Конан не обратил на это внимания. Книга притягивала его. Он не мог отвести глаз от страниц, от которых веяло стари-

ной и колдовством. Испещренные причудливыми знаками листы были покрыты толстым слоем пыли. Варвар положил на стол меч и склонился над гримуаром. Буквы не были похожи на гиперборейские иероглифы, и он не мог их разобрать. Что-то они ему напоминали, но прочитав написанное он был не в силах.

Конан протянул руку к магической книге. Он хотел взять ее, оторвать от стола, где она пролежала столетия, но отпрянул. Огляделся по сторонам, словно ожидал увидеть в доме живых людей. Тишина окружала его. Рука потянулась к книге. Любопытство овладело варваром. Пальцы коснулись ветхих страниц и пробежали по буквам, будто ласкали тело обнаженной женщины, подняли старинный фолиант и поднесли его к глазам. Дыхание пробудило мертвые страницы, и пыль полетела вместе с трухой. Книга рассыпалась на глазах. Пролежав несколько веков в закованном льдом доме, она погибла лишь только свежий воздух коснулся ее страниц. Конан засунул опустевший переплет в меховую суму, висевшую на плече, и выбежал из дома.

* * *

Он увидел храм сразу же, как только вышел на улицу. Высокое, лишенное украшений серое здание, слившееся со скалой, нависающей над городом.

Храм, замурованный в скальной породе, зазывающе распахнул широкий дверной пролом, в котором отсутствовали двери. Конан мог поклясться на своем мече, что, когда он входил в город, этого храма и скалы не было, а теперь ... Откуда он появился? Что за чертовщина?! Прodelки Нергала!

Конан развернулся спиной к храму и сделал пару шагов в сторону ворот с твердым намерением покинуть город. Не нравилось ему здесь! Но с каждым новым шагом на плечи наваливался груз, в десять раз превышающий его вес, и все же он упорно сопротивлялся и, стиснув зубы до скрипа, продолжал свой путь, надеясь дойти до ворот. Может быть, там отпустит...

До выхода оставалось всего несколько шагов. Последний отрезок пути, но самый сложный. На плечах лежала неимоверная тяжесть, пригибающая к земле.словно все богатства мира свалили на его плечи, но не посилен был груз...

Конан оступился, и тяжесть придавила его к земле. Рукою он коснулся льда и закрипел зубами. Сдаваться не собирался. Неведомая сила отбросила его от ворот к середине площади. Он поднялся с земли и попытался снова добраться до запертых ворот, но двигаться с каждым шагом становилось все труднее и труднее. Воздух стал вязким и с трудом пропускал могучее тело воина. Конан почувствовал мощный толчок в

грудь. Глаза заволокла пелена боли. Он очнулся на земле, посреди площади, возле входа в храм.

Конан поднялся с земли, выхватил из-за спины меч и, угрожая выставив его перед собой, направился к храму. Большое серое святилище, спрятанное в возвышающейся скале, было напроць лишено всяких украшений, и только статуи в четыре человеческих роста высились в выдолбленных специально нишах, по обеим сторонам прохода, ведущего в храм. Статуи представляли из себя каменных великанов — стражей, так не похожих на северян, в просторных одеяниях, ниспадавших до пят. Лица их — мрачные, с суровыми глазами, — обрамляли окладистые курчавые бороды и длинные волосы, прекрасно исполненные в камне. Мускулистые руки великанов лежали на крестовинах огромных мечей, упершихся остриями в землю. От взгляда пустых холодных глаз, устремленных на человека, Конану стало жутко, но он поборол поднимающийся из глубины души страх. Снова в нем проснулось желание повернуть назад, отступить, не входить в храм, но он вспомнил как боролся с демонической силой, не выпускавшей его из города, и понял, что усилия тщетны. Ему не удастся покинуть это проклятое место, пока не исполнится воля невидимого демона, удерживающего путника в оковах городских стен.

Конан помянул Крома и шагнул под своды храма, ожидая встретить в сумраке демона, ко-

торый заждался человека, завлекая его в свои коварно расставленные сети.

Темнота окутала его. Когда глаза привыкли, Конан сумел разглядеть просторную, необъятных размеров залу, тускло освещенную дорожку, по обе стороны которой возвышались гранитные столбы, словно древние стражи, вставшие на охрану таинственного сокровища, спрятанного в глубине храма. Они были готовы в любое мгновение обрести человеческую форму, протянуть свои скрюченные руки к нечестивцу, посмевшему нарушить спокойный сон святилища, и разорвать его на части. Конана пробрала холодная дрожь, но он только сильнее сжал рукоять меча и осторожно двинулся по каменным плитам в глубь скалы.

Чем глубже он пробирался, тем дальше становилось до конечной цели. Зловещий мрак окутывал его сильное тело, заползал в душу, холодил сердце. С каждым новым шагом каменная тропа становилась все уже и уже. Колонны надвигались и устрашающе нависали над замершим на месте человеком.

Что ждало его там впереди? Что притаилось в темноте? Какая тварь, вылезшая из преисподней, точит сейчас гигантские клыки в предвкушении?

Конан поразился необъятным размером скалы и поднял в немом восхищении глаза. Он приготовился увидеть низкие, темные, неровные

своды, свисающие сталактиты, но всего этого не было и в помине. Колонны поднимались и терялись в вышине, затянутые темными облаками. Конан крепче сжал во вспотевших ладонях меч и бросился вперед. Где-то там впереди его ждала цель, ради которой он был загнан в эту ловушку, и, словно запутавшаяся в паутине муха, он не мог из нее выбраться.

Колонны сдвинулись так тесно, что последние метры он бежал, локтями касаясь шероховатой поверхности гранитных столбов, но внезапно все изменилось. Стало просторно. Колонны расступились, выбросив человека в просторную освещенную круглую залу, края которой были выложены каменными брусками в половину человеческого роста. Обработанные человеческими руками, они выглядели как монолитное кольцо, окаймляющее священную залу. Только в одном месте кольцо было прервано, и сквозь образовавшийся проход к алтарю, возвышающемуся в середине круглой залы, была проложена дорожка из белого камня, который выделялся на фоне черных гранитных плит.

Напротив Конана, по другую сторону алтаря, в глубокой нише сидело хрупкое человеческое существо, выполненное в камне. Совершенно нагой, в натуральный человеческий рост, худощавый с неразвитой мускулатурой он восседал на троне, опираясь на толстую каменную стену. На детском лице застыло выражение умиротворе-

ния и сосредоточенности. Ребенок. Перед варваром предстало окаменевшее дитя.

На грубом, ожесточенном лице Конана показалась улыбка. Рука с мечом ослабла и, успокоившись, опустилась к земле. В упор, немигающим взглядом, на него смотрели по-детски наивные глаза мальчика.

Лицо каменного ребенка напомнило варвару детство, отца, долгие ночи вокруг костра и страшные ночные истории, от которых у юного Конана кровь стыла в жилах и уходил сон, обрекая мальчика на грезы о подвигах и бесконечных сражениях с несметными полчищами врагов. Грезы ушли, но аромат детства остался и теперь вернулся к нему, принося воспоминания.

Конан пристально вгляделся в спокойное красивое лицо мальчика. Озорство в глазах сочеталось со скорбностью позы. Руки, взметнувшиеся над головой, пытались закрыть лицо от надвигающейся опасности. Но что могло угрожать мальчику в этой каменной крепости? Что могло испугать малыша, исказив страхом его тонкие черты?

В груди варвара всколыхнулось чувство жалости к каменному детенышу. Как искусен был резчик по камню, что ему удалось наделить скульптуру чертами человеческого характера, и киммериец, вглядываясь в мертвое каменное лицо, видел в нем живое существо.

Глаза ребенка, переполненные человеческими страданиями, были устремлены к каменному резному алтарю, на котором покоился огромный двуручный меч, инкрустированный драгоценными камнями. Время не тронуло лезвие, пролежавшее несколько столетий под сводами храма, не коснулось костлявой лапой смерти и разложения, оно оставалось неизменным, сверкающим и ослепительным.

Алмаз, размером с человеческий кулак, выглядывал из рукоятки меча, плотно удерживаемый золотым ободом. Этот алмаз разжег в глазах варвара огоньки алчности.

Он хотел обладать этим камнем, и смертоносным клинком. Но в глубине глаз таился страх, сокрытый в небесной синеве, перед сверхъестественными силами, обитавшими в заброшенном городе. Он видел их за каждой неровностью льда, за каждой тенью, притаившейся на земле, за каждым мрачным пахнувшим сыростью склепом, и в этом храме Конан чувствовал их присутствие.

Массивные стальные цепи, над которыми не властно ни время, ни силы природы, опутывали меч. Прикованный к алтарю, он излучал неугаемую магическую силу власти, и Конану показалось, что сверкающее лезвие источало реки зловонной вязкой крови, которые стекали по стали, капали на алтарь и выжигали в камне дымящиеся дыры.

Конан хищно уставился на алтарь. Видение исчезло, а чудесный клинок манил его к себе, но присутствие демона (он чувствовал это присутствие) останавливало воина.

За этот меч сражались многие. Самые могущественные правители Хайбории отдали бы все свои богатства за то, чтобы обладать этим редким клинком. А алмаз, украшавший рукоять... такой алмаз редкость ... он достоин украшать корону Аквилона или лежать в сокровищнице Немедии ... на земле он единственный — так думалось Конану, и в своих мечтах он уже обладал им.

Конан осторожно приблизился к алтарю.

Где-то за колоннами раздался шорох, быть может, это мыши затеяли возню вокруг трупика своего собрата, или заманивший его демон подкрадывается со спины к варвару, собираясь напасть, но киммериец не обратил на шорох внимания. Его горящий взор был прикован к клинку. Опутанный цепями меч казался легкой добычей. За него не надо было проливать кровь. Вот он перед тобой. Протяни руку и возьми. А цепи?..

Конан размахнулся и изо всей силы рубанул по толстой цепи, приковывающей рукоять к алтарю. Меч легко прошел сквозь цепь, разрезав ее, как нож проходит сквозь масло, и стальная змея упала на каменный пол, громко звякнув звеньями. Раздалось шипение. Цепь заволокло

едким, желтым дымом, и она исчезла, поглощенная камнем.

Лезвие оставалось опутанным. Конан замахнулся для последнего удара, как что-то тяжелое опустилось на его правое плечо. Варвар почувствовал мертвую хватку и тяжелое дыхание на своей спине. Мгновение и тело его было отброшено от алтаря к каменному кольцу, окаймлявшему круговую залу. Ударившись о гранитные плиты пола, Конан глухо зарычал от навалившейся на него боли, напряг мускулы и рывком подбросил тело вверх, вставая на ноги. Меч занял выжидающую позицию у груди Конана. Варвар озирался по сторонам, выискивая опасность, которую чувствовал звериным нюхом. Что ударило его? Что не дало овладеть мечом? Наделенный могуществом предков клинок отдаст свою древнюю магическую силу в руки того, кто им овладеет. Духи — стражи, веками блуждающие по храму, не хотят отпускать из святыни волшебный меч.

Конан топтался на одном месте.

Где-то в вышине послышался шелест крыльев. Конан запрокинул голову. Неужели его ударила птица? Под сводами храма, теряющимися в вышине, кружил громадный черный ворон, расправивший гигантские крылья. Ворон — птица Крома, бога могильных курганов. Варвар в первый раз видел такого ворона. Неужели бог на-

правил к нему посланца, чтобы спасти одного из своих сыновей?

Птица зашуршала крыльями и растворилась в темноте, унося с собой ответы на вопросы киммерийца, и вместе с ними последнюю надежду на помощь свыше.

Прошло неведь сколько времени. Конан не двигался, застыв с обнаженным мечом, прислонившись к каменному столбу. Перед его горящим взором разворачивались картины прошлого. Он видел, как могучие прославленные воины пытались добраться до магического меча, заключенного в оковы цепей. Он видел, как они умирали один за другим, пожираемые жуткими тварями, порождениями Нергала, лишь только падала разрубленной первая цепь.

Конан видел, как на его глазах гигантская серая обезьяны схватили чернокожего воина, бог весть как попавшего в эти ледяные края, одной лапой за горло, а другой за ноги, и взметнуло обмякшее, полузадушенное тело над головой, размахивая им, как мешком с человеческими костями. Раздался звук лопающихся связок, вен и артерий. Голова отделилась от туловища и полетела на камни, разбрызгивая на плиты хлещущую кровь. Ноги были выдернуты с хрустом из суставов, и безжизненное тело чернокожего полетело за пределы круговой залы...

Видение оборвалось. Призраки прошлого покинули киммерийца.

Конан стоял один посреди мертвого храма, наполненного тишиной, плесенью и смертью. В затхлости воздуха чувствовалось дыхание предшественников, боровшихся за меч и положивших свои жизни на алтарь преисподней.

Шуршащий звук вспорол тишину, и страшный удар пришелся в спину киммерийца. Удар откинул сильное тело варвара на каменный пол. Раздалось глухое рычание — тихое, с затаенной угрозой. Конан вскочил на ноги и обернулся.

— Прах и пепел! — вырвался возглас.

Измученный Конан увидел вместо ожидаемых демонов фигуры вполне земных существ.

«Обезьяны. Гигантские серые обезьяны. Откуда они взялись здесь?»

Конан приготовился к бою.

Варвар чувствовал холодные свирепые взгляды, которые буравили его. Исподлобья за ним следили налившиеся кровью глаза обезьян, ожидавших нападения.

Конан прыгнул. Вонзил по рукоять меч в грудь ближайшей обезьяны и тут же выдернул клинок, исторгая потоки черной зловонной крови. В лицо Конану пришелся удар сжатой в кулак лапы, и он отлетел на камни. С трудом увернулся от нацеленной в голову когтистой ноги, которая могла бы раздавить череп с легкостью, словно гнилой персик, смешав мозги варвара с толстым слоем пыли, покрывавшим пол, колонны, алтарь и каменного мальчика.

Конан вскочил на ноги и повернулся лицом к врагу неистово колотящему лапами в волосатую грудь. Разъяренный рык рвал варвару барабанные перепонки. Конан полоснул мечом по обезьяной морде, взрезая глазные яблоки, которые лопнули и потекли по обвислым щекам. Обезьяна взвыла и бросилась бежать, не разбирая дороги, натываясь на колонны, дико вереща и размахивая волосатыми лапами. Конан замер, тяжело дыша. Он смотрел, как капала с клинка темная вязкая кровь. Она растекалась лужами по камням, затекая в щели, собирая грязь и пыль.

Два тела, сваленные друг на друга, безжизненно валялись на полу. Третья тварь, смертельно раненая, уносилась все дальше и дальше от места схватки, и Конан еще слышал дикие вопли, разносившиеся по храму.

«Слишком уж легко все получилось. Не ловушка ли это?» — засомневался Конан, но алчность победила в нем сомнения.

Варвар повернулся лицом к алтарю.

Путь свободен. Никто не мешает завладеть мечом. Стража умерщвлена, а внутри камня разгорелся с новой неистовой силой темный огонь. Конан протянул к камню руку и провел пальцами по гладкой поверхности алмаза.

«Обладать им! Во что бы то ни стало обладать им!»

Конан ухватился крепко двумя руками за рукоять меча, поднял его высоко над головой и

изо всех сил опустил сверкающее лезвие на толстую цепь, притягивающую древнее оружие к алтарю.

Цепь упала к ногам. Туман окутал рослую фигуру киммерийца, напоминая воину о снежной буре, благодаря которой он попал в этот проклятый город. Когда туман рассеялся, исчезли цепи, тела поверженных врагов. Серые обезьяны, искромсанные мечом варвара, растворились в зловещем ускользающем тумане, не оставив после себя ни капли крови. Чистые каменные плиты пола. Сумрак и тишина.

* * *

Тяжелый вздох.

Конан вздрогнул и обернулся. На него немигающе смотрели глаза мальчика... теплые, доверчивые глаза, в которых теплился огонь разума и жизни. Ребенок ожил. Оковы камня рухнули, оживив существо, спавшее столетиями. Оно дождалось освобождения.

Маленькие хрупкие ручки, болезненное тело, неприкрытая нагота вызвали в душе варвара — грубой, непроницаемой — жалость и сострадание. Он пожалел мальчишку, мучавшегося так долго, но осознать разумом чудо, увиденное собственными глазами, он не мог.

Меч, ради которого он рубил цепи, ради которого сражался с обезьянами — хранителями сокровища, реликвии храма, должен быть его.

Не обращая внимания на мальчонку, Конан протянул руку к алтарю и сжал рукоять клинка. Приятное тепло разлилось по жилам, тепло, принесенное клинком.

Жажда была утолена. Клинок перешел в руки Конана, и пока варвар разглядывал сверкающее лезвие, от удовольствия цокая языком, мальчик вылез из ниши и прыгнул на каменный пол, распрямляя хрупкое маленькое тело.

— Как давно это было, — послышался голос, и Конан перевел взгляд с меча на ожившего ребенка, который, не стыдясь своей наготы, разгуливал возле алтаря.

— Как давно я не ходил по земле.

Мальчик не видел варвара. Он вышагивал вокруг него, совершенно не обращая внимания на воина, пробудившего его к жизни.

— Как давно я не дышал, — мечтательно промолвил мальчик, и Конану захотелось что-нибудь сказать этому престранному существу.

Не выпуская меч из рук, варвар приблизился к мальчику и пристально посмотрел в его глаза.

— Кто ты? — сурово спросил он.

Мальчик отреагировал на звук голоса и удивленно захлопал ресницами. Лицо его озарилось любопытством и восхищением.

— Меня зовут Хор.

— Хор. Имя воина. Хор — значит «боец».

Конан почувствовал в душе теплоту, которую пробудил в нем мальчишка. Она поднялась от-

куда-то из глубины и разлилась в сердце. Киммериец вспомнил отца и его суровую отцовскую любовь. Когда-то он был таким же мальчуганом и так же по-детски светились его глаза, но телом он не был так хрупок. Варвар пристально вглядывался в лицо мальчика, которое омрачилось испугом, лишь только Конан сделал первый шаг ему навстречу. Мальчик отступил за алтарь и приготовился забиться в нишу, где столетиями просидел, окаменевший на постаменте.

— Чего ты испугался? — киммериец постарался придать своему голосу побольше ласки, но вместо этого получилось нечто невообразимое, больше похожее на сварливое ворчание дикого медведя. И мальчишка отшатнулся от Конана, как от проказы.

— Дикий волчонок, — нахмурился варвар.

— Ты не причинишь мне зла? — прошептал мальчуган, так невинно улыбнувшись, что в сердце Конана окончательно растаял лед. Он улыбнулся неумело и тут же спохватился, смутился проявлению своих чувств и нарочито грубо спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Мальчик нахмурился и ничего не ответил.

— Печень Крома! Что произошло в этом заклятом городе?

Неожиданно глаза мальчика прояснились, и он заговорил быстро, сбиваясь, торопясь расска-

зать своему освободителю историю своих злоключений.

— Меня зовут Хор, — повторил он уже сказанное ранее. — Я родом из племени атлантов, которые ... После того как пробил час Великой Катастрофы, и земли Лемурии и Атлантиды ушли под воду, мои предки обосновали континентальную державу. А небольшая часть отделилась и ушла на север, поверив известию, которое принес странник, вернувшийся с Дальнего Севера. Странник сказал, что ледяные пустыни вовсе не безлюдны. Там обитают многочисленные племена человекообразных обезьян. Странник настаивал на том, чтобы отправить за Полярный Круг вооруженные отряды и перебить бестий, но к его словам атланты остались глухи. Только небольшая группа воинов в поисках приключений двинулась вслед за проводником и пропала. Сородичи больше никогда о них не слышали. А эти воины, возглавляемые странником, осели на северных землях и основали этот город, просуществовавший много столетий, пока ... — Мальчик замолчал и опустевшим взглядом уставился на пустой алтарь.

Конан насторожился. Этот пустой взгляд и оледенелость, появившаяся в мальчишке, заставили посмотреть на парня с осторожностью. Он больше не видел в этом хрупком создании ребенка. Маска была сорвана и перед ним на мгновение предстало холодное, взрослое существо,

скрывающееся под юной личиной. Но спустя мгновение перед ним вновь был самый обычный ребенок, и киммерийцу оставалось лишь гадать, что за диковинные иллюзии то и дело посещают его в этом странном месте.

— Город поразила чума. Откуда-то с юга к нам пришел чародей. Мой отец — властитель этого города — принял его радушно, не догадываясь, что приютил змею. Многих принес в жертву этот колдун. Он поклонялся какому-то темному богу и на алтарях, подобных этому, он совершал жертвоприношения. Народ взбунтовался и готов был растерзать колдуна, и моего отца, попавшего под влияние демонических чар. Но толпа не успела. Мор порастил их и в одно утро никто не вышел из своих домов. Все мертвы. Город полон гниющих трупов, а те, кто остались живы, многое бы отдали, чтобы не отличаться ничем от мертвых. Слуги моего отца спустили тела горожан в гробницы. Город вымер. Жизнь теплилась только во дворце, где доживал последние дни мой отец. Колдун куда-то исчез из города. Долгое время не появлялся, но в один солнечный день полчища солдат осадили стены города. Во главе армии стоял колдун. Город был взят и разграблен, а все обитатели дворца окаменели. Пробудить нас мог только человек, сумеющий справиться с закланием алмазного меча. Им оказался ты. — Мальчик замолчал, доверчиво уставившись на варвара.

Конан застыл. В рассказе мальчика что-то было не так, что-то настораживало киммерийца. Но что?

«Преисподня Нергала! Ах, вот как ты говоришь. Город разграбили, но как же тогда в том доме осталась книга. Даже если солдаты были безграмотны, их должен был привлечь богатый переплет фолианта, украшенный драгоценными камнями. Как они смогли оставить его?»

Конан подозрительно посмотрел на мальчика, нетерпеливо переминающегося с ноги на ногу.

— Как, говоришь, тебя зовут? — неожиданно для себя спросил Конан. Он прекрасно помнил имя ребенка, но ему нужно было время для того, чтобы принять решение.

— Хор, — гордо отчеканил мальчик.

— Скажи мне, Хор. А эти стражи?..

— Какие стражи? — с детской наивностью поинтересовался Хор и заглянул в глаза варвара.

— Те, которые тысячелетиями хранили меч и тебя.

— Ты говоришь о заклании алмазного меча?

— Да. Печень Нергала. Именно это я имею в виду, — крикнул от нетерпения варвар.

— Никаких стражей нет и никогда не было.

— Как это? — раскрыл глаза киммериец.

— А что ты видел каких-то стражей? — изумился мальчик.

— Великий Кром! Их было трое. Три гигантские серые обезьяны. Страшные, рычащие, но

стоило до них дотронуться мечом, как они ... Этим громилам было достаточно всего одного удара, чтобы подохнуть.

— Каждый видит только то, что он хочет видеть.

— Что ты имеешь ввиду?

— Никаких стражей нет и никогда не было. То, что ты видел, существовало только в твоей голове, но не в жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?! — взревел начавший терять самообладание Конан.

— Только то, что этих обезьян видел лишь ты. Другой воин мог видеть на их месте кого угодно: людей с волчьими головами, диких игуан в человеческий рост, людей-пауков, да кого угодно, хоть самого себя с клыками вампира. Но главное это то, что физически этих обезьян не победить, главное не бояться их, и победить монстров в своем сердце. Ты был уверен в победе — и победил.

Конан молчал.

— Ты спас меня. Теперь я буду служить тебе. — В глазах мальчика светилась такая проникновенная доверчивость, что варвар дрогнул.

— Я возьму тебя с собой.

— Куда?

— Я направляюсь на юг. Видит Кром, из тебя получится прекрасный воин. — Киммериец уже видел, как из этого хрупкого, тщедушного тела слепить могучего атлета.

Глаза Хора заблестели азартом.

— Правда?! Ты обещаешь? — загорелся идеей мальчик. — Ты сделаешь из меня воина?!

Но усталость овладела телом варвара, продолжать разговор не хотелось. Вот уже несколько дней он провел без сна, в сражениях со снегами, и теперь веки киммерийца стали тяжелеть, руки опускались. Хотелось уснуть, раствориться в царстве сна. Но ночевать в этой зале, где когда-то рекою лилась кровь и правила черная сила, Конану не хотелось.

— Где здесь можно передохнуть?

Паренек задумался.

— Пойдем. — Хор взял варвара за руку и потянул за собой куда-то во тьму.

Конан шагнул вслед за мальчиком.

* * *

Мы можем переночевать здесь, — промолвил мальчик и указал рукой на каменные ниши, выдолбленные в стене.

— Куда ты меня привел?

Конан озираясь по сторонам и хищно скалился. Правой рукой он вцепился в рукоять меча, так что побелели костяшки пальцев.

Они стояли на пороге кельи, спрятанной в глубине скалы, за алтарем. Просторное помещение, покрытое толстым слоем пыли. Что могло находиться раньше в этом каменном мешке? Кто

спал в этих нишах, где предстояло переночевать варвару и малышу?

Только тут Конан заметил, что в зале с алтарем и в этой пыльной и тесной келье отсутствовали факела, но было светло. Варвар отметил это и тут же забыл. Усталость мучила тело, хотелось отдохнуть, поспать. Глаза слипались, но киммериец не позволял себе расслабиться.

— Куда ты меня привел? — прорычал варвар.

— Это клетка для жертв. Здесь томились обреченные до того момента, когда им предстояло взойти на алтарь, под жертвенный нож.

— Ты предлагаешь нам остаться здесь? — проворчал киммериец.

Провести ночь там, где некогда обитала смерть, а теперь поселилось безмолвие, — это нравилось варвару все меньше и меньше.

— Ничего другого не остается. Можно конечно покинуть храм и поискать кров в городе, но по ночам это опасно... — Мальчик смутился и добавил, — Вернее так было несколько сот лет назад.

— Ну, раз ничего другого не остается, то мы заночуем здесь. И пусть хоть сам Нергал попытается добраться до нас, я выпущу ему кишки и размажу по стене.

— О, кстати, я даже не спросил... А как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии. Так меня называют.

— А где это... Киммер... Киммерия, — с трудом выговорил, исковеркав название страны, мальчик.

Конан промолчал. Оставил вопрос без ответа.

Глядя на парнишку, он видел в нем маленького мальчика, лет девяти, еще не допущенного к воинскому таинству. Мальчика, который вынужден с завистью наблюдать за старшими братьями, и глотать слюни, когда после тренировок они рассаживались за дубровым столом, уставленным яствами, и наперебой, смеясь и распевая песни, рассказывали друг другу о своих подвигах и приключениях.

— Не болтайся под ногами.

Конан снял через голову ремни, удерживающие ножны с мечом за спиной. Скинул с себя волчьи шкуры и постелил одну на ложе, которое уже присмотрел для себя, поближе ко входу, чтобы успеть, в случае опасности, обнажить меч и не пустить врага дальше порога, а другую шкуру он расправил в другой нише — для мальчика.

— Ложись здесь, — приказал он, и мальчик подчинился. Неуклюже забрался на каменное возвышение, и свернулся комочком, подложив руки под голову.

Конан даже не взглянул на мальчика. Забрался на свою постель. Положил свой меч за спину, не вытаскивая из ножен, а магический клинок, добытый в схватке с демонами, уложил рядом с

собой, так чтобы при надобности он всегда оказался бы под рукой.

Растянувшись на жесткой поверхности, Конан мечтательно поднял глаза к хмурому каменному своду, нависающему над головой.

— Может, расскажешь что-нибудь? — подал робкий голос мальчишка.

— Спать! — рявкнул варвар.

— А когда мы пойдем на юг?

— Завтра.

— А далеко идти?

— Далеко.

Мальчик уже начал надоедать варвару.

— А что мы будем делать на юге?

— Спать!!! — рявкнул Конан.

Мальчик притих. Было слышно, как завывает сквозняк, бродит по длинным пустым извилистым коридорам храма, брошенным человеком несколько сот лет назад.

Сон затягивал Конана. Он проваливался в мрачную бездонную пропасть, где не было сновидений, не было покоя — только темнота и смерть.

— А когда ты меня начнешь учить? — не успокаивался мальчик.

— Ты можешь помолчать?!

— Мой отец никогда не обращал на меня внимания. Он всегда был занят государственными делами, а меня воспитывал старик Ратф ... Он говорил, что я будущий король, и все будет

принадлежать мне. А теперь больше нет отца, и старика. Переметнувшийся стражник из личной охраны моего отца всперол ему живот, и он умер в луже собственной крови и дерьма, и последние минуты перед своей смертью он видел свои кишки, и мог до них дотронуться ... А я умею стрелять из лука! — мальчик подпрыгнул от гордости и сел на своем жестком ложе.

— Спи!

— Скажи, Конан, а ты воевал?

— Приходилось.

— А я когда вырасту, то стану великим героем? Ты меня научишь? Я буду много сражаться, совершу немало подвигов и завоюю себе царство ... Мой отец был добрым и справедливым королем, пока не пришел колдун. Он заколдовал отца.

Мальчик, казалось, проникся доверием к варвару, и это было лестно, но сейчас превыше всего ему хотелось отдохнуть.

— Спи, — устало пробормотал Конан.

— Я помню как убили отца. Город был уже взят. Солдаты глумились над нашими святыми. Да какие солдаты! ... Те самые очеловеченные обезьяны, о которых предупреждал странник. Повсюду стоны, вопли, вой. Последняя горстка стражи засела в спальне отца и сопротивлялась из последних сил. Меня пытались спрятать за балдахинном королевской постели. Двери под напором рухнули. Ворвались солдаты и стали уби-

вать стражу...— голос Хора дрожал от волнения, словно он переживал заново все то, что видел в тот страшный час.— Я видел... рядом со мной упал стражник, совсем еще молодой. У него был вспорот живот, как у старика — учителя. Кровь фонтаном хлестала из раны, а он осатанело вращал безумными от боли глазами и орал, дико орал, а когда прекращал кричать, звал мать, просил его напоить молоком и жаловался на то, как ему плохо. Я видел, как в покои вошел колдун. Его люди расправлялись со стражей. Согнали ее обезоруженную в соседней зале и глумились над ними, кого-то заживо пожирали ... больше никто не мог защитить отца. Он — этот проклятый колдун — рассмеялся отцу в лицо, выхватил меч и пригвоздил его к стене. Отец умер не сразу. Он долго агонизировал на острие клинка ...

— А как тебя заколдовали?

— Меня нашли. Когда отца пригвоздили, я не мог удержать слез и расхныкался, как девчонка. Мне страшно было. Солдаты выудили меня из моего убежища. Я сопротивлялся, рычал, кусался, отбивался от солдат, но мне надавали пинков и выволокли за волосы. Колдун посмотрел мне в лицо. У него были такие черные, мертвые, колючие глаза. Он рассмеялся беззвучно и бросил в меня какой-то порошок. Жуткая боль, все разъедает, словно вытекают глаза, потом я ничего не помню, пока ты меня не разбудил...

— А где находится дворец? — спросил Конан, в тайной надежде, что дикари-завоеватели не все успели разграбить.

— Выйдем из храма и я найду его. Если только его не сравняли с землей. А еще, ты знаешь...

— Ладно, хватит болтать!!! — рявкнул варвар.— Расскажешь завтра!..

Страшно ныло тело, голова отказывалась думать, хотелось спать и видеть сны. Последнее видение, промелькнувшее перед его мысленным взором, перед тем, как заснуть, были огромные, окованные железом ворота, захлопывающиеся перед его носом, когда он пытался покинуть город. Киммериец провалился в тяжелый, беспокойные сон, лишенный сновидений. В голове роились мысли и уже где-то на исходе сна, перед тем как проснуться, Конаном завладели сомнения. Стоило ли доверять мальчишке, о котором он знал только то, что тот рассказал ему сам. Чутье подсказывало, что нельзя, но наивный вид Хора и его по-детски чистые глаза вводили в заблуждения и притупляли чувства. Во сне варвар вспомнил лицо мальчика, когда он запнулся во время своего рассказа и пустым взглядом уставился на опустевший алтарь. Взглядом, в котором был холод, жестокость и ненависть.

Сон оборвался. Конан выскользнул из его скользких объятий, но не открыл глаза, а продолжал лежать, прислушиваясь к окружающим его звукам. Что заставило его проснуться? Что

потревожило его? Пространство вокруг него безмолствовало. Но что это?.. Тихий шорох, словно кто-то крадется, боясь сделать лишнее движение и нарушить спокойный сон воина. Конан замер, продолжая делать вид, что спит, а для убедительности еще продолжал похрапывать. Он почувствовал, как чьи-то цепкие пальцы осторожно коснулись алмаза, вставленного в рукоять меча. Он не мог видеть это, но почуял прикосновение пальцев к камню.

Кто-то пытался вытащить меч из правой руки Конана. Больше ждать нельзя. Конан перевернулся на правый бок, левой рукой перехватил запястье осторожного человека и широко раскрыл глаза.

Он увидел склонившегося мальчика, пытающегося вытащить волшебный меч из ножен.

— А не кажется ли тебе, что для ночных походов рановато?! — поинтересовался Конан и сорвал руку мальчика с меча. Он отшвырнул паренька от себя.

Хор приземлился на пол, поджал под себя ноги, обнял колени и захныкал.

— Ты обещал меня не обижать. — прочитал он, заливаясь неподдельными детскими слезами.

— Но что ты тут делал?

Конан поднялся и сел, опираясь спиной на холодную стену, и пристально воззрился на испуганного Хора. Как он может в чем-то подозре-

вать этого невинного, слабого ребенка?! Да, но зачем тому потребовался клинок?

— Этот меч ... — начал было мальчик, но осекся и посмотрел на варвара, пытаясь прочитать на суровом лице сострадание, жалость, однако оно оставалось непроницаемым и холодным. — ...Этот меч. Я уже видел его раньше.

— И что? — зловеще поинтересовался киммериец.

— Этим мечом колдун убил моего отца! — На лице мальчика появилась печать боли, оно исказилось и паренек заплакал сдержанно, глотая слезы, как плачут только мужчины. — Я проснулся и не смог заснуть. Стал разглядывать тебя. Увидел этот меч, и мне показалось, что я уже где-то видел его. Подошел поближе и узнал.

— Ладно, хватит. Ложись спать. Надо хорошо отдохнуть. Мы покинем этот город. Я возьму тебя с собой, сделаю из тебя настоящего воина, — смущенно пробормотал Конан и забрался обратно в нишу.

Повернулся спиной к мальчику и постарался хоть немного расслабиться.

Он еще долго слышал всхлипывания мальчишки, который забрался к себе, закутался в шкуру и тихо заснул.

* * *

Здесь не было утра и отсутствовала ночь. Храм, словно находился в вечном безвременье.

Только полусумрак в тесных помещениях и в просторных залах, где когда-то служили свои черные мессы жрецы и заливали алтари жертвенной кровью...

Конан проснулся с твердым, нестерпимым желанием покинуть этот проклятый город как можно скорее. Ворота больше не остановят его. Ведь смог же он убежать из Халогии!

Мальчик бодрствовал, озирался по сторонам, не вылезая из-под шкуры. Конан вспомнил ночное происшествие и стало немного не по себе. Что скрывает мальчишка?

— Нам пора идти,— суровым тоном произнес киммериец.

Мальчик еще сильнее вжался в шкуры.

— Нам пора идти.— повторил варвар более мягко, и мальчуган оживился, соскочил с ложа и бросился к киммерийцу.

Хор запричитал так быстро и сбивчиво, словно от того, что он просил, зависела его жизнь и смерть.

— Ты можешь сказать толком. Что тебе надо? — не выдержал Конан.

— Здесь под городом находится склеп. Там похоронена вся моя семья ... вся, кроме отца. Перед тем, как покинуть город я хотел бы с ними попрощаться.

Конан задумался.

— Там же похоронены и горожане. Мы снесли их туда...

Склеп. Само слово не нравилось варвару, и идти туда жутко не хотелось. Мальчик, заметив, что воин колеблется, спохватился и добавил:

— Там находится наша сокровищница. Отец говорил, что золото приносит смерть, и распорядился спустить все в подземелье, все в сундуки с золотом. Ты можешь забрать с собой столько, сколько сможешь унести.

Конан задумался. Упоминание о золоте заставило его позабыть о своем нежелании спускаться в склеп. Золото могло потребоваться в Заморе, куда направлялся киммериец. От золота Конан, вообще, не отказывался, тем более тогда, когда ради него никого не надо было убивать. Протяни руку и возьми. Вот оно лежит перед тобой.

— Веди,— коротко приказал Конан.

На этот раз мальчик не брал киммерийца за руку. Он просто пошел впереди, совершенно не интересуясь, следует ли за ним воин. Ступал Хор медленно, с трудом разбирая дорогу, припоминая давно забытые повороты, за которыми открывались новые залы, новые коридоры храмового лабиринта.

«Будет ли ему когда-нибудь конец?» — думал Конан, продолжая вышагивать за поводырем.

За спиной в ножнах бряцал меч, добытый при побеге из Халогии. За него варвар свернул шею стражнику, заснувшему возле темницы. В руках сверкал алмазный клинок, освещавший

путь. Идти в склеп не хотелось. Что может быть привлекательного в древних гробах, затхлом воздухе, пропахшем плесенью... Однако там было золото! Он не задумывался о том, как вынесет сокровище из подземелья. Может быть, там что-нибудь подвернется под руку, куда можно будет ссыпать богатство... а потом — вон из этого проклятого места!

Мальчик вывел Конана из храма. Стены расступились резными дверями и отпустили на свободу человеческие существа, оказавшиеся по ошибке заточенными в плену у потусторонних сил, но вслед за ними стены сомкнулись.

«Я входил не отсюда» — подумал Конан, отходя от храма на несколько шагов. Первый камень упал за его спиной. Варвар обернулся и увидел, как скала-храм обваливается, точно стремясь как можно скорее завершить свое земное существование. Непосильная ноша сброшена, теперь можно и на покой...

Страшный грохот. Снежный туман окутал мальчишку и киммерийца, а когда он рассеялся, на месте храма красовалась бесформенная куча глыб. Невозможно было поверить, что раньше здесь возвышалось культовое сооружение, сложенное много столетий назад атлантами. Об этом напоминали теперь лишь обломки статуй. Из каменной груды торчали руки, выглядывала одинокая голова, украшенная курчавой бородой.

Каменный меч рукоятью вверх предостерегал и устрашал.

Конан отвернулся и, к удивлению своему, обнаружил, что Хор не только не обернулся на шум обваливающегося храма, но даже и не остановился. Маленькая фигурка мальчишки мелькнула возле серого полуразрушенного здания и исчезла, скрывшись за углом.

Конан бросился догонять Хора, осыпая паренька отборнейшей хайборийской бранью. Он нагнал его за домом. Мальчик застыл перед входом, затянутым ледяной пленкой, и в нетерпении смотрел туда, откуда должен был появиться варвар.

— Это здесь.

— Что здесь? Ты издеваешься надо мной, щенок?!

— Здесь вход в подземелье.

Хор шагнул вперед, словно и не замечая льда, а Конану почудилось, будто мальчик протек сквозь ледяную пленку. Он готов был биться об заклад, поставив на кон все то что имел, что это так и было. Оказавшись внутри дома, Хор обернулся и поманил киммерийца за собой.

— Помоги мне Кром,— молвил про себя варвар, памятуя, что Кром все равно не услышит и не поможет.

Он сделал шаг навстречу мальчику. Лед обнял его со всех сторон, и киммериец почувствовал дьявольский холод, словно погрузился с го-

ловой в воды реки мертвых. В его тело впились иглы мороза, и появилась ломота в костях.

Конан видел, как яростно замахал руками мальчишка, привлекая к себе внимание замерзающего, но сдвинуть свое тело с места уже не мог. К нему протянулась сквозь лед рука, ухватившая его за одежду, и выдернула из объятий смерти.

— Там нельзя оставаться долго. Замерзнешь и навсегда останешься внутри,— пояснил Хор.

Конан тяжело дышал.

Лачуга была наполнена никчемными полуистлевшими вещами. Плошки, из которых хлебали горячую пищу обитатели дома, ложки, примерзшие к деревянному столу, окруженному скамьями...

С удивлением, Конан уставился на Хора, который, склонившись, изучал промерзший насквозь пол, словно искал чьи-то следы.

— Кром, это мало похоже на склеп!

Мальчик не обращал внимания на замечания варвара. Разогнулся и вперил свой взгляд в ледяную стену, у которой возвышалось непонятное каменное сооружение, состоящее из двух глыб, сложенных друг на друга.

— А где сокровищница?

Хор обернулся к Конану и с видом невинного младенца попросил.

— Помоги мне.

Варвар приблизился.

— Нужно убрать эти глыбы,— пояснил мальчик.

Киммериец спрятал алмазный меч на своей спине, засунув его между ремнями, и склонился над камнем. Ухватившись ручищами за неровные края глыбы, Конан напрягся ... было видно, как вздулись бугры его мышц ... и своротил верхний валун, приваленный одним концом к стене. Со вторым справиться было значительно легче, и, откатившись, глыба открыла под собой пролом в полу и лестницу, ведущую вниз. Было видно, что входом давно не пользовались. Покрытые толстым слоем льда ступеньки выглядели устрашающе, угрожая смельчакам сломанными шеями и проломленными головами.

— Войти в склеп можно из любого дома. В каждом есть такой лаз. Мы можем всегда находиться рядом со своими предками. Я часто играл на этих лестницах со своими друзьями. Нам запрещали это делать и даже наказывали. Публично пороли всех, кроме меня. Я — сын короля. Меня пороли во дворце. Старик Ратф. Аж десять раз,— заявил он с гордостью.

Когда мальчик рассказывал о своих приключениях или о своем отце, в нем просыпалось что-то безудержное, невинное. Он захлеб, давясь словами, выдавал свои истории, и Конан, сам того не замечая, заслушивался и забывал о тех подозрениях, которые рождались в его голове ранее. Когда мальчик начинал рассказывать

об отце, он хмурился. Его чело покрывала тень горя и страдания, и варвару становилось жалко ребенка, стоящего перед ним. Он был таким беззащитным и хилым, что в душе воина загоралось желание укрыть его от всех несчастий этого мира.

— Лезь первым,— приказал киммериец и мальчик повиновался.

«Может я напоминаю ему отца?» — подумалось варвару, но он отогнал от себя эту мысль.

Хор повиновался.

Конан последовал за ним. Приходилось держаться руками за предыдущую ступеньку, чтобы не поскользнуться и не рухнуть всем своим весом на спускающегося впереди мальчика. Винтообразная лестница, с обеих сторон окруженная каменной стеной, вела спутников все глубже и глубже вниз. Они спустились в каменный колодец. Конан осознал, что подняться по этой лестнице обратно будет практически невозможно. Он задумался над тем, как потом выбраться на белый свет, но пока ничего стоящего не пришло на ум.

Появились перила — выбоины в камне, сделанные трудолюбивыми и терпеливыми людьми. Они располагались на уровне плеч и служили надежным подспорьем при спуске. Теперь можно было развернуться и не пятиться задом.

Несколько раз почва выскальзывала из-под ног, и киммериец повисал на руках, зацепив-

шись за выбоины, затем, слепо нащупав утерянную ступеньку, возвращался на прежний путь.

Как долго они спускались, Конан не знал. Он давно потерял счет времени и посвятил все свои усилия сражению с обледеневшими камнями, но вот мальчишка скрылся за очередным поворотом, а когда варвар догнал его, Хор стоял лицом к киммерийцу, и в его глазах светился огонек злого торжества.

— Когда-то по этим ступенькам можно было бегать, сломя голову, не боясь упасть и разбиться. Это было очень, очень давно, но для меня, все как вчера...— Во взгляде появилась печаль, скрывшая злобу, так что киммериец вновь уверил себя, что это лишь померещилось ему, но все же ощущение оставило после себя скверный осадок.

— Иди за мной.

Хор развернулся спиной к северянину и бросился быстрым шагом по извивающемуся туннелю. Шаги его гулками ударами разносились по подземелью. Конану показалось, что сквозь этот гул он услышал тихие, печальные слова, брошенные мальчиком себе под нос: «Как здесь все изменилось».

Но сказал это Хор, или Конану это почудилось,— ведал лишь Кром.

Мальчик вывел варвара на просторный пятак, откуда расходились в разные стороны три туннеля. Низкие своды и свисающие каменные

наросты заставляли Конана продвигаться вслед за пареньком, низко пригнув голову, но теперь, выйдя на просторное ровное место, он распрямился и огляделся по сторонам.

Стены, освещенные призрачным, невесть откуда взявшимся светом, покрывали загадочные рисунки и неведомые письмена. Конан узнал их — точно такие же изображения испещряли страницы древнего гримуара, найденного варваром в одном из жилищ.

Внезапно Конану показалось, будто кто-то буравит его холодным пристальным взглядом и стало не по себе.

Конан оглянулся и увидел на стене лицо, знакомое до жути. Полустершиеся черты напомнили Конану Хора. Непонятно страшное сходство. Неужели этот древний лик был срисован художником с ребенка?!

Конан почувствовал, как по его телу пробежали мурашки ужаса, а рука невольно потянулась за спину, извлекая волшебный меч.

— Нам туда,— невинно пробормотал себе под нос Хор, и Конан устыдился своего неверия, смело ступил на тропу, выбранную мальчиком.

Шли они долго. Конан не выпускал из рук клинок, выставив его перед собой. Он видел, как обречено никла голова мальчика, который долго искал что-то и никак не мог найти.

«Мы идем не туда» — мелькнула мысль и пропала.

Вслух же варвар прорычал:

— Где твоя хваленая сокровищница?

Вопрос Конана вывел Хора из оцепенения. Он встрепенулся, мотнул непонимающе головой и остановился.

— Здесь все так изменилось.— пробормотал в свое оправдание мальчик и обернулся лицом к воину.— Я многое не могу узнать, словно кто-то прорыл новые проходы, новые туннели. Может, я слишком долго спал.— Казалось, еще чуть-чуть, и мальчуган разрыдается, и лишь присутствие храброго воина сдерживало его. Не хотелось мальчику, чтобы Конан видел его слезы.

— Пошли,— рявкнул киммериец, не умеющий успокаивать и говорить ласковые слова.

В этот момент он увидел, как в глазах мальчика сверкнули странные искорки, будто в чистом голубом небе вспыхнула молния, предвещающая приближение грозы. Конан не придавал этому никакого значения. Он оттолкнул мальчугана со своего пути и пошел вперед, жестом приказывая следовать за ним.

Они поменялись ролями. Поводырем стал Конан. Своим звериным чутьем он ощущал, что цель близка. Где-то там впереди был выход из нескончаемого туннеля. Где-то там, а не в оставленных позади пещерах, скрывалась желаемая сокровищница, в которой найдется чем поживиться, чтобы, не зная нужды в пище и крове, до-

браться до Заморы... Там, впереди... Он был в этом уверен!

Киммериец оказался прав. Через четыре поворота туннеля они вышли в просторную длинную залу, заполненную каменными саркофагами с прозрачными крышками, под которыми скрывался прах исчезнувшего народа, последним представителем которого стал Хор. Бросив взгляд на близстоящий саркофаг, Конан увидел лицо живого человека с широко раскрытыми, устремленными на пришельца глазами. Умерший прижался к крышке и созерцал безмолвный мир склепа. Не было праха, не было полуистлевших костей — только лицо живого существа, замурованного в оковы гробницы. Почему-то Конану вспомнился рисунок на стене, изображающий лицо мальчика. И это выражение опустевших глаз — безжизненных бесчеловечных — привело варвара в суеверный ужас.

Саркофаги, покоящиеся на искусственных возвышениях, располагались в зале кольцами, сходящими к центру, где возвышался круглый алтарь, лишенный всяких украшений. Теперь алтарь пустовал, покинутый своими владыками, служителями неведомого кровожадного бога, которому поклонялись и которого боялись.

От гробниц пахло сыростью и плесенью. Сумрачная зала с низким сводчатым потолком, поддерживаемым резными колоннами, с намерзшими сталактитами, навевала на Конана уныние

и смертельную тоску. Хотелось броситься прочь из этого подземного города, но без Хора дорогу назад не найти...

Внезапный шум отвлек его. Хор что-то выкрикнул в пустоту, и Конан обернулся рывком, готовый сразиться с любыми врагами. Будь то люди, или демоны — он не устранился бы никого. Однако, похоже, его единственным противником был этот ребенок. А как он может сражаться с детьми?!

— Да сбудется пророчество! — торжествующе повторил мальчик.

Пламя обьяло руку Конана, сжимающую алмазный клинок. словно раскаленными добела щипцами неведомая сила стала вытягивать пальцы, выламывать их из суставов. Меч в правой руке разгорелся синим пламенем, и камень засиял голубоватым призрачным светом, своим мерцанием затопляя гробницу.

— Час истины настал, варвар, — заговорил мальчишка, в котором теперь не осталось ни следа наивности и чистоты, так подло обманувшей Конана там, наверху. — Теперь я могу без опаски открыть тебе всю правду. Ты меня знал как Хора — маленького мальчика, заколдованного колдуном... Боюсь, был неискренен с тобой.

«Почему-то это меня не удивляет», — подумалось Конану и, несмотря на боль в руке, он сжал сильнее меч.

А мальчик продолжал.

— Это племя жило мирно и в согласии с самим собой. Когда первые поселенцы пришли сюда, они были истинными атлантами и поклонялись богам своего народа, но шаг за шагом старая вера была вытеснена... мной.— Лицо мальчика исказилось, и он зашелся в жутком хохоте.— Да. Это я был их богом! Мои слуги основали этот город и почти сразу же возвели храмы в мою честь. Приносили мне в жертву младенцев и заливали алтари жертвенной кровью девственниц. Но пришли тяжелые времена...

Краем глаза Конан уловил, как зашевелились крышки саркофагов и начали падать на пол, разбиваясь и превращаясь в осколки голубоватого льда.

—...обезьяно-люди, вооруженные примитивным оружием, осадили город. Тогда верховный жрец пришел ко мне и огласил предсказание, сделанное им несколько дней назад. Он прочитал его в звездах. Пророчество гласило, что мне и моему племени следует раствориться в вечности, уснуть в камне, чтобы дожидаться того времени, когда звезды примут нужное положение и родится на севере воин, который станет нашим освободителем. Волосами черен, глазами, как небеса, будет он потомком Кулла — короля древней могущественной Валлузии и атлантов. Он пробудит из небытия меня и мой народ!

— Чего ты хочешь? Пророчество сбылось. Я оживил тебя и вернул жизнь твоим людям. Что дальше? — Лицо Конана ожесточилось.

— Пророчество сбылось. Ты оживил нас при помощи магического меча, но теперь, когда я, обладающий могуществом богов, вновь дышу земным воздухом, мне мало этого маленького города и этой горстки подданных. Я хочу большего! Понимаешь?! — зашипел Хор. — Пожелай — и ты станешь моим верховным жрецом! Мое могущество безгранично, и я завоюю эту землю. Хочешь, я сделаю тебя наместником над всеми северными провинциями моей будущей империи? Ты будешь могущественен. Ты будешь всемогущ. Я могу подарить тебе вечность. Соглашайся, и ты обретешь бессмертие!

Конан рассмеялся и вместо ответа со всей силы замахнулся на мальчишку мечом — но клинок рассек лишь воздух...

— Куда ты делся, жалкое отродье?! — взревел Конан.— Клянусь Кромом, я разрублю тебя на куски!

— Что ж, ты сделал свой выбор.— раздался спокойный голос мальчишки.— Я предлагал тебе бессмертие. Ты отказался, тогда прими смерть, как подобает воину...

Конан захрипел от ярости, и резко обернулся. Хор оказался за его спиной. Со злобной ухмылкой он вцепился руками в каменный столб. Невидимое, чудовищно мощное усилие... Колонна

затрещала, посыпалась каменная крошка,— и столп обрушился вниз, стремясь погresti под собой варвара. В последнее мгновение Конан отскочил в сторону, задел саркофаг, крышка которого уже приподнималась над зашевелившимся телом черноволосого мужчины. Слетев с возвышения, саркофаг перевернулся и рухнул на пол. Крышка, съехав в сторону, отсекла голову оживающему жрецу, и та покатилась по полу, дико вращая глазами и вереща истошным голосом. Оказавшись под ногами варвара, голова попыталась укусьить его за ногу, и Конан с отвращением пнул отвратительную башку, так что отлетела к противоположной стене, оставляя за собой кровавый след.

Конан метнулся к Хору, намереваясь выпустить всю кровь из тщедушного тела, но мальчишка растворился в воздухе, превратившись в облако желтой мошкары, разлетевшейся по всему склепу. Мошкара собралась в рой над постаментом, где располагался алтарь, и приняла вид ехидно ухмыляющегося лица. Вслед за этим у него выросли ноги, руки, проглянуло туловище и он вновь оброс плотью.

— Это бесполезно. Ты ничего не сможешь сделать!

— Гиены плачут по тебе. И скоро примутся обгладывать твои кости.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, Конан! — Хор зашелся в диком смехе, переходящем в ка-

шель. Он взмахнул руками, и из камня вырос изящный резной трон, инкрустированный драгоценными камнями, с наброшенной поверх пятнистой шкурой. Он медленно с достоинством опустился на него, и взревел не по-детски суровым, хриплым голосом.

— Слуги мои, уничтожьте его!!!

Крышки гробов зашевелились, и стали спадать на землю. Из тьмы могил поднимались существа, обликом похожие на людей, но с пустыми мертвыми глазами и желтой, покрытой коростой кожей. Здесь были мальчики и взрослые мужчины, женщины и старики, старухи и даже один карлик в зеленом шутовском костюме.

Не ведая жалости и усталости, Конан принялся крушить мертвецов. Но мальчишка оставался его главной целью. Варвар запрыгнул на ближайший саркофаг и, перепрыгивая с крышку на крышку, двинулся в сторону потешающегося Хора.

— Ты похож на кузнечика! Присматривай за своими лапками, а то их оторвут мальчишки!

Конан полыхал гневом. Яростью сверкали его глаза. И если бы его взгляду было дозволено воспламенять, то склеп давно уже был бы объят огнем, и ничто не могло бы спастись.

Сотни полумертвых рук тянулись вверх, пытались ухватить варвара за ноги и сбросить на пол, но их пальцы хватали воздух, тогда как Конан,

выхватив из-за спины второй меч, уже сражался с очередными противниками.

Ударом ноги северянин сбросил паренька, пытающегося забраться на саркофаг, вогнал в грудь противника клинок по рукоять, а вторым раскроил череп появившемуся как из земли старику с массивной клюкой, которая едва лишь взметнулась в воздух — и выпала из ослабевших рук.

Выдернув клинок из обмявшего тела, Конан раскрутил оба меча перед собой и бросился в гущу врага, круша все на своем пути. Кровь покрывала его лицо и руки, залила одежду, а он все наносил и наносил удары, словно смертоносная мельница, кромсая ожившие тела.

— Уничтожьте его! — вскричал Хор, гневаясь, что до сих пор его приказ выполнен не был.

На пути Конана вырос смуглый лысый воин с крючковатым носом и пустыми глазницами. Он был вооружен железной палицей и жаждал крови. Варвар отступил, выманил врага на себя и, сделав отвлекающий маневр левой рукой, вогнал меч ему в живот, резко крутанул и выдернул на себя, увлекая за лезвием внутренности.

До постамента с алтарем оставалось совсем немного, но эти несколько шагов были завалены обломками саркофагов, которыми заградили своего бога ожившие мертвецы. Сами они плотной массой толпились у трона, готовые встать живой

стеной между опасным убийцей и своим повелителем.

«Не пройти», — осознал варвар, и с этой мрачной мыслью пришло неожиданное решение.

Перехватив драгоценный меч поудобнее, Конан взмахнул рукой и из последних сил метнул его в Хора. Такого поворота событий мальчик-бог не ожидал. Он не успел и пальцем шевельнуть, чтобы спасти себя, как старинный волшебный меч прошил его грудь и отбросил вместе с тронем к противоположной стене. Насажанный на острие, он беспомощно извивался, а кровь струйкой сочилась из его рта. Хор попытался встать, но это у него не получилось. Он попытался исчезнуть, вновь рассыпавшись облаком мошкеры, но вместо того лишь сделался полупрозрачным, так что сквозь него стали видны камни.

Конан, довольно хмыкнув, разрубил от головы до пояса напавшую на него девчонку.

Внезапно дикий нечеловеческий вой потряс застоявшийся воздух. Хор корчился на острие, и все явственней сквозь человеческую оболочку проявлялась его демоническая сущность. Голова вытянулась на длинной раскачивающейся шее и ощерилась зубастой зеленой пастью. Сломанные крылья за спиной не могли развернуться и лишь жалко трепыхались, размазывая черную смоляную жидкость. Из пасти чудовища вызме-

ился длинный желтый язык, извивающийся в агонии.

Конан расхохотался.

— Кром! А ты оказывается смертен!

Огонь...

Ожившие мертвецы вспыхнули багровым огнем. И в единой вспышке испепелились, превратившись в прах и пепел. С трудом ворочая удлинившимся языком, Хор шипя заговорил:

— Тебе не уйти из этого склепа. Он упокоит нас вместе...

Пасть чудовища распахнулась и исторгла ядовито-зеленое пламя, пронзившее мрак склепа. Струя ударила в потолок, проедавая в нем дыру. Конан почувствовал, как крошится камень. Он бросился к выходу, а вослед ему несли гортанный хохот Хора, постепенно переходящий в вой.

Колонны обрушились, засыпая вход, последнюю надежду варвара на спасение. В ярости Конан взвыл и попытался расчистить проход, но все было напрасно. Он обратил свой взор к агонизирующему демону, и той ненависти, которая сочилась из этого взгляда, хватило бы на то, чтобы спалить три сотни подобных тварей.

Хор изрыгнул тонкую струю жидкого пламени, но она не достигла потолка и опала огненным дождем. Он дернулся в последний раз и издох, тело его растеклось гнилью, и по склепу разнеслась жуткая вонь.¹ Конан поморщился в

отвращении, и в тот же момент каменный потолок, казавшийся вечным, рухнул вниз.

Тяжелый обломок колонны ударил Конана в висок, и варвар покачнулся, осознавая, что это конец.

Кром! Прими меня в свое царство! — успел прохрипеть варвар, прежде чем потерять сознание.

* * *

Снег залепил глаза. С трудом удалось очистить налипшую корку, и осмотреться.

Насколько хватает глаз, кругом равнины — бескрайние ослепительно белоснежные равнины, наполненные смертью и холодом — адским холодом...

Конан поднялся на ноги, отряхнул с одежды оледенелый снег, и сплюнул накопившуюся слюну.

Страшно болела голова, саднил висок, словно ударом обожгло. Прислушавшись к своему телу, Конан сделал первый неуверенный шаг, и продолжил свой путь.

Он помнил все, но теперь, когда вроде бы смерть давно должна была забрать его, а он чудесным образом очнулся живой, все, что произошло с ним в заброшенном городе, стало казаться приснившейся сказкой, обратилось в мirage и рассеялось.

Он больше не верил, что это было в действительности.

Ухмыльнувшись собственному воображению, Конан ускорил шаг, надеясь напасть на след какого-нибудь животного, и насытить мясом бунтующий желудок... а из заплечной сумы выглядывал золотой переплет древнего гримуара, найденного в заброшенном городе.

СОДЕРЖАНИЕ

Энтони Варенберг
НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ

7

Джерми Эмрис
ЛЕДЯНОЙ БОГ

331

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

КОНАН

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**

**197022, Санкт-Петербург
а/я 125**

Электронная почта:
sx-press@peterlink.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"
"Илрам"
"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

СУМЕРКИ МЕЧА

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

Литературно-художественное издание

Варенберг Энтони
Эмрис Джереми

Конан и наследие мертвых

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление: Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.03.2001.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура «Палатино». Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз. Заказ 1486.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПИЩЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ЩАДИЗАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛЮД ЗВЕЗЯ 65					
КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67					

ISBN 5-17-007575-8

9 785170 075751